

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

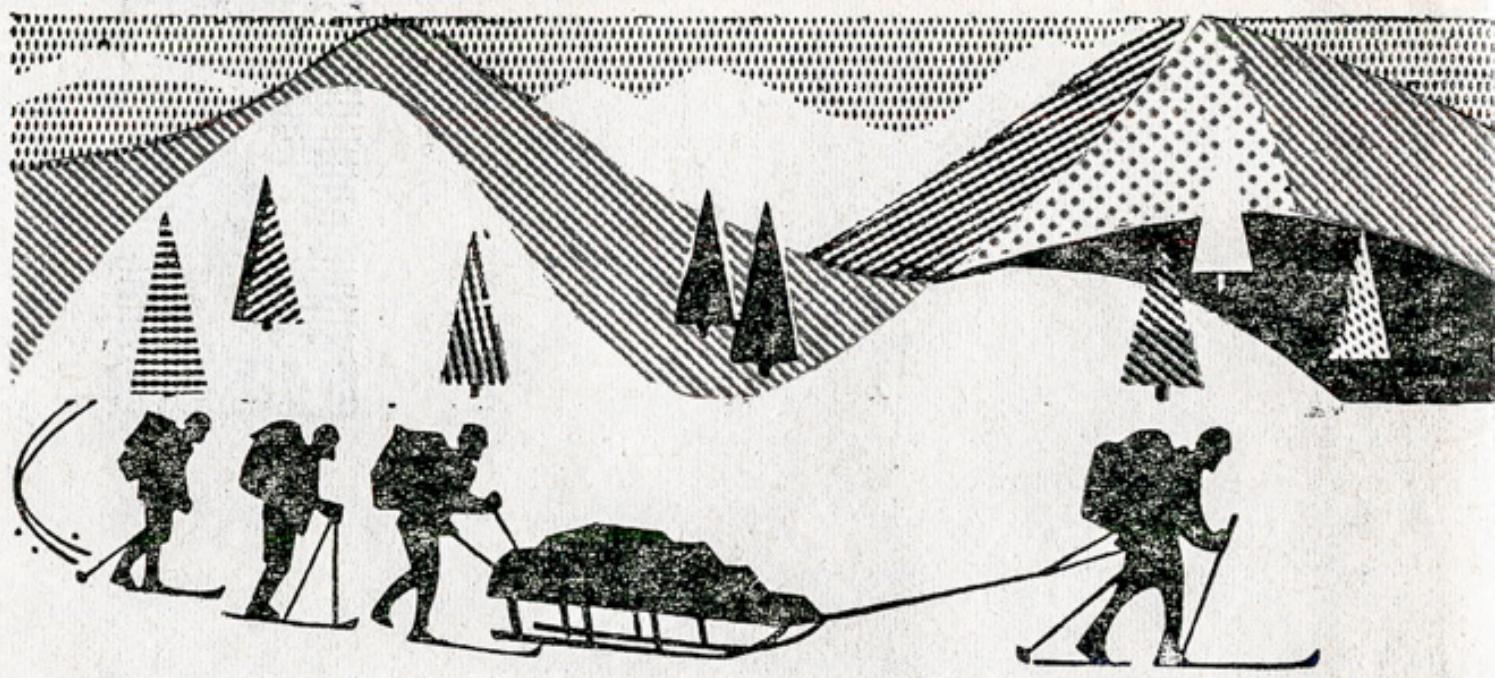

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

**ЗИМОЙ-
по УРСЛУ!**

Рассказы и

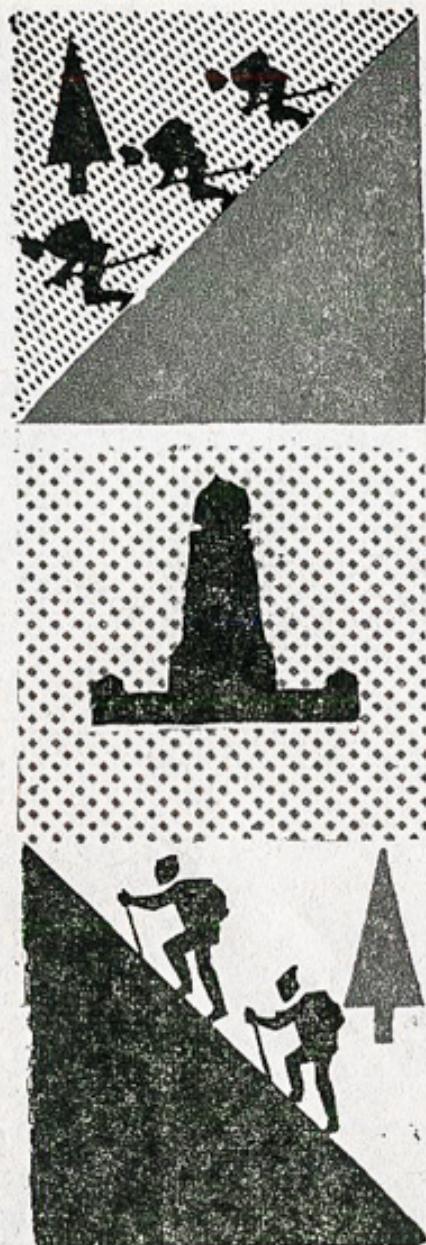
Составитель
Е. МАСЛЕННИКОВ

Зимой- по Уралу!

очерки туристов

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

Зимой по Уралу...

Отпуск зимой...

Наверное, вам приходилось встречать людей, считающих себя смертельно обиженными судьбой, дирекцией и завкомом, если им не удавалось получить отпуск летом. Конечно, зимой не полежишь в блаженном оцепенении на пляже, не искупашся в теплом, бархатном море и не скоротаешь ночь у рыбакского костра на берегу озера... И тем не менее тысячи людей с каждым годом все больше и больше находят радость в отдыхе на снегу.

Зимняя природа не менее, а иногда и более красива по сравнению с летней. Неприхотливы зимние краски, но посмотрите, каким ослепительным сиянием наполнены они в солнечные дни, какой мягкостью и успокоенностью веет от них в дни пасмурные! Задумчивые хвойные леса, утопающие в снегу, робкое, почти негреющее солнце над горизонтом, длинные нитки лыжных следов, петляющие по горам, уютная избушка со струйкой дыма на берегу незамерзающего ручья... Разве все это таит в себе меньше очарования, чем пальмы, цветы и море юга?

А зимние букеты у туристов,— разве не пахнут они свежестью и лесом, не радуют глаз зеленью хвои и пурпуром рябиновой кисти? У зимнего отдыха есть одна особенность: он «не терпит» пассивности, лени, неподвижности. Он «требует», чтобы кровь быстрее пульсировала в жилах. Поэтому зимой на открытом воздухе человек становится более подвижным. Его дыхание углубляется, все обменные процессы в организме усиливаются. Зимний отдых помогает человеку стать более закаленным, «морозоустойчивым» и, следовательно, менее подверженным различным заболеваниям. Наконец, отдых зимой оказывает огромное влияние на центральную нервную систему. Поговорите с любым опытным врачом-физиологом — и он скажет, что восстановление ослабленных сил человека при прочих равных условиях зимой происходит значительно быстрее и полнее, нежели летом. Итак, отдыхать зимой — это значит двигаться, дышать глубоко, побеждать усталость. И конечно же, путешествовать.

«...А на лыжах катаетесь? — спрашивал Владимир Ильич Ленин в одном из своих писем Инессу Арманд.— Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть, и Россией пахнет».

Владимир Ильич очень любил природу и вместе с Надеждой Константиновной в годы эмиграции не раз совершал многочасовые походы по Швейцарским Альпам. Особое предпочтение отдавал он лыжному туризму. Спутники свидетельствовали, что Владимир Ильич был прекрасным туристом и лучше всех лазил по снежным горам...

Помимо общего физического развития и закалки организма, лыжные туристские походы укрепляют веру людей в свои силы. Необычная обстановка, беспокойные дни, круглосуточное пребывание на людях, необходимость считаться со вкусами и интересами своих спутников

заставляют каждого участника похода быть борцом, смелым человеком, членом одной дружной семьи.

Может быть, именно поэтому с каждым годом в нашей стране становится все больше поклонников лыжного туризма, а на карте зимних маршрутов остается все меньше белых пятен...

Уральские горы наряду с другими давно уже пользуются славой популярнейших для зимних путешествий. Вот что говорит один из самых опытных советских туристов и альпинистов, заслуженный мастер спорта Алексей Малеинов:

«Мне пришлось побывать на прославленных зимних горных курортах Италии, Швеции, Австрии, Чехословакии. Зима — это самое популярное время года в Европе. Лыжи... Лыжи на крышах автобусов и легковых машин, в поездах, у стен отелей.

И все же Альпы не идут ни в какое сравнение с нашим зимним Кавказом, не говоря уже об Алтае, горах Средней Азии, Карпатах и Урале. У нас есть места, поразительно приспособленные для зимнего отдыха и спорта».

Зимний Урал...

Помню, на двенадцатый день похода мы вышли к Молчанскому Камню. Начиналось безветренное, морозное февральское утро. Изумительная тишина. Молчит отступившая назад тайга, молчит природа. Никаких следов, никакого движения. Кажется, что, кроме нас, в этом мире не осталось ничего живого — только наши лыжи рассекают эту тишину, это белоснежное молчание.

Пока шли по тайге, небо было закрыто матовой морозной пеленой. Но когда стали подниматься по крутым склонам к вершине, как-то незаметно появилось солнце, и над головой открылся огромный нежно-голубой купол неба. А впереди, в нарядной белизне на гигантском

взгорке, среди хаотических нагромождений ледяных торосов, застыли какие-то странные изваяния, будто заколдованные стражи этих безлюдных мест. Это ели, забитые снегом и льдом до такой степени, что на них не видно ни веточки. А на снег от них падают густые голубовато-лиловые тени.

Таинственный, сказочный мир!

Поднявшись на один из уступов, мы остановились и долго стояли неподвижно, не произнося ни слова. Каждый боялся первым нарушить первозданную и грозную тишину, царившую тут. В этом мире — только два цвета: голубой и белый.

Синева неба, свет снегов и — сияние солнца! В прозрачном воздухе реют и трепещут, ярко вспыхивая, искорки инея, будто кто-то пересыпает мельчайшие кручинки солнечного света. И через всю эту веселую искрящуюся карусель опытная рука невидимого чародея вдруг провела радугу — настоящая зимняя многоцветная радуга огромной дугой пролегла с Молчанского камня на голубые таежные просторы...

— Вы слышите музыку? — негромко спрашивает кто-то сбоку, и я ловлю себя на мысли, что в ушах, действительно, стоит какая-то торжественная мелодия, а на душе — празднично и чисто.

Зимний чарующий пейзаж горного Урала... Вдали уходит голубая зыбь покатых уголов, утыканных множеством бело-зеленых еловых свечек. На горизонте высится Конжак и Косьва, Тылай и Чардынь — сразу и не поймешь, облака это или горы. Как будто уральская зима сковала бушующий океан, и он замер, оставив ослепительно белые верхушки на каменных волнах.

Чувствуешь и понимаешь — никакому талантливому художнику, самому искусному кинооператору никогда не повторить этих красок, не за-

печатлеть эту зимнюю солнечную идиллию — ее надо видеть в натуре. И мы, защитив глаза от нестерпимой белизны темными очками, опершись на лыжные палки, все смотрим, смотрим... Щедрое, ласковое солнце и в мороз пригревает, чувствуешь его приятное тепло. Воздух пахнет озоном, хвоей и еще чем-то уже весенним. Чувствуешь, как с каждым вдохом в тебя вливается новая порция бодрости, свежести и вместе с ними нарастает чувство какой-то беспричинной радости и удовлетворения...

А потом — пятикилометровый, безостановочный, бешеный спуск вниз, к палаткам. Ветер свистит навстречу, с силой бьет в лицо, выжимает слёзы из глаз...

«Трудно, даже, на мой взгляд, невозможно описать ту красоту, которую мы видели,— записал в тот день в групповом походном дневнике М. Аксельрод, тогда еще начинающий турист, а сейчас мастер спорта СССР.— Такие моменты в жизни бывают, может быть, однажды. И только ради этого стоило пройти трехсоткилометровый путь через горно-таежный Урал из Карпинска в Соликамск!»

Извечное стремление к высотам, простору, солнцу и зимой ведет по Уралу сотни, тысячи туристских групп. Туристская лыжня пересекает нашу горную страну во всех направлениях — сквозь тайгу и тундру, по рекам и озерам, через горы и равнины, взбирается на самые южные отроги Урала и за Северный Полярный круг. А некоторым нечтимется, и они пытаются пробить лыжню еще дальше, по морю — на северные острова...

Туристы — старые и молодые, уральцы и не уральцы, люди всевозможных профессий — взбираются на еще не изученные хребты и перевалы, находят пути к новым уральским пещерам, встречают гостей из Европы и Азии на традиционном зимнем слете у мраморного обе-

лиска на границе этих континентов, дают концерты в самых глухих и отдаленных уголках подшевфных районов.

Однако туристская лыжня — не прямая и гладкая дорожка, зимнее путешествие — не увеселительная прогулка, оно не терпит легкомысленных. Туристы знают, что такое снег в горах. Снег и ветер. Когда эти два врага объединяются, им приходится противопоставлять все, что есть — снаряжение и опыт, силу и взаимовыручку. Вот почему при подготовке зимних путешествий надо еще внимательнее, чем летом, выбирать одежду, рассчитывать питание, прорабатывать маршрут. «Лучше подготовишь — успешнее проведешь», — говорят о зимних походах опытные туристы. Между тем, на сложные зимние тропы иногда попадают и неопытные люди, ведущие себя бездумно, ухарски: «эх, была не была, авось и мне удастся!» И жестоко наказывают себя. Вот обо всем этом и рассказывается в туристской книге, которую ты открыл, читатель.

Она является результатом наблюдений, дневниковых записей туристов и как бы служит продолжением книжки «Зовут дороги дальние», выпущенной издательством несколько лет назад.

Авторы сборника — в основном мастера спорта СССР. В интересной, занимательной форме они рассказывают о своих походах, ведут читателя по манящей лыжне навстречу трудностям и приключениям.

Прочитай книгу — и ты вместе с ними пройдешь сквозь снега и горы, познаешь тайны и прелести природы, откроешь для себя целый мир — новый и захватывающий.

Ты научишься читать «белую книгу» зимнего леса, увидишь, как развился заяц, причудливо путая следы. Вот тут «расписался» косач, а это оставила отпечатки своих следов хищная лесная кошка — рысь...

Ты увидишь, как по тайге на широких камусных лыжах хозяином ша-

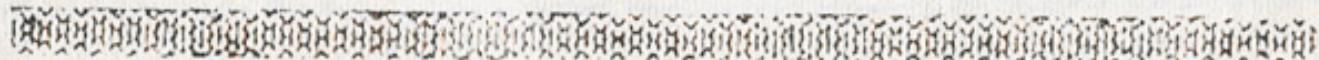
гает в расшитом мехами кожушке коренной житель Урала — манси, выслеживая лося, а вечером в его чуме услышишь поэтические мансиjsкие сказы...

В ночном лесу, пройдя сквозь запорошенный снегом частокол елей и лиственниц, где все искрится под холодным бледно-неоновым светом луны, настороженно прислушаешься к лесным шорохам и скрипу деревьев под порывами ветра. Встретив могучий красавец-кедр с вершиной, усеянной большими голубыми шишками, отведаешь уральские орехи — хороши они зимой!

День за днем ты будешь месить глубокий, скрипучий снег и думать о далеком ночлеге у жарко натопленной железной печурки. От быстрых движений на щеках у тебя заалеет румянец, а на спине под рюкзаком появятся белые полоски соли...

Но ты познаешь чистую и светлую радость общения с природой, теплоту дружбы, настоящей туристской дружбы — надежной и непобедимой. И пополнишь армию поклонников гор, снега, солнца и лыж. А Урал не останется в долгу перед тобой и преподнесет множество новых сюрпризов, доставит неизмеримое чувство радости и полноты жизни!

Е. Масленников

В. Жмуро́в, мастер спорта

ВПЕРВЫЕ ЧЕРЕЗ ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Мысль совершить лыжный поход через Полярный Урал вынашивалась давно. Нам было известно, что до нас группа туристов спортивного общества «Искра» под руководством С. Н. Болдырева пыталась перейти Полярный Урал зимой в районе Кокпельского перевала, однако заблуди-

лась еще в предгорьях, израсходовала все продукты и была вывезена на самолетах.

Может быть, Полярный Урал зимой непреодолим? Несмотря на подготовку нашей группы к такому походу (мы побывали в Карелии и Архангельской области, во льдах Онежского озера и Белого моря), маршрутная комиссия Московского клуба туристов вначале отказывалась разрешить переход через Полярный Урал.

Только после длительных хождений по различным инстанциям мы получили, наконец, маршрутную книжку. В ней было записано:

«...Поход по маршруту Абезь — перевал Кокпельский — город Салехард разрешить при условии сопровождения группы оленями или собачьими упряжками с проводником».

20 января

Далекая полярная станция Абезь. Три часа ночи. Поезд стоит всего две минуты. Не ожидая, когда вагон полностью остановится, из дверей прямо в темноту выбрасываем вещи.

К нам подбегает человек:

— Туристы из Москвы? Грузите все в сани!

Знакомимся. Александр Данилович Шапочка — преподаватель из Салехарда. Он давно мечтал совершить лыжный поход через Полярный Урал, но никак не удавалось — не мог подобрать людей. О намеченном нами походе узнал случайно и написал письмо в Академию. Спортивный комитет Академии сообщил Александру Даниловичу о времени нашего приезда на станцию Абезь.

...Через несколько минут сани останавливаются у ярко освещенного дома. Это — местная гостиница. В коридоре складываем рюкзаки и вдоль стены аккуратно составляем лыжи. При ярком электрическом свете продолжаем неожиданное знакомство.

Александру Даниловичу, оказывается, уже известна часть нашего маршрута. Вот и проводник! Одно условие маршрутной комиссии выполнено.

21 января

Рано утром идем в Старую Абезь к председателю колхоза решать основной вопрос: сможем ли мы нанять оленей, сможем ли выполнить второе условие маршрутной комиссии?

— Что вы, всех оленей на зиму мы отправляем за Урал. Не найдете вы их и в Воркуте...
Ничего утешительного.

Кто-то из местных жителей говорит, что в поселке Епа имеется несколько собак, которые могут ходить в упряжке. Груза на них не увезешь, но для связи использовать можно.

Заручившись письмом председателя поселкового совета, идем в поселок Епу.

...Вечером в правлении колхоза собирается все мужское население поселка — охотники, рыболовы, оленеводы. Старый охотник хант энергично трясет седой бородой:

— Нельзя человекуходить на перевал, никак нельзя... Шайтан там ходит, шайтан убьет. Нельзя нарушать его покой.

Все подтверждают, что зимой ни один человек через перевал не проходил и вряд ли это возможно. Перевал тянется шестьдесят километров и только в ясную погоду можно пройти по нему.

— Если Урал дымится,ходить нельзя — погибнете, — подводит итог сказанному самый бывалый охотник Аким.

— Что касается собак, то собрать их можно, но едва ли найдется хорошая упряжь. К тому же собаки от разных хозяев плохо пойдут в упряжке и больше будут драться, чем тянуть поклажу.

Не удалось договориться и с проводниками. Они брались довезти нас лишь до Самсоновых гор.

После короткого обсуждения решаем отказаться от собак и проводников, в колхозе взять лошадей с санями и двигаться по реке Пага. Насколько возможно, наши вещи будут подвезены, а затем мы отправим лошадей обратно. Если погода будет благоприятствовать, перейдем Урал. В противном случае разведаем лишь подходы к перевалу.

22 января

Завтрак и сборы занимают больше двух часов. В 8 часов утра совершенно светло. Две подводы загружены полностью. Часть груза укладываем на свою нарту.

По реке удалось проехать на санях только пятнадцать километров, дальше началась снежная целина. Нарту еле сдвинули с места, так как груза было больше ста килограммов. Часть груза пришлось переложить на свои плечи. Шестеро прокладывают лыжню, а четверо везут нарту. Через каждые полчаса «упряжка» меняется.

За час до сумерек останавливаемся на ночлег. На крутом берегу замечаем сухостой и на уютной опушке облюбовываем место.

Данилыч, как любовно все мы называем Шапочку, неторопливо и старательно устанавливает разборную печь, разжигает в ней огонь.

Миша Волк, старый опытный турист, мастерски выполняет обязанности шеф-повара. Не успел Власов доложить о готовности палатки, как Миша уже предлагает горячий ужин. Перед отбоем выстраиваемся около палатки и салютуем разноцветными ракетами в честь успешного начала похода. Забравшись в спальные мешки, сразу засыпаем. Дежурный подкладывает в железную печку сухие дрова, да иногда поднимается, чтобы проверить, как сохнет развшененная над печкой одежда. Через полтора часа он разбудит следующего дежурного, а сам, забравшись на его место в спальный мешок, быстро заснет, чтобы утром с новыми силами двинуться в путь.

23 января

Утром на реке много свежих волчьих следов. Видимо, ночью волки петляли вокруг нашего бивуака.

Двигаемся по реке. Снег довольно плотный.

В 12 часов добираемся до слияния рек Кок-Пела и Пага. На самой стрелке видим маленькую избушку. Оставляем нарту и рюкзаки, бежим к ней. В избушке печь, сделанная из железной бочки, нары, стол.

Затопив печь, разогреваем мясные консервы, обедаем. И снова медленно, но настойчиво следуем вперед. Небо ясное, светит солнце. Уже вечером перед самой остановкой на ночлег чуть не попадаем в полынью, занесенную снегом. Надо быть более внимательными!

24 января

Идем вверх по Кок-Пеле. Температура понизилась до -25°C . Хорошо еще, что совершенно нет ветра. Небо без единого облачка. Идем по крепкому насту. Подходим к излучине реки. Решаем двигаться по азимуту, по реке путь равен двум километрам, напрямик — вчетверо меньше. Снег держит хорошо, лишь изредка лыжи проваливаются. Идти легче, чем по реке, и гораздо интереснее. Двигаясь по реке, мы видим лишь берега. Здесь же перед нами раскрывается широкий горизонт.

Пересекаем свежие следы: здесь были лоси. Всего час-два назад.

Небольшие заросли встречаются только в низинах. По берегу тянется узкая полоса лиственного леса.

В 12 часов делаем привал на обед. Странно, что почти во всех термосах, кроме одного, какао скисает. Миша Волк хитро улыбается, но секрет не раскрывает. На обед колбаса, сухари и скисшее какао.

Через полтора часа подходим к полосе леса, за ней река Кок-Пела. Не хочется идти через лес, так как там рыхлый и глубокий снег. Решаем лес обойти.

Начинаем спуск.

Выясняется, что Юлдашев ужасно боится спусков. Разогнавшись, он с силой ныряет в снег. Тяжелый рюкзак надежно прижимает его к земле. На восстановление вертикального положения уходит много времени. Острые языки доводят Юлдашева до белого каления. Но он отвергает предлагаемую ему помощь и, не торопясь, вылезает из-под рюкзака сам.

На левом берегу десяток сухих деревьев и несколько елей с густым лапником.

Однако на ночлег останавливаться еще рано.

Растягиваемся чуть ли не на километр. Последними идут двое «несчастных» с нартой.

Вот и сумерки. Снег глубокий. Без лыж нельзя ступить ни шагу.

Выбираем место для палатки и разгребаем снег. К нашему удивлению, земля даже не замерзла. Заготовляем дрова и лапник для постелей. Ужин готов вовремя.

За день мы прошли семнадцать километров.

25 января

Поднимаемся в три часа ночи, чтобы выйти затемно и как можно ближе подойти к перевалу. Сначала идем по речному льду. Снег неглубокий, местами его совсем нет. Лес кончился, началась типичная тундра.

Неожиданно откуда-то наплывает туман. Видимость всего на 150—200 метров. Скучная унылая равнина. Ориентирами служат отдельные темные пятна на возвышенных местах. Из-за плохой видимости и абсолютно белого снега совершенно не чувствуется рельеф.

Подъем на гребень «в лоб» доставляет нам много хлопот. Особенно достается Володе Баринову и Боре Власову, которые транспортируют нарту.

Но вот все на гребне. Усталость такая, что еле дышим, сидя на рюкзаках.

Из-за гор выглянуло ослепительно розовое солнце. Рядом, в четырех километрах,— Самсоновы горы. Наш маршрут лежит между двумя характерными высотами: правая имеет пологие скаты и вся покрыта снегом, левая — более крутая, с темными каменистыми оползнями.

Путь очень труден. Из-под тонкого слоя снега торчит масса острых камней, которые царапают лыжи. Идем сквозь мелкий цепкий кустарник.

Ветер нагоняет тучи, кружит поземку. Плотный снежный туман стоит стеной. Подозреваем, что это начало пурги. После короткого совещания решаем сделать привал.

Впереди небольшая лощина. Выбираем здесь место под палатку. Снег такой плотный, что его приходится пилить пилой.

Двое из нас поочередно выпиливают снежные блоки, четверо выкладывают из них прочную стенку вокруг котлована, остальные рубят мелкий кустарник на топливо. После часа напряженной работы бивуак готов. Центральной стойкой для палатки служит пара связанных лыж. Угловые оттяжки прикреплены к черенкам саперных лопат, вбитых в плотный снег. Под спальные мешки положены оставшиеся лыжи, палки, валенки.

Для приготовления ужина решаем воспользоваться примусами. Данилыч растапливает снег. Все ужасно хотят пить. Через 10—15 минут каждый получает кружку теплой воды. За стенкой в тундре свирепствует пурга. Выдержит ли палатка эти страшные порывы ветра? Мы так устали, что некоторые из нас засыпают, не дождавшись ужина. Однако усталость усталостью, а нарушать распорядок дня не полагается. Повара немилосердно тормошат заснувших. После скромного ужина забираемся в спальные мешки. Только дежурный склонился над печкой.

Трещит палатка, кажется, ее вот-вот сорвет и унесет. Хорошо, что мы поставили палатку в глубокий котлован!

26 января

Пурга продолжает неистовствовать.

Всем ужасно надоело сидеть в снежной яме и слушать завывания ветра. Мы не успели заготовить достаточного количества дров, а керосину осталось всего по одной трети в каждом примусе. Горючее нужно беречь. Вдруг пурга зарядит на неделю?

27 января

Все еще сидим в котловане. Объем нашей палатки значительно сокращается. Ветром набивает снег между стенками котлована и палаткой, постепенно сдавливая ее. Чтобы под тяжестью снега не сломались лыжи, поддерживающие палатку, связываем еще две пары, обматываем концы

штурмовками и подпираем углы палатки с наветренной стороны.

Керосин уже кончился.

Разобрали нарту и сожгли ее деревянные части. Но этого хватило лишь на то, чтобы нагреть ведро воды.

— Что бы еще сжечь? — иронически спрашивает Коля Шаров.

— Не сожги только приклады у карабинов, иначе посидишь в этой яме, как на гауптвахте.

28 января

Пурга прекратилась лишь на третьи сутки.

Сквозь заросли кустарников, которые особенно досажддают тем из нас, кто тащит запасные лыжи, медленно продвигаемся к седловине меж вершинами Самсоновых гор. Здесь делаем привал.

Высокая облачность позволяет осмотреть окрестности километров на двадцать. С помощью карты и компаса тщательно расшифровываем рельеф. Седловина Кокпельского перевала как будто определена правильно. Ее ограничивают две высокие вершины с каменными осыпями. Соседние горы значительно ниже.

До перевала километров восемь, потребуется идти часа три. Бивуак придется готовить в темноте.

После короткого обсуждения решаем: часть группы берет перевал в ускоренном темпе и готовит котлован для палатки. В первой пятерке с командиром идут Миша Волк, Данилыч, Коля Шаров и Володя Баринов (Володя очень обиделся предложению идти с «тихоходами» и решил доказать, что он не слабее других)...

Мы напористо продвигаемся к гребню. Но темп все медленнее. Почти перед самым гребнем — короткий привал. Затем снова шаг за шагом вперед. Определив наиболее низкое место гребня, ищем глазами тур.

Не беда, что его нет. Выстроившись в ряд, даем салют из всех видов оружия. В воздух взвивается серия зеленых ракет, за ней другая, третья. Торжественный момент запечатлевается на фотопленку. А теперь быстрее вниз, готовить бивуак — на нас надеются идущие сзади.

Выбираем ровную площадку с толстым слоем снега, вычерчиваем квадрат со сторонами пять на пять метров и начинаем разделять котлован, используя пилы-ножовки и саперные лопаты.

На этот раз, в ожидании пурги, палатку решаем ставить еще глубже, прикрыв от ветра толстой снежной стеной: ведь бивуак почти на самом перевале через Урал!

В долине начинает темнеть, а второго эшелона все нет. Даём сигнал ракетой. Вскоре весь отряд в сборе. Над снежным сооружением поднимается густой дым: это Данилыч растопил походную печь.

Дежурные через полчаса угощают нас любимым блюдом — лапшевником с мясными консервами, преподносят по пятьдесят граммов спирта: как-никак — Арктика! Повод существенный. Через несколько минут после «медицинской дозы» лица у всех разгораются, начинается оживленный разговор. Все рады успешному переходу «из Европы в Азию» и от души смеются над баснями о шайтане, который не пускал людей через перевал.

29 января

Очередной дежурный по кухне Юра Бронников проснулся от холода в три часа ночи и принял растапливать печь. Через час он поднял группу и с ехидством доложил:

— Завтрак готов — горячее какао с маслом и сахаром!

— Ты понесешь мой рюкзак, раз не обеспечил положенный по уставу сытный завтрак, — заявил протест Володя. Но тут же смолк, вспомнив, что в графике дежурств его фамилия значится до Бронникова — это он обязан был начать приготовление завтрака и вовремя разбудить Юру.

В шесть часов утра отряд покинул бивуак. Еще совсем темно. Лишь на темно-синем небе холодным блеском мерцают огромные звезды. Ртуть в термометре опустилась до -22°C .

Постепенно небо заволакивают тучи. Из-под лыж начинает мести снежную пыль. Натягиваем на лица шерстяные подшлемники.

Малозаметный спуск закончился, и снова начался подъем. Неужели мы не дошли до перевала?

Незаметно справа и слева надвинулись горы. Впереди мрачной громадой чернеет полоса сплошных скал. Ветер зловеще свистит в расселинах. Иногда откуда-то сверху слышится протяжный вой и металлический скрежет. Возникает чувство непонятной тревоги.

Снежная пыль и каменный песок не дают дышать. Под ногами не снег, а лед. Идущий впереди Борис вдруг поскользнулся, нелепо взмахнул длинными руками и потерял равновесие. Ветер бросил его на твердый наст. Тяжелый рюкзак ударил по носкам лыж шедшего следом Юры Бронникова. Лыжи глухо треснули. Юру с силой отбросило назад. Он попытался подняться, но вскрикнул от нестерпимой боли в плече и остался лежать на снегу.

Ребята бросились на помощь, подхватили Юру под руки, помогли подняться. Юра, болезненно морщась, пытался пошевелить пальцами правой руки.

— Я, кажется, сломал себе плечо,— едва проговорил он и опустился на лежащий сзади рюкзак.

Мы приподняли Юру немного, а Юлдашев, как заправский хирург, легкими прикосновениями пальцев ощупал его плечо. Потом взял Юрину руку и резко дернул на себя.

— О-о-о! — раздался истошный вопль.

Я поднял немного правую руку Юры. Сейчас это уже не вызывало такой острой боли в плече.

Мы разгрузили Юрин рюкзак, переложили банки и свертки в свои рюкзаки.

При подготовке к походу по Полярному Уралу предлагался вариант перевозки рюкзаков на нартах из лыж. Сейчас это пригодится.

Через десять-пятнадцать минут, круто наклонившись в сторону ветра, медленно идем, таща за собой волокушки. Открытые щеки белеют мгновенно. Снежная пыль, набиваясь за воротник и под фланелевые маски, превращается в лед. С каждым шагом бороться с ветром труднее. Наконец, он совсем прижимает нас к земле. Приходится ползти. Словно волнами, окатывает всех колючая поземка. Немного полежишь — заметает.

Направляющий в первой связке — Коля Шаров. Я ползу посередине. То и дело оборачиваюсь, проверяю: как там вторая связка, не оторвало ли кого от веревки, не побелели ли лица?

Ребята выбиваются из последних сил. Продвижение вперед почти прекратилось. Нужно принимать какое-то решение. Но какое?

Слева в скале узкая расселина. Это спасение. Дергаю три раза за ленту и показываю рукой влево. Сигнал понят. Коля поворачивает к расселине. Складываем рюкзаки около скалы в виде баррикады, а сами забиваемся в узкую щель.

Нашему метеорологу удается достать из рюкзака анемометр. Быстро крутятся тарелочные приборы: на циферблате «30». Это значит, что скорость ветра тридцать метров в секунду. Настоящая буря!

Долго отсиживаться в расселине нельзя: холод сковывает суставы, одолевает сон...

— Друзья мои, хватит, надо двигаться,—не говорю, а машу рукой.

И снова, по-пластунски, навстречу ветру. .

Каменный коридор сузился до пятидесяти метров. Ветер здесь отполировал фирновую поверхность настолько, что по ней можно кататься на коньках.

Направляющим в первой связке теперь Миша Волк. Он ползет первым, принимает на себя удары ветра. Лицо у него закрыто фланелевой маской, в обеих руках по большому охотничьему ножу. Он вонзает их впереди себя в обледенелый фирн, подтягивается руками, делает тяжелый вдох и снова продвигается на полшага вперед.

Я замыкаю цепочку. Через каждые две-три минуты подаю условный сигнал:

— Проверить уши и нос! Растиреть лицо!

«Вот оказывается, какой «шайтан» устрашал веками людей»,—думаю, вспоминая рассказ старого ханта.

Медленно продвигаемся вперед. Еще сто, двести, триста метров... Ветер становится тише. Поднимаемся на ноги. Что это за груда камней? Тур! Вот он где—Кокпельский перевал! Выходит, вчерашний салют был преждевременным? Прыгаем, греемся, смеемся. Ветер прекратился так же внезапно, как и начался. Видимо, этот дикий горный сквозняк и наводил ужас на хантов, отпугивая их от перевала. По исконной традиции укладываем в тур записку, в придачу к ней—несколько банок консервов, пачку сахара и папирос в целлофановом мешочке.

30 января

Опыт движения двумя подгруппами понравился всем. Сразу же после завтрака первая группа выходит на маршрут. Вторая спокойно снимает палатку и по готовой лыжне догоняет ушедших.

Через два километра попадаются участки со льдом, а немного дальше настоящая горная река. Это Кок-Пела Восточная в отличие от Кок-Пелы, которую мы миновали при подходе к хребту. Интереснее всего то, что нам придется выйти еще к одному слиянию Кок-Пелы с рекой Тумболовой. Когда мы еще готовились к походу, нас удивило наличие этих «двойников», но объяснения подобного факта мы нигде не нашли. Вероятнее всего, это каприз топографа, снимавшего участок местности по обе стороны от хребта.

Скольжение сегодня хорошее. Идти веселее, так как начали попадаться заросли кустарника и участки леса. В отличие от европейской части, где растут ель и береза, здесь, в основном, встречается лиственница.

Александр Данилович, пробивающий лыжню, поднимает руку и кричит:

— Быстро в сторону, под снегом вода!

Но поздно. Лыжи моментально обмерзают. Вооружившись ножами, скальваем лед. Через полкилометра снова заскачиваем в воду.

— Эй, «скороходы», что-то очень медленно шевелитесь! — слышится сзади.

— Да вот вода...

— Знаем мы эту воду!

Дальше идем всей группой вместе.

В 12 часов дня выходим на слияние Кок-Пелы и Тумболовой. Пройдя еще один километр, останавливаемся на обед. Что за чертовщина! Какао в термосах опять свернулось. Только Миша Волк по-прежнему с ухмылкой пьет хорошее какао.

— Слушай, открай секрет,—грозно подступает к нему Володя Баринов.

Миша мотает головой.

Витя Горячев тихонько подкрадывается сзади и выхватывает у Миши термос:

— Не получишь больше какао!

— Все дело в том, что я каждый вечер мою термос содовым раствором! — признается, наконец, Миша.

В том месте, где отряд остановился на обед, Кок-Пела резко уходит влево, делая огромную дугу. Отсюда до отмеченной на карте избы Азяхов-Горт около сорока километров. Пойти напрямик — сократить расстояние вдвое. Обсудив положение, единогласно решаем идти по азимуту. На пути встречается участок леса. Обходить далеко, решаем пересечь его. Но это не простое дело. Глубина снега в лесу почти до пояса. Через 100—150 метров, выбившись из сил, направляющий уступает место товарищу. Скорость не больше полкилометра в час.

Но вот полоска леса наконец преодолена, и мы быстро скользим по поляне.

— За гребнем должны начаться болота, а там до Азяхов-Горта всего пять-шесть километров, — подбадриваю я. Однако за гребнем снова лес. Снова с трудом отвоевываем каждую сотню метров пути.

Давно прошло обычное время остановки. Ночь темным пологом накрыла нас, но мы стремимся вперед, чтобы после многих холодных ночевок в лесу и тундре отдохнуть в избе. Ради этого можно пройтись немного и ночью.

— Василий Иванович, перекусить бы, а потом и дальше, — просящим тоном говорит Володя Баринов.

— Не вредно бы передохнуть. Куда мы так спешим? — поддерживает Борис.

Чувствуется, устали ребята.

— Привал на ночлег! — объявляю после некоторого раздумья.

На этот раз решаем обойтись без котлована.

31 января

Температура ночью упала до -30°C . Поднялись в пять утра. Азимут прежний. Огромный ярко-красный диск солнца медленно выкатывается из-за горизонта. Лес на-

столько красив, что у всех то и дело невольно вырываются восклицания.

— Хорошо, что заночевали, иначе ночью проскочили бы эту прелесть!

Лес становится гуще и ему не видать конца. Густые заросли кустарника замедляют продвижение. Особенно достается Данилычу, у которого поверх рюкзака привязана малица. Она все время цепляется за кусты.

В одиннадцать часов выходим на реку с низкими берегами, заросшими густым кустарником. Речка имеет ширину 20—25 метров. Но что это за речка? Река Войкар, на которую мы должны выйти, имеет ширину 150 метров. Видимо, это какой-то ее приток. На карте в этом месте должна быть речка Нелка-Юган. Но ее ширина метров 60. Решаем идти вниз по течению — все равно выйдем на Войкар.

Не так просто определить, куда течет эта речка. Решаем прорубить прорубь. Через десять минут видим грунт — вода промерзла до дна. Идем еще полчаса — «речка» оказывается длинным кольцеобразным болотом.

После нового обсуждения принимаем решение снова двигаться по азимуту. Наша задача в любом месте, но быстрее выйти на Войкар! Двигаться по надоевшему всем лесу больше невозможно.

Во вторую половину дня настроение заметно понижается. Особенно расстроены Витя Горячев и Володя Баринов. Они уже несколько раз вносили предложение сделать привал и как следует перекусить. Меня одолевают тревожные думы. Мы находимся в районе озера Варча-Ты, где закончилось неудачное путешествие группы Болдырева. Отсюда ее вывезли после недельного розыска на самолетах. Нет ли в этом месте магнитной аномалии и не ходим ли мы по кругу?

Часа через два перед нами открывается равнина с кустами и ровными площадками болот и озер. Одно за другим пересекаем несколько болот.

— Впереди избушка! — ликующим голосом воскликнул Витя Горячев, старательно рассматривая в бинокль темную точку на небольшой возвышенности.

Но вместо избушки перед нами берестяный чум, уложенный на подмости, — видимо, временное жилье какого-то охотника. Огорченные, понуро идем дальше.

Впереди темнеет полоса. Но и тут — разочарование: это снова начинается лес. Уже четырнадцать часов — обычное время для остановки на ночлег.

— Команда, не падать духом! Быстро разбить бивуак!

Шаров и Есипов получают задачу: выдерживая наш азимут, пройти без рюкзаков еще полтора часа. Захватив оружие, топор и небольшой запас питания, разведчики скрываются в лесу. Через час, когда отряд уже заканчивает разбивку бивуака, раздаются радостные крики:

— Ура! Впереди Войкар!

Троекратное «ура» прокатилось над лесом. Раскрыв карту, мы отметили точку своего стояния: до реки всего полтора километра.

1 февраля

Ночью температура упала до -42° . Несмотря на то, что дежурный постоянно держит печь накаленной, в палатке холодно.

Поднимаемся, как обычно, в пять часов. Завтрак уже готов. Завтракаем, но вылезать из палатки никому не хочется. Откуда-то из угла слышится:

— Раз мы вышли на Войкар, дальше все пойдет как по маслу. Надо сделать дневку.

На реплику — реплика:

— Но ведь мы идем с опозданием на сутки от графика. В Салехарде нам надо быть в намеченный срок, иначе нас будут разыскивать.

Несмотря на низкую температуру, первая подгруппа в семь часов на маршруте.

Снег на реке глубокий, поэтому решаем двух участников полностью освободить от общественного груза, чтобы они по очереди прокладывали лыжню. Темп продвижения — пять, шесть километров в час, довольно приличная скорость на снежной целине.

Через три часа ходьбы видим на реке след широких охотничьих лыж, еще через полчаса — след оленьей упряжки с нартой.

Проходим устье реки Ванкты-Вис. Изо льда торчат колья.

Это рыбачьи ловушки. Километров через пять сзади слышим крик. К нам приближается упряжка оленей, а за ней на лыжах без рюкзака бежит Витя Горячев из второго отряда.

Олени остановились, и каюр, хант по национальности, закутанный в малицу, поздоровался и подошел к нам.

Витя рассказал, что хант у устья реки Ванкты-Вис проверял ловушки. Договорились, что он подвезет рюкзаки.

Из объяснений ханта узнаем, что до ближайшего поселка хантов — Юган-Горта есть санная дорога, которую мы почему-то не заметили у устья Ванкты-Вис. Решаем вернуться.

Днем температура понизилась, хотя из-за горизонта выглянуло солнце. На градуснике — 42°. Лыжи не скользят. Дыхание затруднено. Надеваем на лица подшлемники и фланелевые маски.

Дорога идет через заснеженный лес. По обеим сторонам на деревьях развесаны оленьи рога, прямо с черепами. — Володя! Где твой фотоаппарат? Не пропускать же эту северную экзотику!

Есипов недовольно оглядывается на хохочущих парней. На всем маршруте он с сожалением повторял: «Жаль, мерзнет мой аппарат. Он, конечно, простенький, но снимки из него я отправлял и в «Огонек». Вот дождемся потепления — такие снимочки сделаю; ахнет!» Но погода явно не в пользу «Огонька».

К вечеру стал отставать Данилыч. За последние два дня он весь как-то потемнел и осунулся. Сказалась, видимо, общая утомленность, да и ботинки стали подводить — натирают ноги.

— Держись, Данилыч, немного осталось! — ободряем мы. Уже к вечеру впереди над лесом показались дымки. Первое, пусть совсем маленькое, но селение после 300-километрового пути по горам и тундре! Хотя мы и готовы сегодня к встрече с ним, у каждого как-то особенно тревожно и радостно бьется сердце.

Направляющий остановился, подтянувшись отставшие: в деревню нужно войти всем вместе, слаженным отрядом. Навстречу нам высыпало все население. Восклицания, вопросы, знакомства... Приглашают в один дом, другой.

Через полчаса радушные хозяева поставили на стол

огромную сковороду с жареной стерлядью. Ребята вывалили из рюкзаков на стол консервы, сало, корейку. Надежный хранитель «НЗ» Данилыч бережно выставил флягу со спиртом. Через пять минут сковорода пустеет. Хозяйка готовит вторую. Потом хозяин приносит охапку мороженой рыбы, предлагает отведать местный десерт — строганину. Ужин затянулся допоздна. Сколько рассказов, смеха, воспоминаний, как приятно чувствовать тепло избы и радущие совсем незнакомых людей!

Потом мы шли еще пять дней. И нам мало кто верил, что за это время можно пройти 200 километров. Володе Есипову так и не пришлось воспользоваться своим аппаратом: все дни мороз держался около сорока. Плотный снег на реках позволял идти с высокой скоростью — до 10 километров в час, как на лыжных гонках патрулей. Через каждый час мы отдыхали на ходу: остановившись — одежда моментально покрывается ледяной коркой.

Прошли реки Войкар, Горную Обь, выбрались на просторы Нижней Оби. Четвертого февраля из единственного крупного поселка на пути — Шурышкары, послали радиограммы в Москву и Абэзь о завершении похода. Наконец, шестого в семнадцать часов вступили в «столицу» Заполярья — Салехард!

Весть о московских лыжниках, совершивших небывалый переход через Полярный Урал, быстро облетела город. Поздравления, расспросы! Александр Данилыч сразу стал знаменитым салехардцем. Не дав нам передохнуть, нас пригласили в переполненный городской клуб на физкультурный вечер.

— За пятнадцать суток в суровых условиях Заполярья, — раздаются четкие слова нашего рапорта со сцены клуба, — мы прошли 500 километров и впервые в зимних условиях штурмовали Кокпельские ворота через Полярный Урал. Армейская выдержка победила! Гром аплодисментов салехардской молодежи был нам ответом.

Л. Кольцов

ПО КРЫШЕ УРАЛА

Казалось, нам не уехать от весны. Тысячи километров гналась она за поездом по стальным путям на север.

Двое суток за окном вагона — дожди, оттепель, сырой туман. Но близок Полярный Круг, и весна, словно спохвавшись, наконец отстала.

Прогремел мост через заснеженную реку Кожим. Сейчас станция.

В распахнутую дверь на снег вываливаются восемь веселых парней в штормовках, объемистые рюкзаки, обвязанные шпагатом широкие лыжи и толстые бамбуковые палки...

Вокзала, как такового, нет. Из станционной будочки вышла с сигнальными флагками девушка. Она сочувственно улыбнулась нам.

С первых же ее слов мы поняли, что нужную остановку пропустили.

— Скоро пойдет товарный,— успокоила нас девушка.— Будете прыгать, когда замедлит ход. Только осторожней! — Солнечные лучики так и брызгали из улыбчивых глаз.

Мы едва разместились на тормозных площадках товарного. На мосту поезд замедлил ход. Пора!

В сугроб летят лыжи, рюкзаки. Сухой пушистый снег принимает нас в объятия.

— Приземлились!

— Димка, ты почему прыгал вперед головой? Смотри, так и шею сломишь!

— А я — «рыбкой»!

Небольшого роста, шустрый и покладистый Димка, не обращая внимания на пересмешников, принимается деловито собирать разбросанное вдоль полотна снаряжение.

По улицам поселка, куда медленно втягивается группа, курсируют бульдозеры, буравя глубокие заносы...

Разве могли мы подумать в тот день, что спустя всего полмесяца вместо двухметровых снежных валов увидим сухую землю?

Большинство из нас не впервые в путешествиях. Сейчас очередной маршрут намечен по хребтам Приполярного Урала.

Уральские горы сохранили здесь смелый рисунок скалистых пиков. Их зубчатые гребни четко врезались в голубую оправу неба на горизонте.

Попутный санно-тракторный поезд геологической экспедиции повезет группу в самую гущу серебристых вершин.

Вот и Приполярье!

Зажатый в хребтах поселок. Погожее, пожалуй, излишне теплое утро.

Солнце, выскользнув из-за ближнего гребня, приветствует наш выход ослепительным сверканием снега. Приходится спешно надеть темные очки.

Узкая, извилистая долина ручья Пелингичей. Вершины, кутаясь в легкие облачка, будто с недоверием, косятся на нас. Обходя последние кустики, частые наледи, следуя прихотливым изгибам горного ручья, продвигаемся выше. Впереди размеренно покачивается фигура Николая, начальника похода. Над объемистым его рюкзаком торчит гриф гитары.

Никто не считал, сколько гитар похоронил на туристских тропах Николай — страстный любитель музыки, хорошей душевной песни. Чуткий, отзывчивый, хотя внешне немножко угрюмоватый, он готов всегда прийти на помощь. Его считают требовательным, волевым руководителем.

— Привал! — оборачиваясь, кричит Николай.

Сброшены с плеч широкие лямки, разгибаются пропотевшие спины.

Через каких-нибудь полчаса в облюбованном местечке вырастает огороженный снеговыми стенками брезентовый шатер. Весело гудит пламя в разборной железной печке. На поиски подступов к перевалу послана разведка.

Коронный

Еще перед выходом на маршрут геологи сообщили нам, что тот самый загадочный кар «Коронный», о котором мы слыхали еще в Свердловске, находится на одном из притоков реки Северной Народы. Здесь база экспедиции.

С утра налегке поднимаемся по крутыму отрогу хребта, заключающего в себе таинственный кар. После длительного подъема выходим на край огромной замкнутой воронки, некогда вырытой ледником. О леднике напоминают озеро на дне воронки и высокая морена — кладбище

вытаявших валунов. Один приметный камень издали похож на избушку с шапкой снега на крыше, а может быть,— на ларец великана.

Возле этого «сундука» сооружаем тур из камней. Кар не зря получил название Коронного. Чаша замкнута почти со всех сторон отвесными стенами. Недостающий кусок заполнен высокой мореной. Скалы по краю обрыва невольно вызывают сравнение с гигантской королевской короной.

Зубцы «короны» искрятся ослепительно. С отвесных стенок нависают карнизы, кругом видны свежие выбросы недавних обвалов — лавин.

Налюбовавшись этим девственным уголком, идем в обход скалистых зубцов. И тут впервые сразу во всей красе видим могучий Исследовательский хребет в его самой высокой части. Альпийского силуэта пики Янченко, Карпинского... Над ними, в центре, поражает величавой красотой островерхая гора Нáродная. Вот она, крыша Урала! Хорошо просматриваются подходы к ее вершине, опирающейся на обширное плато.

Склон покрылся росчерками взбивающих вихри лыж. «Основной» фотограф Ленька из всевозможных положений щелкает затвором своего «Киева». Обычно неповоротливый увалень, тут он проявляет завидную резвость, захваченный общим настроением приподнятости и спортивного азарта.

Внизу, за ветром, падкий на эффектные выходки Монька, явно позируя фотографу, сбрасывает одежду и некоторое время щеголяет на лыжах в пляжном костюме, молодецки встряхивая курчавой шевелюрой.

Здоровьем, задорной удалью веет от обнаженных по пояс ребят!

Под ногами — Урал

Нáродная, когда через день мы подошли к ней ближе, упорно не желала открывать свое лицо. Тучи словно паранджа, зацепившись за ее гребень, клубились над вершиной. Лишь временами солнце, пробив брешь в их свинцовом покрывале, высвечивало кусок склона.

Под вечер вышли на плато. Внезапно в образовавшемся среди туч окне, как видение, проплыла красавица-вершина и вновь исчезла.

В лесистой долине Народы устраиваемся на ночлег.

Утром снова начинаем подъем. Русло Экспедиционного ручья изобилует лавиноопасными местами, крутыми снежными надувами, и мы при первой возможности выбираемся на склон плато.

Впереди самое сложное — штурм вершины. Облака по-прежнему проносятся над головой, порой задевая нас клочьями сырого тумана. У приметной гряды камней оставляем лыжи. Дальше идем след в след, выбивая шаг за шагом крепкими слаломными ботинками небольшие ступеньки в плотном настке.

Склон становится все круче. Берем левее и вылезаем на гребень. Порывы ветра грозят сбить нас с ног и бросить вниз, в гигантскую полуворонку — «цирк». В нем, как в адском котле, клокочет что-то серое, плотное. Кажется, прыгни туда, — и мохнатое чудовище подхватит и понесет, не давая упасть.

От края идем подальше, но вот в пелене вихрей мелькает фигура — не удержался, заскользил по склону Ленька.

— Тормози, тормози палкой! — кричит Николай, осторожно спускаясь и протягивая свой альпеншток — лыжную палку.

Ветер атакует то спереди, то сбоку; стоит немалых усилий устоять на ногах, — не то что двигаться дальше. Но не отступить же от близкой теперь цели! Два-три шага между порывами ветра, передышка и опять два шага.

Вот, наконец, и деревянная вышка! Прячась от пронизывающего ветра, пишем записку, жуем шоколад, оглядываемся.

Какая жалость! Забраться на самую верхушку Урала и ничего почти не увидеть!

Спускаемся вниз. Снова шаг за шагом, след в след. Но мы не можем отыскать в бушующем море снега оставленные внизу лыжи.

Оставаться на месте до прояснения погоды нельзя, но и спускаться вслепую, наугад, рискованно.

Признаться, кое у кого дрогнули нервы. Но наш спокойный и уверенный руководитель выдержал экзамен. Осторожно,

предельно осторожно ведет он нас по компасу, не доверяясь капризным изгибам склона, и в разрыве снежной пелены мы видим кусок плато. У чернеющей полоски камней былинками торчат наши лыжи.

...Клонится к закату солнце, притих лагерь. Задумался над записной книжкой завхоз, распределяя продукты по дням похода. Чтобы группа шла ровно, нужно все время следить за весом рюкзаков, раскладывать груз по силам, по самочувствию ребят. Уж тут слово завхоза — закон.

Но иногда подойдет кто-нибудь и скажет тихонько:

— Добавь мне, пожалуй. Втянулся, легче иду, а у Димки тяжеловато.

Вот она, товарищеская выручка и поддержка, вот где — в невзгодах и трудностях — выверяются и закаливаются характеры! Фальши тут не может быть, — исключено. Все на виду, все взаимосвязаны. Как пальцы на руке: надо — встряхнется кисть, а надо — сожмется крепкий кулак.

Встречи в горах

— Идет кто-то! — показал вверх по долине Монька, чинивший ботинок.

В косых лучах вечернего солнца, на фоне тронутой розовым отблеском заснеженной долины чернеют точки. Уже можно различить людей, рюкзаки. Рослые парни подходят к бивуаку: команда ленинградских туристов из долины Манааги направляется в «населенку» — к жилью, домой.

Капитаны обмениваются несколькими словами — о маршрутах, о погоде. Ленинградцы приглашают нас вечером к костру. Что интересно, они несут с собой радио и ежедневно имеют связь со Свердловском и радиолюбителями Свердловской области.

Приятно встретить на маршруте родственные души! Быстро завязывается дружба, цену которой хорошо знают только те, кто подолгу бродил по безлюдным просторам... Утром свистит поземка, горстями бросая ледяные иглы. Двигаться вперед можно, лишь падая на ветер. Медленно приближается крутой склон перевала. Обходим глубокие выемки моренных озер. Хоть и круто, но теперь сравнительно легче идти, а главное — дышать.

Оглядывая друг друга, не можем удержаться от смеха. У Димки на подшлемнике, закрывающем лицо (лишь глаза поблескивают в вырезе!), от дыхания настыла большая со-сулька...

Последний взлет, даже на холодном ветру жарко. Восхождение на перевал равносильно подъему на вершину — да еще с грузом! Справа — гребень Нáродной, слева, кажется рукой подать,— пик Янченко.

В туре находим записку ленинградцев.

Спуск еще круче подъема. Внизу несколько гряд камней. Двигаемся в обход, по наносам мягкого снега. Можно катиться, сев на лыжи, управляя и тормозя каблуками, вздымающими фонтаны снега.

Внизу тухо. Теперь можно бы и встать, но коварная погода припасла еще одно средство против нас: лыжи не идут. Подлип! На скользящих поверхностях — комья снега: внезапно началась оттепель. Лыжи приходится снимать, скоблить ножами и натирать свечкой. Парафин плохо пристает к влажной древесине и быстро сходит. Москвичи (их мы встретили позже) добавляют к парафину алюминиевый порошок.

Долгим и трудным кажется путь до границы леса, куда нас ведет полу занесенная лыжня ленинградцев. В сумерках добираемся до их основательно оборудованного бивуака. Это поистине заслуженная награда после целого дня напряженной борьбы с природой!

Пожмем Медвежью лапу

По высоте гора немного уступает Нáродной, но по красоте и сложности восхождения считается одной из первых на Урале. Она носит экзотическое название — Манарага, что означает «Медвежья лапа».

Какой Манарага запечатлелась в памяти?

Скалистая вершина, увенчанная зубцами, напоминающими когти взметнувшейся к небу лапы исполинского зверя. Зубья разделены глубокими расщелинами.

Мы выбираем первый (восточный) зубец, опирающийся на довольно крутой, но доступный для зимнего восхождения

отрог. Наверху вышка. Снизу она выглядит спичкой. Утреннее солнце услужливо освещает все подробности рельефа.

Чем выше мы поднимаемся, тем внушительней и неприступней вершина. На половине подъема оставляем лыжи: возрастающая крутизна делает их бесполезными, обременяющими и даже опасными.

Плотный, укатанный ветром наст держит хорошо. Но продвигаемся медленно. На штурм идут две связки альпинистов с капроновыми веревками. В руках — ледорубы или крепкие альпенштоки, на груди обвязки из репшнуря. Удар ледорубом — шаг, и снова ледоруб вбит в наст до отказа. Ветерок перевеивает сухой снег. Легкие островки облаков над головой озарены солнцем. Вдали уходят — насколько хватает глаз — гребни хребтов, пики, пологие увалы, по долинам рек бородами чернеют леса. Сравнительно недалеко, на юго-западе, острый зубец. Наверно, Колокольня. Последний и самый сложный участок подъема — по заснеженным скалам. В туре находим записку ленинградцев, они посыпали сюда лишь одну связку из двух альпинистов.

На спуске, миновав опасные места, глиссируем вниз почти до самых лыж.

Дальше повторяем слаломный спуск, как от кара Коронного. Дух захватывает! Фотографы работают, запечатлевая группу — вместе и порознь — на фоне покоренной, но по-прежнему манящей вершины. Наверняка каждый думает: «Мы еще вернемся сюда, пожмем твою когтистую лапу, Манарага! Когда-нибудь летом. Непременно».

Выходим к месту слияния нескольких речек. Здесь рождается Кось-Ю. Река уже во многих местах разрушила ледяную тюрьму, и перебираться через нее приходится по уцелевшим еще ледяным мостам. После нескольких дней странствий по высокогорью окунаемся в настоящую тайгу, а затем по притоку Кось-Ю снова идем вверх, в горы. Бивуак устраиваем на живописной поляне.

У нас сегодня торжество: начальник — именинник. У празднично пылающего костра произносятся поздравительные речи.

Даже «самодельные» стихи к случаю:

...Приветствуя юбиляра,
Я верю — настанет пора,
Чарующим звоном гитара
Нас вновь соберет у костра;

И он, сединой убеленный,
Знакомый напев заведет.
(Да, возраст уже преклонный —
— За пятый десяток пойдет!).

Привал будет так же чудесен,
И хор, чуть нестройный, — хорош...
Душевней, теплей этих песен,
Роднее, ищи — не найдешь!

Растроганный Николай принимает приветствия и шуточные подарки (не тащить же серьезную вещь в поход!) Общее оживление, смех. И, конечно, ни капли спиртного. Только молчаливый Володя, самый старший из нас, как всегда невозмутим. Попыхивая трубочкой, он сидит на табурете-чурбаке и улыбается в уже начавшие курчавиться усы и бороду, чем-то отдаленно напоминая арсеньевского Дерсу-Узала.

Коля давно старается запечатлеть на фотопленку исподтишка эту колоритную позу. Нужна искренность, непринужденность, простота. Человек, знающий, что его хотят сфотографировать, уже «позер». Порой бывает нужно только мгновение, «синтез» — по выражению нашего туриста-фотографа, — щелчок затвора, и готово!

Конечно, не обходится и без общих песен, пока сам виновник торжества не отправляет всех спать.

Где ты, Колокольня?

Выходим налегке. Морозным утром смерзшийся наст, подобно наждаку, драит, съедает древесину лыж. С высотой вновь редеет лес, и вот перед нами в россыпях вытаявших из-под снега камней — плато.

— Что это там? — показывает на проталину Виктор.

Камень в россыпи напоминает профилем птицу. Внезапно он оживает: оказывается, мы вспугнули стайку глухарей,

прилетавших покормиться прошлогодними ягодами на оттаявших моховых кочках.

За спиной у нас застыла в прощальном взмахе Манарага. С противоположной стороны, за краем плато, возвышаются три остроконечные вершины, а справа тянется громада, напоминающая трапецию. Решаем подняться сначала на нее.

Снова в ходу веревка, ледорубы.

Вокруг без конца и края дыбятся заснеженные хребты. Но ни обзор близлежащих гор, ни имеющиеся в нашем распоряжении карты и крохи не дают ответа на вопрос, где же Колокольня. Обедаем. Во фляжках какао. Находим склон без камней и, вздымая вихри, глиссируем вниз, на плато, к лыжам. Времени еще мало, можно обследовать соседние цирки.

Со дна котловины от застывшего моренного озера круто взмыли скальные стены.

— Не подходите близко! — кричит Николай.— Может сорваться камень!

Движемся в обход. Противоположный склон положе, доступен для восхождения, но сейчас во многих местах видны следы лавин.

Внезапно вверху что-то гудит, грохочет, напоминая шум поезда. Недалеко от вершины рушится подтаявший карниз — зарождается лавина. Отойдя подальше от выбросов, фотографы фиксируют на пленку летящий по склону снежной поток, в котором изредка мелькают камни.

Мы становимся свидетелями захватывающего зрелища. Весь склон подобно гигантскому экрану приходит в движение. С возрастающим гулом каскадами несутся с горы лавины и лавинки.

Солнце за ветром печет по-весеннему. Спускаясь вниз по ручейку, вытекающему из цирка, встречаем подпруженное мореной озеро. Лед местами съеден талой водой. В конце озерка воронка. Здесь вода уходит сквозь камни морены, а ниже поток возрождается.

Приток Кось-Ю, возле которого разбит наш лагерь, почти на всем протяжении свободен от льда. «Мосты» рушатся. Вопрос о точном нахождении Колокольни решить на этот раз не удалось. Нужны высотомер и карта для подробного обследования района.

— Снарядить бы сюда летом экспедицию туристов,— замечает Никола.
Неплохо придумано! Возможно, так и будет.

Нас догоняет весна

Весна вновь настигает нас. А до жилья еще так далеко! Если полностью вскроются реки, Кось-Ю с притоками не пропустит нас в «населенку».

Вечером на совете по общему соглашению решаем изменить конец маршрута и через два перевала выйти к геологам на реку Вангыр.

Новое утро застает нас на подходе к перевалу в верховьях Хароты. Высоту набираем по косогору в обход крутяка. Пригревает. Лыжи то цепляются изрядно потертыми ребрами за твердые надувы, то застревают в свежих переметах влажного липкого снега.

Спуск с перевала крут. Идем без лыж. Осторожно ступаем, вбивая каблуки ботинок в наст. Внизу чуть положе. Пожалуй, можно скатываться. Скорость бешено растет. Одна забота — удержать равновесие, не понестись вниз по склону.

Кто-то и закувыркался, кажется, «Сурок». Монькин рюкзак с привязанным к нему ледорубом (вот голова, надо было отвязать ледоруб и пользоваться им для торможения!) застрял на половине склона. Сам Монька уже съехал. Немалых трудов стоит Николе сверху подобраться к рюкзаку и столкнуть его вниз, к хозяину.

Наконец, встаем на лыжи у подножия перевала. Увы, снова подлип. На довольно крутом склоне нас будто кто на веревках держит, скольжения почти никакого.

После небольшой передышки в развилке истоков Хароты с ходу взбираемся на второй перевал в бассейн Вангыра. Силы на исходе, а лес еще редковат. Долина Вангыра окружена высокими хребтами. Сам Вангыр на большом протяжении уже освободился ото льда, придется карабкаться по крутым скалистым берегам.

Возле небольшой группы елей вырастает шатер. Рядом пылает костер. А ночью идет дождь. И это зимой, в При-

полярье! Снег заметно садится, покрывается корочкой льда.

К обеду следующего дня достигаем избушек геологов. Здесь узнаем, что полчаса назад на Кожим вышел санно-тракторный поезд. Двое, оставив рюкзаки, пускаются в погоню. Только бы успеть, только бы догнать, пока хватит сил!

Последний трактор готовился двинуть в брод через вскрывшийся большой приток Вангыра, когда на берегу появились лыжники...

Могучая техника помогала нам вырваться из весенней ловушки. Трактористы рассказали, что такой дружной и ранней весны давненько не видывали в этих краях.

П. Владимиров

МАНАРАГА

Пространство внушало отчаяние. Впереди лежали сплошные снега, только зубчатые россыпи камня прорезали снег острыми гранями. Камни чернели близко, дальше склон обрывался вниз, и пейзаж был чист и бесплотен. В небе было много света, но земля сияла еще сильней. Белизна

слепила глаза. Белые хребты, изгинаясь, ниспадали к долине. Усыпанные снегами хребты и долины лежали в глубоком безмолвии. Тишина. Почти нет движения. Только облака, проплывая, роняют на снег легкие пастельные тени да холодные блестки снега толкуются, как белая мошара, в светлом солнечном столбе.

Долина пустынна. Нет жизни. Правда, олени заходили сюда, с поразительной смелостью оставляя на снежных кручах путаные цепочки следов. Но это — все. Нет ни кустика. Даже корявая, в черных пятнах, полярная березка и царица суровых пространств — выносливая лиственница — не посмели проникнуть сюда.

Долину замыкает вершина. Солнце склоняется к ней на закат, и облака, бегущие у ее подножия, украшаются золотистой каймой.

— Это Нáрода!

Голос звучит сухо и пропадает в белизне.

Наш руководитель Володя Басалаев бросает на снег огромный рюкзак и встает рядом, широко расставив ноги в серых бахилах.

Владик Буньков с коричневым обгорелым лицом и косматой шевелюрой пристроился рядом и щурит зеленые глаза. Вершина вздымается волнистым голубым горбом, то открываясь, то снова исчезая в облаках.

Нáрода!

Много вершин уральских повидали мы на туристской тропе. Спокойные, обширные вершины Иремели, шиханы Денежкина и Конжаковского Камней. Катышер и Серебряный увал, Зюраткуль и Стариц-Камень — все они открывали перед нами древнюю грудь, и мы с волнением вступали на них.

Теперь перед нами Нáрода, мать гор, высшая вершина Урала.

Она не страшит нас. Мы уверены в себе. Точнее, у каждого от 25 до 35 килограммов уверенности, она — в консервных банках, кульках и брикетах, в палатке и спальных мешках, в дровах, привязанных сверху на клапан.

Тяжелый рюкзак греет на переходах и весом своим внушиает спокойствие. Это не просто проклятая тяжесть, это — драгоценные калории, это — солнце, запасенное впрок, это — жизнь.

...Ребята спускаются в долину. Я с кинокамерой остаюсь на перевале. Внизу матово светятся снега. И тоненький лыжный след пересекает пространство. В острие его — четыре ничтожные точки. Слабенькая нить следа изогнулась влево, дальше, огромная, в пламени облаков, Нáрода. Я снял этот кадр, засунул камеру в ящик, положил сверху кассетницу, пуховую куртку и поспешил вдогонку. Наш киногруз весом в тридцать килограммов — единственное, что не увеличивает уверенности в предстоящей борьбе. Ставим палатку. Солнце уже закатилось. Ребята выворачивают лыжами снежные блоки и делают заслон от ветра, а цирк в это время погрузился в тень. Мертвенно-фиолетовый сумрак залил небо и снега. Грозный свет холодит душу, навевает тревожные думы.

Наутро мирно сияют белые горы, доверчиво уткнувшись вершинами в густоту синего неба. Ни облачка, даже самого маленького. Мы радуемся: Нáрода будет у нас под ногами!

Цирк раскрывает сверкающие объятия. Верхний край его кажется совсем рядом. Но проходят часа три монотонного подъема, а он так и остается «рядом». Ведущие по очереди идут впереди и бьют ботинками или ледорубом ступени. Девушки просят делать ступени почаше. Лыжи, привязанные за спиной, то и дело задеваются за камни. Снег в самый напряженный момент коварно проваливается, и нога уходит в пустоту между камнями. Переходы становятся все короче, привалы — продолжительней.

В чистом небе над Нáродой внезапно появляются серые перья: облака веером двинулись в зенит. Дальние четки гор затянулись полосами тумана. Здесь, на склоне, еще тихо, а вдали, над туманом, понеслись, полетели круглые клубочки облаков. Самое худшее,— если пурга застанет нас на крутизне.

— Давайте быстрей. Мы слишком часто отдыхаем.

...Стучит ледоруб. Однообразный склон с его застругами и камнями исчезает. Мы на гребне. Ветер ударами обрушивается на нас. Из всех пропастей, из-за померкших пиков хладнокровно надвигаются тучи. Ухожу выше по гребню — моя очередь рубить ступени. Снег очень тверд. Я боюсь карнизов и держусь знакомого склона. Один снежный карниз вырос прямо на глазах из свежего снега и вытя-

нулся совершенно вертикально над пропастью. Ступени, ступени... Я разгибаю спину. Слона больше нет. Передо мной белое поле, изъеденное черными провалами каров. Сквозь пляску пурги еще видны новые, незнакомые горы. Вершины Нáроды слева, совсем близко. Надо лишь подняться метров на триста. Я иду назад и встречаю ребят. Они уже на подъеме.

Когда под ударами ветра мы вступаем на плато, Нáрода, исчезает из вида. О ней не приходится думать. Высоко над землей, на поднебесном плато, среди снега и скал ярится, веселится пурга.

Мы сидим, прижавшись друг к другу спинами. Дежурный раздает всем по обрезку колбасы. Володя, закрываясь, смотрит карту. Кругом кары — пропасти глубиной метров по триста. Справа кар Карпинского, слева — Нáроды. На карте между ними — проход.

Володя засекает азимут, и мы идем в сторону этого склона. В небе тусклое пятно солнца, внизу ничего не видно, плато дымится, как штормовое море.

Начинает отставать Вера. Я иду рядом с ней. Владик и Лида уходят вперед. Они слишком «оторвались», их уже плохо видно.

— Куда идут? Надо идти плотно. Володя, останови их! Я не заметил, как Володя поднял ружье. Выстрел упруго сотряс воздух. Звук погас в летящем снегу.

За пологом метели видно ребят. Они стоят. Дальше плато круто уходит вниз. Я подхожу и заглядываю за камни. Мелькает снег, смутно просматривается спуск. Сейчас надо все взвесить. Конечно, хочется во что бы то ни стало исчезнуть с этого дьявольского плато, укрыться от пронзительного ветра, от холода, мертвых камней и снега — вниз и только вниз! Но уже поздно. Все устали. Лучше использовать оставшееся время и устроить как следует лагерь на плато, переждать пургу. Лида, кажется, соглашается со мной, Володя колеблется, Владик против. Спорим. В конце концов решаем втроем еще раз выйти на крутизу, осмотреть спуск.

Буря идет верхом. Между порывами ветра иногда видно дно ущелья. Склон очень крут и справа обрывается в кар. Но спуститься, кажется, можно. Конечно, могут быть карнизы и обрывы. С другой стороны, чего ждать? Неизвестно,

на сколько суток зарядила буря. У нас очень мало дров. А если видимость будет еще хуже?

Решение принято. Мы возвращаемся к девчатам. Чтобы не замерзнуть, они прыгают на месте и хлопают руками. Владик начинает рубить ступени. За ним медленно подвигаются тусклые силуэты в капюшонах. Впереди ободранные от снега камни, за камнями — черное жерло кара, бездна, заполненная гулом ветра. Это самые напряженные минуты. Ветер без устали набрасывается на нас, стараясь свалить, перекатить через камни. Черная пасть кара, кажется, ждет...

Но все проходит благополучно. Из ущелья речки Манараги проглядывает вершина Нáроды. Вид на нее жутковат. Черные стены с торжественной смелостью вонзаются в обла-ка. Мы уходим от них без большого сожаления. Где-то впереди, за изгибами отрогов, — Манарага.

...Потрескивая, топится маленькая железная печка. Уже светло, но в палатке сумрачно, и можно подумать, что над головой раскинулось звездное небо: на брезенте вокруг трубы светятся многочисленные дырочки, прожженныеискрами.

Лида хлопочет вокруг печки. Надо сушить носки и ботинки, болтающиеся тут же на веревочке. А главное — следить, чтобы никто во сне не уперся в печку ногой. Это самое худшее. Не только потому, что можно сжечь ногу: у шаткой печки сбоку греется кофе, а сверху в плоской банке из-под кинопленки кипит гречневая каша. Лида улыбается чему-то, делает паузу, как будто решаясь, и бросает:

— На зарядку становись!

Четверо вскинулись, как ваньки-встаньки, ощетинились ложками и принялись за еду. И это получилось настолько дружно, что, переглянувшись, все рассмеялись.

— Может, вы спали с ложками в руках?

— Как погода, Лида?

— Ясная, мороз.

— Значит, идем на Манарагу?

Вопрос значит многое. Об этом думает каждый, но никто не отвечает сразу.

Вчера была дневка, мы ходили к Манараге. Выпал снег, дали закрылись облаками. Когда остались внизу леса и мы вышли на белые отроги, все вокруг сияло ровной белизной. Только редкие лиственницы одиноко и резко вырисовывались на белом фоне, словно наштрихованные тушью. Всем хотелось увидеть Манарагу. Ее искали вдали, над отрогами. Напрасно: там мерцал белый туман пурги. Почти в зените, в неспокойном беге облаков, появилось что-то серое и далекое. Ребята загадали восторженно. Я запустил палец под кожаную оправу очков и, соскоблив лед, различил воздушный рисунок гор: белый первый отрог, за ним сиреневый горб дальнего и намного выше, кажется, над головой, скалы. В хаосе облаков, словно оторванные от земли, они парили в небе — далеко, недостижаемо. Они стояли ровно, плечом к плечу и напоминали зубастую челюсть, меж клыков которой струилась метель.

Манарага, грозная красавица Урала. Много туристов стремились к тебе, увидев в небе твою скалистую корону! Первой летом 1954 года пришла сюда группа свердловчан под руководством Масленникова. Они стояли на вершинах Нáроды и Манараги.

Затем пришел черед штурмовать Манарагу зимой. Свердловская группа Королева в 1956 году впервые в зимних условиях взяла Нáроду, опередив на один день москвичей. Свердловчане устремились затем к Манараге, но остановились перед ее обледенелыми скалами.

В январе 1957 года Богомолов и Карелин снова у вели свердловских туристов на Приполярный Урал. Но холод, ветер и предвершинные скалы вынудили их также отступить от Манараги.

Зимой 1958 года такую попытку сделала группа Аксельрода, но еще на склонах Нáроды один из участников получил травму. Группа три дняостояла на месте — о Манараге не могло быть и речи.

Этой же зимой на неприступную вершину шли туристы Казани, но взять ее не смогли. Попытка, однако, не была бесполезной: используя ее как разведку, зимой 1959 года из Казани пришли сразу четыре группы. При помощи альпинистской техники они поднялись, наконец, на гордую вершину зимой.

Теперь перед Манарагой стояли мы. Ее мрачные, укутанные метелью стены надменно стремились к небу, манили к себе. И мы пошли. Пошли, искрестив первый отрог затейливым серпантином, потом почти без отдыха достигли второго и долго месили его пухлые снега. Под вечер уперлись в скалы. Лезть на них в непогоду было безумием.

— Давайте сделаем завтра еще одну дневку?

Володя пробурчал, глядя под ноги:

— Посмотрим, как погода.

Погода сегодня хорошая. В раздумье смотрю на банку из-под кинопленки, где уже кончается каша.

— Так как же, на Манарагу?

Лида, Володя и Владик молчат. Желание ясно и так, хотя никто не высказывает его вслух. Но имеем ли мы на это право? У нас нет специального снаряжения, и нас всего пятеро. (Правда, у четверых большой опыт походов высшей категории трудности. У Веры его нет, но она вынослива). А главное — впереди долгий путь к железной дороге по дикой тайге. После этой дневки не останется дней в запас.

— По-моему, подъем с правой стороны элементарный, — начинает Владик.

Это меня раздражает:

— Так только кажется издалека. А видел скалы с другой стороны? Они, конечно, ниже, но десяти метров стенки для тебя хватит. Может, те, до нас, были дураки?

Помирила Лида:

— Ну давайте дойдем до скал. Если невозможно, не полезем же мы на стенку. Что мы теряем?

Покидаем палатку, идем за березки к промерзлым лыжам. Морозно. Над голубыми хребтами мерцают радужные столбы. В небе, над головой, повисли два венца. Пересякаясь со столбами, они вспыхивают многоцветными пятнами. Ложные солнца!

А под ними встает белая пирамида: вся открытая глазу, царствует над миром Манарага.

Первые часы однообразны: рыхлый снег, распадки, зигзаги по лесу, путаница в сетке берез. Наконец, вершина пер-

вого отрога. Леса остались внизу, в долине. Впереди белый бесстрастный мир хребтов.

С вершины отрога Манарага открылась во весь рост. Белое сияние ее спокойно, непоколебимо, огромно. Я снимаю рюкзак, достаю кинокамеру и ловлю эту громаду в маленький видоискатель. Привычный стрекот на две секунды и — тихо. Механизм замерз. Сую кинокамеру в ящик и хватаюсь за «Зенит» и «Москву». Затем перезаряжаю фотоаппараты и ухожу, оставив кинокамеру на вершине отрога. Я заберу ее на обратном пути. Проклятый сундук. Мы столько таскались с ним, а он отказал в самый ответственный момент!

Ребята ушли вперед. Они крохотными точками чернеют на обширных склонах отрога, смыкающегося с Манарагой. Я налегке, уверенно приближаюсь к ним. Догнал Веру. Она раскраснелась и деловито «тянет». Теперь впереди трое. Сейчас они свернут налево, туда, где этот отрог смыкается с другим, образуя предвершинную площадку. Но ребята сворачивают направо. Почему? Поднимаюсь до поворота и останавливаюсь. Понятно. Склон впереди очень крут. На лыжах не пройти, и ребята делают еще один зигзаг, чтобы выйти на гребень и по нему достигнуть предвершинной площадки.

Направление влево значительно сокращает путь. Что, если попытаться? Склон без камней и ниже переходит в пологий. Иду влево. В самом крутом месте с силой врезаю кант лыж в твердый снег. Все же сорвался, но сразу навалился на палки всей тяжестью тела. Короткими напряженными шагами двигаюсь к гребню, затем свободно скатываюсь на площадку. Ребята далеко позади. Им пришлось труднее: пройти по гребню не удалось, там карнизы, который может обвалиться, и они тоже сворачивают к склону.

На площадке оглядываюсь. Панорама прекрасна, особенно на востоке. Там паутина хребтов, обрисованная встречным светом солнца. Контражур! «Надо снять в эту сторону, когда заберусь повыше», — решаю про себя и смотрю на Манарагу. Белая пирамида вершинного массива впереди, над головой. Теперь ничто не стоит между нами. Мы наеди-не — лицом к лицу.

Вот когда начинается настоящее дело! Всматриваюсь в склон. Он берет с площадки разбег и гиперболой взле-

тает под скалы. Он выпукл и зализан ветрами. Справа — карниз, слева — крутизна и камни. Пространство между ними ведет к вершине. Я наваливаюсь на палки и начинаю пересекать его справа-налево и наоборот. Надо забраться на лыжах как можно выше. Подъем пока прост, нужны лишь силы и терпение. И не следует волноваться.

Снег становится твердым. Два раза срываются лыжи. Снимаю их и как можно глубже вбиваю в снег, чтобы не унесло ветром. Теперь у меня только палка. Это очень крепкая березовая палка. Сверху у нее наконечник с резьбой — при съемках сюда навинчивается кинокамера. Двигаюсь вперед, к вершине, глубоко забивая носки ботинок в склон. Ступени после меня нужны ребятам. Они внизу, уже вышли на площадку, сразу сняли лыжи и рюкзаки. Иду в лоб ритмично и быстро. Сил еще много. Врезаю палку в снег и наваливаюсь на нее, задираю голову кверху.

Вершина близко, совсем близко! Вот она, белая, в неяркой синеве. Склон переходит в предвершинный пик.

Он так крут, что мешает работе рук, я едва не касаюсь его носом — вершина выдвинула свои первые укрепления. Они еще не монолитны, их несложно обойти. Но выше — вертикальная стена. Рассматриваю ее издалека. Лезу выше, забирая вправо вокруг скал. Снова стена — отвесная, с выпуклыми черными плитами, нависающим карнизов.

Наверное, все.

Нет! Лаз! Косая ниша в скалах, наполовину забитая льдом и снегом. Ныряю под мрачный камень и круто карабкаюсь наверх. Отлично! Узкая площадка. Над головой — последняя стена. Осторожно иду по узкой кромке, метров восемь в сторону. Дальше нельзя — за тупым краем камня обрыв. Прохода нет. Теперь, пожалуй, все. Метров десять выше — вершина. Я вижу, как за синим контуром скалы раскалилось и побелело небо: еще немного вверх и оттуда прорвется солнце.

Просматриваю стену еще раз. Разве здесь? Расщелина, которая сначала казалась очень опасной, привлекает внимание. На высоте плеча из нее выдается обледенелый зуб. Если вырубить ступеньку (она как раз уместится на нем), то выше пройти можно. У меня нет ледоруба. Придется подождать ребят — они уже близко. Чтобы не замерзнуть, начинаю бить лед копьем палки. Лед неожиданно проло-

мился, под ним на камне зернистый снег. Очень хорошо! Я расширяю пролом: получилась отличная ступенька. Чтобы оглянуться как следует перед решающим шагом, приподнимаю черные очки. Голубое пламя полыхнуло в глаза; снег даже в тени невыносимо ярок. За кромкой гранита в метре от меня жуткая глубина. Громадная тень зубцов Манараги косо пала туда. Она черная на ослепительно белых снегах. Как далеки одинокие лиственницы на дне ущелья!

Припадая к скале, опираясь на палку, загоняю носок ботинка в ступеньку на камне. Плавно переношу тяжесть тела на ногу, разгибаю колено. Перекладываю палку в правую руку и загоняю выше в расщелину. Прильнул к скале. Правило трех точек в порядке. Делаю еще несколько движений. Разгибаюсь и иду в полный рост.

Ослепительный свет! Солнце! Вершина!

Тур, обремененный грядьями льда и снега. Чувства смутны. Я бреду поперек площадки.

Кругом пустота. Я кричу горланно, радостно. Пытаюсь заглянуть за край — оттуда раздается робкий стук ледоруба. Спускаюсь пониже, показываю ребятам, как пройти. Первым влезает Владик, за ним — остальные. Все на вершине! Девочки сразу сели, Володя, затянув лицо шерстяной шапочкой, пишет записку. На шапочке быстро растет иней. Какой холод! Надо быстрее фотографировать, пока не отказали руки. Я бегаю по крохотной площадке. Вокруг обрывы, мы сидим, как на острие иглы. Вид на восток, который понравился мне на подъеме, по-прежнему хорош, но разве сравнишь его с панорамой на западе. Как вздыбились исполинские скалы! Глаза со страхом измеряют отвесы. Сотни метров! Даже в снегах Тянь-Шаня и на перевалах Кавказа я не испытывал столь сильного чувства высоты.

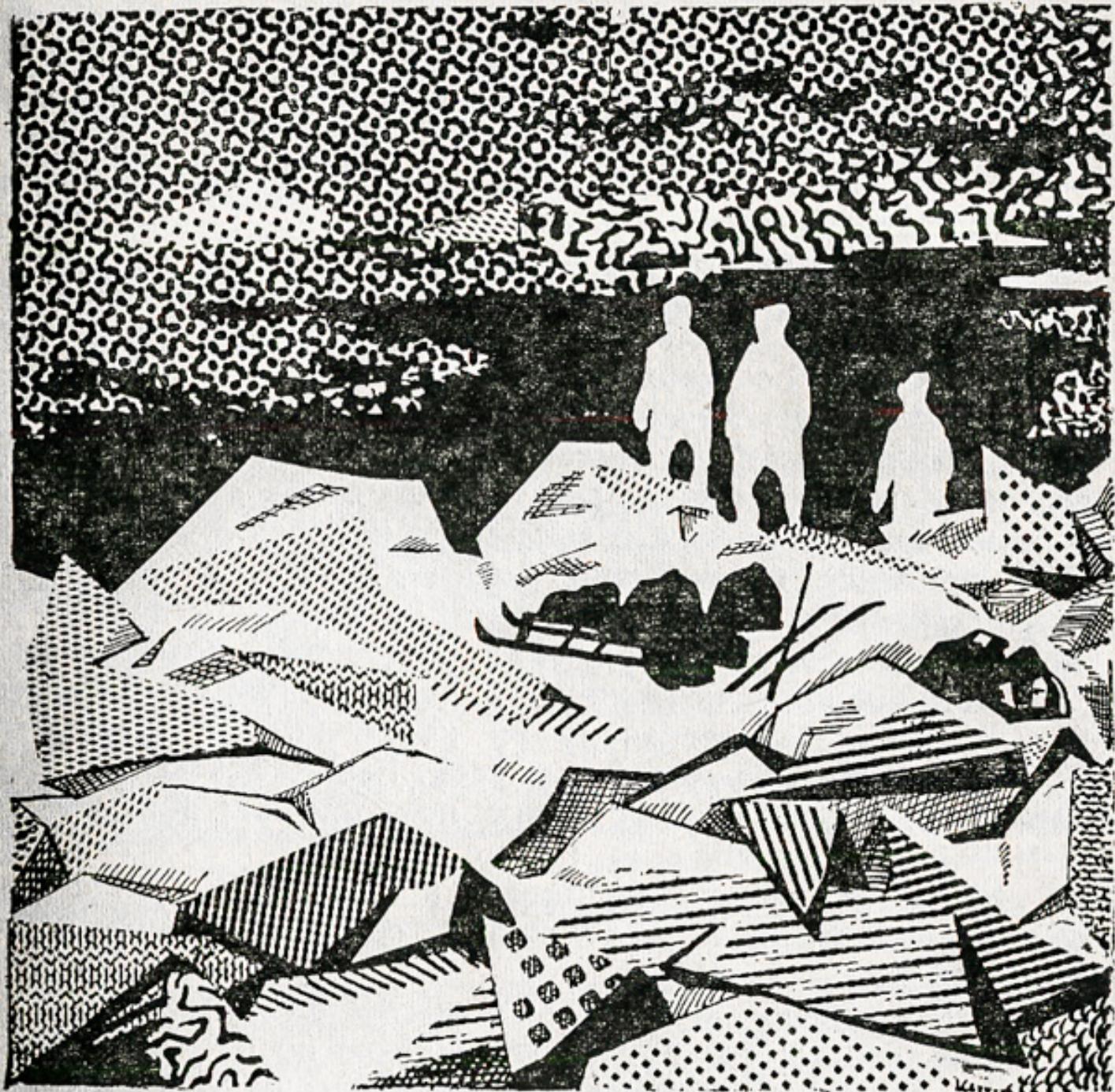
...Мы идем вниз по белым склонам. Манарага за спиной. Скалы ее уже не зловещи, они просто угрюмы. Они на глазах окутываются облаками. Сквозь строй их снова заструилась метель.

— Спохватилась, да поздно. Не ожидала от нас такого нагхальства, — смеется Лида.

Мы тоже смеемся. Давно не смеялись так легко и откровенно. Смех этот, как песня. Удовлетворение наше огромно. Какие полные минуты жизни! Ведь мы, свердловчане,

взяли Манарагу зимой. Мы можем гордиться. И это не только реванш за Нáроду. Все знают, что Манарага в десять раз труднее Нáроды.

Идем вниз, к палаткам. Там, в ущелье, белой полосой среди тайги вьется река Косью — наша долгая дорога к людям. Еще будет много гор, будет море безлюдной тайги. Но пусть слепят заряды полярной пурги, пусть дикие хребты, насквозь пронизанные холодом, сжимают дорогу! Нас ничто не остановит сейчас, мы спокойны, мы уверены в себе: Манарага дала нам крылья!

В. Жмуро́в, мастер спорта

К СЕВЕРУ ОТ СЕВЕРНОГО ПОЛЯРНОГО

1

— Василий Иванович, блестящая идея! Так не путешествовала еще ни одна туристская группа! И Миша выложил идею, над которой уже две недели ломал голову вместе с Борисом Власовым,— во время зимних каникул выехать на Белое море, на северо-западной око-

нечности Онежского полуострова подобрать хорошую крепкую льдину. Юго-западные ветры унесут льдину через горло Белого моря сначала в Баренцево, а затем в Карское море. В районе Диксона, где льды идут вплотную около берега, группа выйдет на берег, погрузится в самолет и вернется в Москву.

Я постарался объяснить, что идея эта — чистейший авантюризм, и надо придумать что-нибудь более реальное. Может быть, лучше сделать лыжный переход с материка на Новую Землю по движущимся льдам пролива Карские Ворота? Ширина пролива около 60 километров. Такова же ширина острова Вайгач. Льды через пролив на восток движутся со скоростью четыре-пять километров в час. Можно успеть пересечь пролив и выбраться на Новую Землю, но идти придется непрерывно десять-двенадцать часов со скоростью пять-шесть километров в час.

Этот вариант был значительно скромнее того, который выдвинул Миша Волк, но тоже требовал хорошей физической подготовки и привлекал своей необычностью.

Сразу же возникла масса вопросов. Как добраться до северной оконечности Югорского полуострова? Как выйти с Новой Земли обратно на материк?

На следующий день я беседовал в Главсевморпути с известным полярником — доктором географических наук Папаниным.

Иван Дмитриевич внимательно выслушал меня.

— Жаль, что вы со своим энтузиазмом не пришли к нам год назад! Мы собирались изучить возможность прохождения групп пешеходов или лыжников по льдам через проливы. Но экспедиция окончилась неудачей. Не успели лыжники отойти от Новой Земли на двадцать километров, как началось торошение льдов. Участники похода подали сигнал бедствия, их с трудом удалось снять с льдины на вертолете.

После обстоятельной беседы Иван Дмитриевич представил меня заместителю командующего Полярной авиацией и начальнику Главсевморпути. Беседа затянулась почти до самого вечера.

— Почему бы вам для начала не попробовать свои силы в переходе по более спокойному маршруту? — сказал начальник Главсевморпути и предложил новый вариант

маршрута: фактория Кара — Байдарацкая губа — фактория Марре-Сале на западном побережье полуострова Ямал.— Мы вам окажем содействие. На участке Кара—Марре-Сале регулярно ведется ледовая разведка. Наши самолеты будут следить за вашим продвижением и в случае необходимости окажут помощь. Наблюдения вашей группы будут очень полезны.

Все это нас вполне устраивало, поход сразу получал и цель и содержание.

2

Двадцать четвертого января вся команда из девяти человек собралась у меня на квартире. Идут на Север испытанные в суровых походах друзья-товарищи Михаил Волк, Борис Власов и Юрий Бронников. С ними я совершил уже несколько сложных походов в условиях Крайнего Севера. Это «железный» костяк нашей группы. Кроме ветеранов, есть и новички — слушатели третьего курса Академии техники-лейтенанты Юрий Ус, Игорь Дейнековский, Евгений Кокорин, Анатолий Городецкий и студент первого курса МГУ восемнадцатилетний Володя Денисик. Володя уже третий раз просит меня взять его с собой, он много тренировался, готовился к походам.

...Верхние полки почти всего вагона забиты нашим снаряжением. Пассажиры вначале недовольно ворчат, но, узнав о цели экспедиции, сочувственно вздыхают:

— И гонят же людей в такую даль...
— Вот она, солдатская служба...

Мы не разубеждаем попутчиков — вряд ли они поверят, что можно хорошо отдохнуть и за Полярным кругом, во льдах.

Через трое суток поезд пересекает Северный полярный круг и прибывает в шахтерский город Воркуту. На перроне нас встречает наш друг, преподаватель физвоспитания Салехардского оленеводческого техникума Александр Данилович Шапочка. За хорошее знание местных условий, за общительный веселый характер и душевную доброту мы все полюбили «Данилыча» и рады видеть его участником нового похода.

Намечаем план предстоящих действий. Необходимо выяснить положение с оленым транспортом, дооборудовать палатку, смонтировать нарты. В райисполкоме узнаем, что в радиусе ста километров от Воркуты нет ни одного оленя. Оказывается, здесь распространилась какая-то эпидемия, и сюда запрещено приезжать на оленях. Что делать? Переход на лыжах от Воркуты до фактории Кара займет не менее десяти дней. Это, конечно, не входит в наши планы. У нас не хватит времени на ледовую часть. Выпадет основное, наиболее интересное звено нашего маршрута.

После завтрака идем всей группой в аэропорт: совершенно случайно Александру Даниловичу удалось узнать, что с Воркуты на Кару полетит самолет. Смогут ли нас взять с собой?

В аэропорту о нас уже знают. Но...

— Погода нелетная, придется ждать!

3

Погода не улучшается. Решаем сделать тренировочный выход за город и испытать наши нарты.

Температура минус 36 градусов. Метет поземка. Выносим вещи на улицу и укладываем их. Груз увязываем веревками. Дорога сильно накатана. На поворотах и уклонах нарты раскатываются и перевертываются. Веревки кое-где ослабли, и груз рассыпался по дороге. Лишь через час мы выезжаем за город, к аэродрому. Ветер все сильнее. Снег слепит глаза. То у одного, то у другого белеют нос или щеки. Растираем друг другу отмороженные места.

— Сделаем один круг вокруг аэродрома и вернемся в город,— объявляю ребятам программу-минимум.

Но и это сделать не просто. Ветер настолько сильный, что переворачивает нарты. То с одной, то с другой сваливается груз. В рукавицах невозможно завязывать узел, а снять их нельзя—сразу коченеют пальцы.

Делаем привал. Из нарт устраиваем заслон и укрываемся за ним. Это выход из положения в случае внезапной пурги. ...Лишь в темноте добираемся до гостиницы. Единодушно решаем: нарты надо переоборудовать. С веревками на

морозе нельзя возиться. На все нарты нужно прибить ящики с крышками.

В номере тесно. Работы развернули по всему коридору. Слышится стук и лязг. Вокруг нас — все жильцы гостиницы. Советуют, помогают.

В 7 часов утра в гостиницу звонят с аэропорта:

— Сообщите членам экспедиции, что в 10 часов вылетает самолет на Кару.

...Самолет прибыл лишь в 11 часов, но после заправки отправился в глубь материка. На Карту мы сможем вылететь лишь завтра.

В гостиницу после устроенных нам проводов возвращаться не хочется. Пусть нас лучше считают в пути. Решаем переночевать в спортивном зале.

На следующий день, в 12 часов, самолет, наконец, стартует. Пролетаем над терриконом.

Внизу извивается узкая лента реки Воркуты. Красное солнце освещает пушистые молочные облака. Настроение у всех радостное, приподнятое. Через час розовое солнце светит уже не с левой, а с правой стороны. Кара не приняла наш самолет, аэродром закрыт низкой облачностью. Летим обратно в Воркуту.

4

Поднимаемся в пять утра. Завтракаем и идем в аэропорт. В семь пятнадцать самолет стартует и через пятьдесят минут приземляется на небольшом заснеженном аэродроме Карты.

В поселке нас встречает начальник аэропорта Михаил Николаевич Наволоцкий. Он гостеприимно предлагает нам остановиться в гостинице аэропорта.

— По приказанию полковника Моросанова для вашей группы приготовлены все необходимые продукты. Завтра вышлем самолет по маршруту Кара — Марре-Сале для ледовой разведки. А пока располагайтесь. Отдыхайте.

После обеда приглашаю на рыбалку: осмотрим сети, установленные подо льдом.

Навагу здесь ловят в таком количестве, что не успевают съедать. Больше половины улова отправляют самолетами в Воркуту, Череповец и даже в Москву. Сети вытаскивают из проруби толстым канатом с помощью ворота. За один замет в сеть попадает не менее тонны наваги.

Ледовая обстановка неблагоприятная. Во многих местах по маршруту большие разводья. Возможно, завтра ветер изменит свое направление и льды сомкнутся?

Занимаемся усовершенствованием палатки, разборной печи и нарт. На одну нарту закрепили варочную посуду и ящик с продуктами на один день. Остальные продукты расфасовали и увязали в пакеты: в каждом — суточный рацион на всю группу. Женя Кокорин, руководитель бивачной группы, уложил на свою нарту палатку, топоры, пилу и лопаты.

Поздно вечером вернулись из тундры наши охотники с богатой добычей: пять песцов и две куропатки. Куропаток подстрелил Игорь.

Утром на столе Наволоцкого — новая фотосхема. На этот раз широкие разводья совсем в другом месте, значительно ближе к полуострову Ямал.

— Обождите еще денек, два, — уговаривает нас Михаил Николаевич. — Может быть, обстановка улучшится.

— Нельзя больше ждать. Сегодня идем по маршруту.

Михаил Николаевич пытается убедить нас, что по передвигающемуся льду идти опасно:

— Если вам обязательно нужно побывать на полуострове Ямал, самолет доставит вас туда и обратно. Можете пролететь над Марре-Сале и посмотреть характер льда.

Доводы начальника аэропорта не могут поколебать наше решение. Мы договариваемся о сигналах связи. Подлетая к нам, самолет должен качать крыльями: нас видят. Если в группе все в порядке, мы даем одну зеленую ракету. Если все участники здоровы, но не хватает продуктов, даем черную ракету. Если есть больные и нужна срочная помощь — две красные ракеты. А если на нашем пути об-

наружатся крупные разводья, самолет должен сделать круг и уйти в сторону обходного пути.

...Дан старт. Вытянувшись длинной цепочкой, медленно движемся по льду Карской губы, держа направление на северо-восток. У всех у нас не только рюкзаки за плечами, мы тянем и нарты. На каждого участника приходится груз в 60 килограммов. К концу первого дня пути выходим на побережье Байдарацкой губы и ночуем в рыбакской избе.

На следующий день — в открытое море. Ровное ледяное поле тянется во все стороны. Снег настолько белый, что слепит глаза. Берем направление по азимуту 45 градусов. Ориентиров нет никаких.

Первый лыжник выходит по заданному азимуту, через несколько минут за ним следует второй, выдерживая дистанцию в 30—40 метров. С таким же интервалом — третий, поправляя первого, если он выходит из створа. Остальные участники идут вслед.

Через каждые полчаса делаем десятиминутный привал. Не снимая лыж, садимся верхом на свои нарты.

В десяти километрах от берега скорость нашего передвижения замедляется: вместо ровной снежной поверхности перед нами голый лед, на котором торчат ребрами отдельные льдины, образуя иногда мощные скопления. Вот на нашем пути огромный, с двухэтажный дом, ледяной торосовый барьер. Снимаем лыжи и поочередно перетаскиваем через него груз. Это занимает больше часа. Снова вытягиваемся в цепочку.

На ночлег останавливаемся в 14 часов. Оставшееся до сумерек время спешим использовать для разбивки бивуака в необычных условиях. Выбираем ровную площадку около высокой ледяной стенки, которая прикроет нас от северного ветра.

Времени мало. Группа под руководством Кокорина быстро очищает лед от снега и устанавливает шатровую палатку. Полы палатки засыпаем рыхлым снегом, который через час превращается в плотный наст.

Миша Волк с Данилычем прямо на открытом воздухе рас-

топили печку. Огонь жадно пожирает куски пластического бензина. Из трубы валит густой маслянистый дым. Бока печки нагрелись докрасна. В дюралевом бачке, вделанном в печь, закипает чай. Но, несмотря на большую порцию сахара, чувствуется солоноватый вкус воды.

Нарту с кухней осторожно завозим внутрь палатки и устанавливаем в углу. В импровизированном подсвечнике из консервной банки уже торчит свеча. В палатке тепло и светло. А потом — ужин.

По приблизительным подсчетам мы прошли около пятнадцати километров. Для начала это совсем неплохо.

Спать ложимся в «коллективный спальный агрегат», как любовно называет наш общий мешок Юра Ус. «Агрегат» состоит из четырех надувных матрацев, двух сшитых солдатских одеял и двух плащ-палаток.

Ради экономии топлива ночного дежурства решаем не устраивать. Разбудит нас маленький карманный будильник.

5

Поднимаемся в шесть утра. На завтрак и снятие лагеря уходит два с половиной часа. Снова идем по азимуту 45 градусов. Лыжи не скользят: снег пропитался соленой водой. Еще через несколько метров вода показалась на нашей лыжне. Приходится снимать лыжи и, очистив ото льда, нести в руках. Хорошо еще, что нарты не прорезают снег до воды, а идут почти поверху.

— Впереди вода! — внезапно кричит Данилыч.

Путь нам преграждает темная полоса. Извилистой лентой уходит она вправо и влево от нас.

Готовимся к переправе. Игорь достает из рюкзака маленькую резиновую лодку и начинает накачивать ее воздухом. Миша разматывает тонкий капроновый шнур, привязывает к нему металлическую «кошку» и, раскрутив над головой, перебрасывает на другую сторону трещины. Челночная переправа длится более двух часов. Лодка покрылась льдом. Свертывать ее опасно, так как можно разорвать ткань. Немного спускаем воздух и укладываем лодку на нарты.

Сзади нас слышится гудение. Ищем глазами самолет. Володя Денисик достает из ящика ракетницу и заряжает ее патроном с одной зеленой полоской.

Летчик заметил нас на белом снегу и несколько раз показал крыльями самолета.

Володя поднял ракетницу кверху и выстрелил — «Все в порядке!»

Мы молча стоим на одном месте.

— Хорошо летчикам. Через несколько минут будут уже над Марре-Сале,— высказывает вслух свою мысль Володя. Ребята смеются, но никто не упрекает Володю. Начинает темнеть. Идти опасно: можно угодить в трещину. Поблизости нет никаких укрытий. Палатку устанавливаем в открытом месте. Еле нагребаем снегу, чтобы прикрыть ее полы.

...Просыпаюсь от страшного завывания ветра.

— Подъем! Оторвало угловую оттяжку. Может сорвать палатку! — бужу ребят.

Женя обхватил обеими руками лыжи, поддерживающие палатку, и старается удержать их в вертикальном положении. Мы с Мишой выползаем наружу, чтобы связать разорвавшуюся веревку. Остальные прижимают полы палатки ко льду. С трудом удается вытащить анкер изо льда, связать веревку и снова забить анкер в лед.

Данилыч разжег огонь в печке. Сидим, курим, обсуждаем положение. К беспокойству о прочности палатки прибавляется новая забота: из чего согреть чай? Лед соленый, а снегу поблизости нет.

К вечеру ветер утихает. Мы собираем около нарт и в неровностях льда снежную пыль. Всех мучит жажда.

6

На следующее утро движемся на северо-восток со скоростью 3—3,5 километра в час. Дважды по пути преодолеваем ледяные барьера.

По азимуту 45 градусов видим ориентир: темное пятно на льду. Впереди идет Игорь Дейнековский. Достаю компас и проверяю направление. Странное дело: мы уклонились от намеченного направления почти на 30 градусов. Останавливаю Игоря и показываю рукой нужное направление. Игорь смотрит на компас, понимающе кивает и резко меняет курс. Потом оглядывается, чтобы проверить прямолинейность оставляемой сзади лыжни. Совершенно прямой след теряется где-то на горизонте.

— Стой! — подаю команду.

С нами творится что-то неладное. Идем прямо, а компас показывает большое отклонение.

Ребята оставляют нарты на лыжне и подходят ко мне.

— Мне кажется, нас оторвало от основного льда и уносит куда-то в сторону, разворачивая против часовой стрелки, — делится раздумьями Борис Власов.

Сверху слышится гудение самолета. Володя готовит ракету с двумя зелеными полосками: «Все в порядке, покажите направление движения».

Самолет покачивает крыльями. Володя дает выстрел из ракетницы. Поймет ли экипаж наше недоумение?

Самолет пролетел несколько километров вперед по маршруту, резко развернулся влево и сделал большой круг. От самолета отделилась какая-то красная точка и, делая плавные круги, упала метрах в двухстах. Самолет покачал крыльями, резко повернул вправо и скрылся из виду.

На красном пакете чернильным карандашом надпись: «Кругом вода, двигайтесь на юг». Разрезаем шпагат ножом: несколько экземпляров газет, белый хлеб, пять пачек сигарет и пол-литра спирта, обернутые в вату.

Вероятно, во время пурги нашу льдину оторвало ветром и крутит около кромки льдов.

Становимся на лыжи, быстро идем по указанному самолетом направлению. Через два часа подходим к концу льдины: полоса чистой воды не менее пятидесяти метров. Переправляться через нее на нашей маленькой лодке опасно. Может случиться, часть людей успеет переправиться, а потом льдину унесет и группа будет разбита. Не стоит рисковать!

Расстояние между льдинами внезапно начинает сокращаться. Уже осталось десять... пять... три метра.

— Быстро отойти от кромки льда!

Едва успел я подать команду, раздался страшный треск. Большие куски льда лезли один на другой, становились вертикально и падали, разбиваясь на мелкие кусочки.

Подхватив свои нарты, спешно удираем от кромки. Через несколько минут торошение прекращается.

Перетаскиваем сначала рюкзаки, а потом и нарты через образовавшуюся баррикаду. Женя поломал свою лыжу. Но сейчас не время раздумывать. Быстрее от опасного места! Два часа бежим без остановки. Лишь в полной темноте находим место для бивуака. Нарты устанавливаем вокруг палатки, прижимая ими концы брезента.

7

На следующее утро снова берем направление на Марре-Сале. Каждые 10—15 минут ведущие останавливаются и сверяют компас.

Через два часа выходим на гладкий лед с тонким слоем «рассола» — студенистой массы из плохо замерзшей морской воды. Лыжи совершенно не скользят. Снимаем их и привязываем к нартам. С трудом тянем сильно нагруженные нарты, останавливаясь через каждые полчаса.

Северо-восточный ветер крепчает с каждой минутой. Лед на горизонте в направлении нашего движения из серого превращается в темно-синий. Через короткие промежутки времени ледяная поверхность вдали вспыхивает серебристыми блестками. Что бы это такое?

— Мне кажется, на нас ветром гонит воду, — говорит Александр Данилович.

Подаю сигнал сбора. Обсуждаем положение.

— Под нами вода! — прерывает совещание Юра Бронников.

— Быстро назад! — кричу я.

Собрав последние силы, бежим по своему же следу к виднеющимся на горизонте торосам. Мокрая ледяная каша противно чавкает под ногами. Вода все прибывает. Мы в ней уже по щиколотку.

Через полтора часа непрерывного движения достигаем ледяного барьера, который с большим трудом преодолели

вчера и от которого сегодня стремились быстрее уйти. Сейчас мы ищем спасения от надвигающейся воды в нагромождениях льда.

Совместными усилиями втаскиваем наверх нарты и рюкзаки.

Вода подходит к самому ледяному барьере, и если ветер не стихнет или не изменит своего направления, через два-три часа настигнет нас и здесь. Мы только теперь полностью понимаем смысл записки летчика: «Кругом вода, уходите на юг!»

Природа неумолимо вносит свои корректизы в наши планы. Сильным северо-восточным ветром взломало льды на Байдарацкой губе и теперь волнами нагоняет на лед морскую воду!

Большого выбора вариантов у нас на этот раз нет, и мы решаем на ледяном барьере найти большую, свободно-лежащую льдину, на ней закрепить ледовыми крючьями груз.

Если вода поднимется высоко и затопит нашу барrikаду, льдина будет служить плотом.

— Миша, твое желание исполняется. Остаток пути до полуострова Ямал придется проплыть на льдине,— невесело шутит Юра Ус.

Все единодушно высказывают мнение: ледовый поход через Байдарацкую губу отменить. После спада воды немедленно выходить на материк и идти запасным вариантом маршрута...

8

Уже пятый день движемся по льду Байдарацкой губы. Пройдено не менее ста километров. Если бы не пурга, которая поломала льды, мы бы уже были на полуострове Ямал. Сейчас выдерживаем движение по азимуту 180 градусов — к фактории Яры.

Других населенных пунктов поблизости нет. Продуктов остается всего на семь дней. Это неприкованный запас на случай непредвиденных обстоятельств. Сокращаем рацион. Ничего не поделаешь!

Вчера где-то над нами слышался гул самолета. Вероятно, нас разыскивают. Низкая молочная облачность окутала все густой пеленой. Самолет увидеть не удалось. На всякий случай Игорь Дейнековский несколько раз выстрелил зеленой ракетой в направлении доносившегося сверху звука: Потом, в Москве, начальник Главсевморпути рассказывал:

— Нам, действительно, пришлось вас разыскивать. Через трое суток, когда ветром разогнало облачность и установилась хорошая летная погода, Наволоцкий выслал самолет на поиски вашей группы. Он сделал несколько кругов вокруг последней стоянки, но ничего не обнаружил. На следующий день самолет пролетел вдоль берега до поселка Яры, покружила над факторией и получил успокоительный «зеленый» сигнал. Это означало, что вы оставили море и ушли в глубь материка.

К концу пятого дня пути по льду на горизонте показалась темная полоса. Это — земля! Ура!

Уже ясно видны очертания берегов. По карте на острове Торасовей значатся две избы. Хорошо бы выйти к одной из них.

Впереди — черная точка. Дыма не видно. Вероятно, никого нет.

В избушке пол устлан олеными шкурами. Разжигаем печь. Александр Данилович сразу же начинает готовить ужин, а Юра Ус уткнулся в угол и уже спит. Уснул и Володя. Уснул сразу, как только переступил порог избушки. Анатолий, Женя и Игорь заготавливают дрова и носят снег.

Через час знакомимся с хозяином избушки — охотником Константином Мироновичем Стокай. Он здесь первый год. Жалуется, что песец плохо идет в капканы:

— Ханты имеют всего по сотне капканов и каждый день привозят по три-четыре песца. У меня двести капканов, а за неделю я поймал всего двух песцов.

Ужин удался на славу. Но... аппетиты у ребят уже не те, что в Воркуте. Сказывается утомление.

— Да, туризм это — не прогулка, — произносит со вздохом Женя. — И Арктика — не Рио-де-Жанейро! Как хорошо сейчас в Москве...

После ночи в теплой охотничьей избе настроение поднимается. Этому, очевидно, способствует и ощущение твердой земли под ногами. Теперь не нужно бояться, что поднявшийся ветер унесет нас в открытое море.

Движемся по острову Торасовей плотной колонной. Поочередно прокладываем лыжню в глубоком снегу. Через каждый час останавливаемся на 10—15 минут и — снова вперед. На горизонте дымок и темные прямоугольники изб. Их всего пять. Это — фактория Яры.

Направляемся к добротной избе с вывеской: «Байдарацкое промыслово-охотничье хозяйство». Нас встречает высокий мужчина средних лет — директор хозяйства Бойков.

Через несколько минут на столе пыхтит огромный самовар.

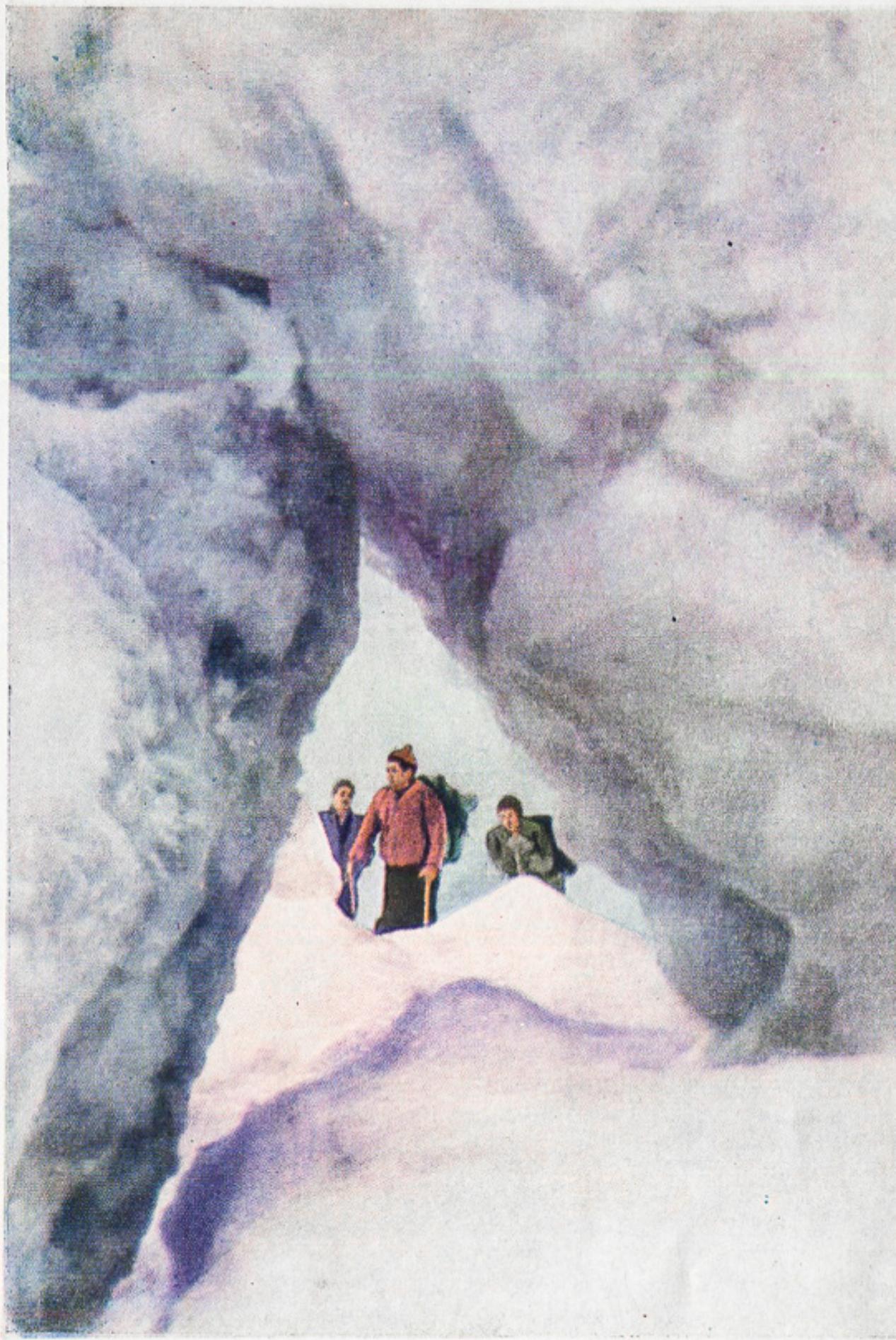
— Живем вдвоем, а самовар приобрели большой, — рассказывает хозяин. — Почти каждую неделю из тундры приезжают охотники ханты. Зимой здесь, конечно, скучновато. Особенно, когда на несколько дней зарядит метель.

Наружные двери домов фактории открываются внутрь: во время пурги дома заносит по самую крышу. Приходится проделывать в снегу туннель. А летом — благодать... Вся тундра в цветах. Прилетает дичь. В реках много рыбы. Солнце только дойдет до горизонта и снова поднимается вверх...

Отдохнув в фактории Яры и пополнив запасы продовольствия, сворачиваем резко на юг, в снежные просторы тундры. Опять, как и на льду, никаких ориентиров. По карте, в сорока километрах южнее Яры, — озеро Осовой-Ты. Выход к нему подтвердит правильность нашего движения.

За первый день после дневки проходим двадцать пять километров. На ночлег останавливаемся у небольшого гребня. В плотном снежном надуве с помощью металлических лопат и пил-ножовок, быстро отрываем глубокий котлован и устанавливаем в нем палатку. Вокруг котлована укладываем прочную стенку из снежных блоков. На всю эту операцию затрачиваем полтора часа.

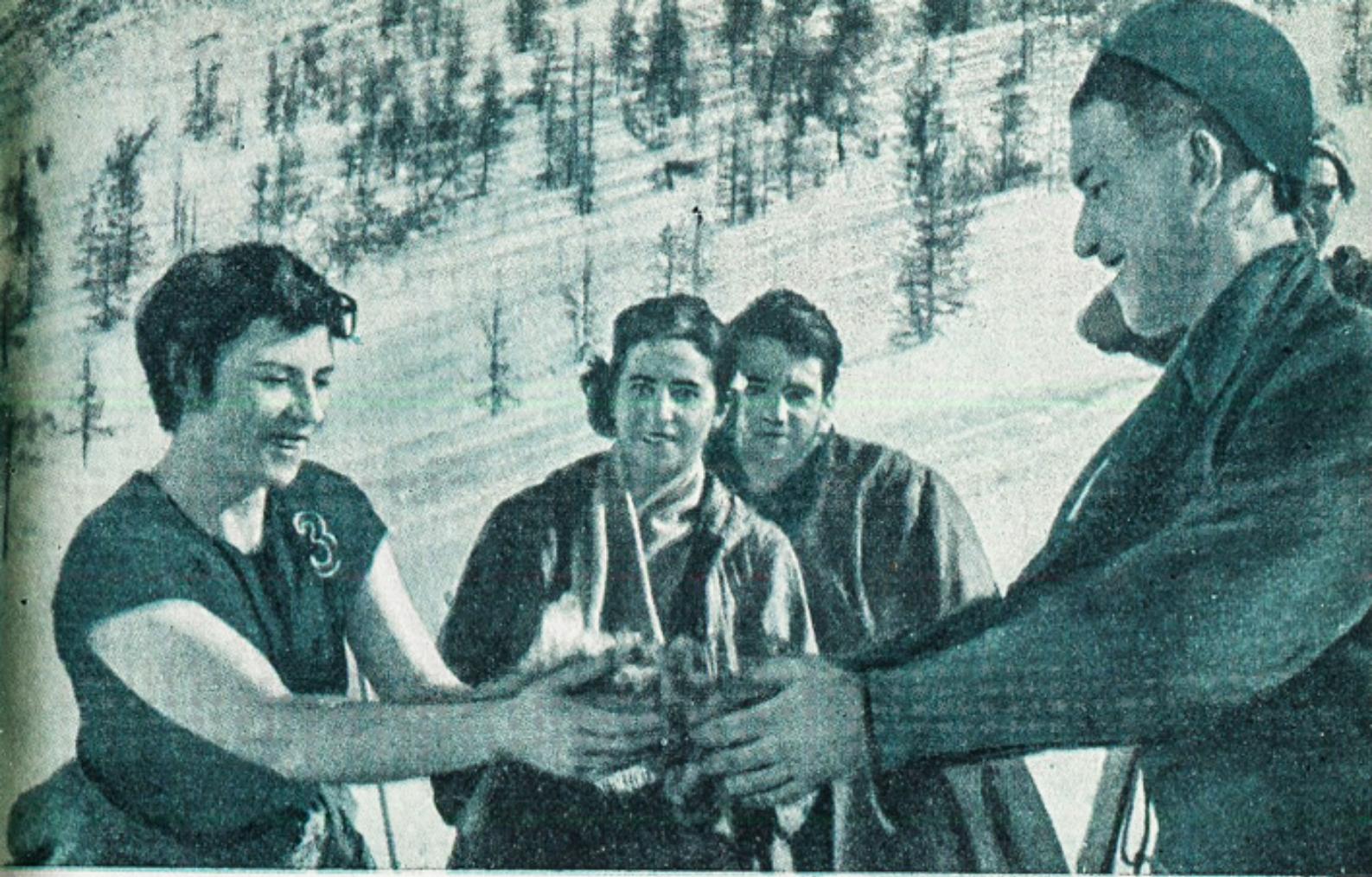
На следующий день выходим к озеру Осовой-Ты — это за-

1. Отдельные льдины иногда образуют мощные скопления. Вот на нашем пути огромный, с двухэтажный дом, ледяной торосовый барьер.

2. Озеро Большое Щучье — самое глубокое на Урале. Под нами 136 метров глубины!

3. Приятно встретить на маршруте родственные души! Мы дарим туритам Ленинграда друзу горного хрусталя.

4. Вокруг без конца и края дыбаются заснеженные приполярные хребты.

Фото В. Дубинина.

5.

6.

5. Пробираемся через Кось-Ю по кое-где уцелевшим ледяным мостикам.

6. В руках ледорубы и альпенштоки, на груди обвязка из репшнур...

Фото В. Дубинина.

7.

8.

7. Первый день похода — первая улыбка мартовской весны: природа полна блеска и безмятежной ясности.

8. Темные фигурки лезут все выше и выше...

9. Неприхотливы зимние краски, но посмотрите, каким ослепительным сиянием наполнены «СИКРИН БИБЛИОТЕКА в солнечные дни!»

9.

10. Зубцы Манараги близко, совсем близко! Вот они, белые, в неяркой северной синеве.

фото П. Владимирова.

11. Белые хребты, изгибаясь, ниспадают к долине. Глубокое безмолвие. Тишина.

фото П. Владимира

12. Тур, обремененный гроздьями льда и снега. Володя, затянув лицо шерстяной шапочкой, пишет записку.

Фото П. Владимирова.

метно по характерной ровной поверхности. Для верности очищаем небольшую площадку от снега до самого льда. В направлении на юг сквозь белую пелену тумана смутно проглядывают очертания гор. Судя по карте, это — Хара-Пэ высотой 242 метра над уровнем моря. Теперь компас можно спрятать в карман и идти на видимый ориентир. Часа через два подходим к одиноко стоящей горе. Впереди вершины: Константинов Камень высотой 492 метра, Малый и Большой Минисей. Между ними проходим, почти не набирая высоты. Все они примечательны тем, что стоят на ровной поверхности тундры подобно каменным исполинам, напоминающим огромные стога сена.

Вдали открывается широкая панorama гор Полярного Урала.

Пересекаем реку Серебета-Яха. Здесь небольшие заросли кустарника. Постоянно дующими ветрами верхние веточки кустарника высушенны — их можно использовать в качестве топлива. Отмечаем на своей карте это место (может, пригодится другим туристским группам!)

Наконец, долина реки Нярма-Яха. Впереди хребет Нызыгей-Нырд, его высота около 900 метров. Все сильно устали, но горят желанием добраться до настоящих гор: в долинах рек ветер значительно слабее. И пурга менее опасна.

...К концу четвертого дня пути разбиваем бивуак у подножия горы Хуута-Саурей, второй по высоте вершины Полярного Урала (1345 метров).

Рано утром, в четыре часа по московскому времени — выходим на штурм вершины. Первую половину пути идем на лыжах. На крутом подъеме их приходится оставить. В ход пустили ледорубы. Последние десятки метров преодолеваем с особым трудом: сильный ветер грозит сорвать наше восхождение. Но вот трудности позади. Вершина взята! Гремит троекратное «ура», в небо взлетают разноцветные ракеты. Сооружаем из камней тур, укладываем записку с нашими росписями.

А дальше путь лежит к изумительному по красоте горному озеру Большое Щучье — самому глубокому на Урале. Узкой зеленоватой лентой оно протянулось на двенадцать километров между двумя обрывистыми горами. Под нами 136 метров глубины!

Сквозь тучи пробилось зимнее солнце. Останавливаемся и смотрим словно зачарованные на то, как лучи солнца разбиваются на мелкие радуги в миллионах кристаллов снега. Кое-где участки льда отливают настоящим изумрудом!

Поход мы заканчиваем в заполярном шахтерском городке Хальмер-Ю. За двадцать дней пройдено более 500 километров в суровых условиях Крайнего Севера — по льдам Ледовитого океана, через тундру и горы Полярного Урала. Сейчас иногда встречаемся и со смехом вспоминаем, как Миша Волк предлагал на льдине прокатиться до Таймыра. И уже без смеха — о том, как это путешествие едва не началось с Байдарацкой губы...

В. Гранин

СКВОЗЬ ГОРЫ И СНЕГА

(Из походной тетради краеведа)

И так, начинаем!

(День первый)

Снег, снег, снег... Белой пеленой закрыто все вокруг. За стеной палатки летят тяжелые хлопья. Сижу, спрятав ноги в спальном мешке, и восстановливаю события прошедшего дня.

Нас восемь в предгорьях Урала. Самый опытный среди нас — Слава Карелин, руководитель похода. По-юношески увлекающегося, безмерно преданного делу творческого поиска Славу в шутку называют Главным Теоретиком. Самый влиятельный — Жора Атманаки, веселый романтик, влюбленный в лес, горы и дальние страны. Он облазил Крым, Кавказ, прошел Алтай и Саяны, Урал и мечтает о Памире.

Кроме того, в группе — Володя Шевкунов, образец точности и аккуратности, весельчак Женя Сердитых, добродушный силач Володя Скутин, страстный фотограф Олег Горячко и Борис Борисов, геолог по призванию и «начпрод» по должности.

Наша задача — проследить изменения снежного покрова, установить его зависимость от рельефа, составить схемы района гор Ойка-Чакур и Белый Камень. Позднее эти наблюдения станут основой студенческих работ и, возможно, в чем-нибудь помогут исследователям, будущим и настоящим покорителям суровых краев.

Маршрут начался в Вижайе — небольшом поселке лесозаготовителей. Ровные ряды стандартных домиков, деревянная автодорога — лежневка, как ее называют здесь, медпункт и аптека, столовая, школа и клуб, гаражи для ремонта техники, сияние электрических огней — таким запомнился нам Вижай, отправной пункт многих маршрутов по Северному Уралу.

В день выхода из Вижая в последний раз мы зашли в столовую, чтобы подкрепиться и заодно, как подметил Жора Атманаки, «помочь работникам столовой выполнить финансовый план». «Начпрод» сделал щедрый жест: заказал щи, тушеное мясо, рыбу и чай.

На лыжах мы двинулись затем к лесоучастку «83-й квартал». Медленно поднялись на водораздел между речками Вижай и Северная Тошемка, скатились под уклон...

Впереди трехсоткилометровый путь по ненаселенной местности. Через старые вырубки выходим к реке и вдоль левого берега Северной Тошемки направляемся на запад. Нам предстоит пройти до впадения в Тошемку речки Логунья и по ней — к хребту Чистоп. Идем по реке довольно легко, снег неглубокий — 35—40 сантиметров.

Километров через семь нашему взору открывается чудес-

ное зрелище: стесненная скалистыми берегами сердито мчит свои воды по каменистому ложу непокоренная морозом Тошемка. Покрытые снегом скалы пятидесятиметровой стеной возвышаются над рекой. Продолжать движение можно только взобравшись наверх по «прижиму» — краю камня, к которому вплотную подходит река.

Мы сняли лыжи и сдали первый зачет по скалолазанию. Поднявшись наверх, убедились, что еще километров шесть-семь придется пройти по вершинам увала, прежде чем кончится полынья. Пробрались сквозь густой сосняк... Углубившись подальше в лес, нашли подходящую полянку, сбросили рюкзаки.

Полевой ночлег готов.

Разгорается пламя костра, наступают те блаженные часы отдыха в походе, когда хочется вспомнить пройденное, вспомнить яркие эпизоды, чтобы они надолго запечатились в памяти.

Крепкий народ — туристы. Словно не было утомительного дневного перехода: ребята пиляли дрова, рыли в снегу котлован для палатки, готовили лапник. После ужина никто не лезет в мешки, а все сидят у костра, делятся планами на будущее, штопают порванные рукава и поют песни.

В тайге

(День второй и третий)

Идем до глубокой впадины, спускаемся на Тошемку и по ней движемся дальше на запад.

Прорезая толщи известняков, речка ежегодно подмывает коренной берег, создавая зубчатые стены утесов высотой в пятьдесят-семьдесят метров. Любуемся утесами, но стараемся держаться подальше от них. Останавливаемся близ устья Логуньи. В верх по реке к хребту отправляем нескольких человек торить лыжню для завтрашнего штурма вершины. Оставшаяся в лагере «группа обеспечения» должна заготовить дрова, отремонтировать обувь и приготовить обед для ушедших.

В горах Северного Урала ясно выделяются два крупных хребта. По водоразделу проходит Главный Уральский хре-

бет, восточнее, параллельно ему,— Восточный Предуральский. Между ними глубокая долина, в которой начинаются несколько рек: Лозьва, Ивдель, Сосьва, Вижай, Северная Тошемка. Они разрезают Восточный Предуральский хребет на ряд отдельных горных массивов — Чистоп, Денежкин Камень. Долины этих рек — наиболее удобные ворота для подхода к Главному Уральскому хребту.

На третий день идем к Чистопу. В верховьях — свежий след охотничьих лыж. Останавливаемся на короткий привал и вдруг замечаем охотника в малице с непокрытой головой. Он совсем незаметно появился из лесу и внимательно рассматривает нас. Проходит минута взаимного удивления, звучат слова приветствия, и вскоре все вместе мы направляемся к стоящим невдалеке трем нартам, нагруженным мясом только что убитого лося. У нарт четверо коренастых людей в малицах. У троих сбоку охотничьи ножи, на плечах — ружья. Охотники выследили «сорпа», лося, и с добычей возвращаются домой. Живут они у речки Вап-Сос (Речка Зяля), впадающей в Северную Тошемку. Приглашают нас в гости. Распрощавшись, продолжаем подъем на Чистоп.

Племя лесных охотников (День четвертый)

Старик Урал недоволен: люди тревожат его вековой покой. Ветерок, слабый в лесу, становится резким и пронзительным. Выходим к верхней границе леса. Облака окутывают вершину, летит снег, и вскоре все вокруг скрывается в мутной снежной пелене. «Несолено хлебавши» возвращаемся с Чистопа.

Следы нарт к двум часам приводят нас к юрте известного мансиjsкого охотника Бахтиярова.

В сосновом бору, на склоне высокого холма, уютно затаились два домика. Олени, стоящие в загоне, собаки, встречающие нас свирепым лаем, лыжи, нарты и прочие предметы мансиjsкого быта ясно говорят о том, что здесь живут оленеводы. Входим в домик. Налево, в углу, «чувал», то есть камин. Дым, а с ним и тепло уходят через отвер-

стие в потолке. Невелик коэффициент полезного действия такой печи! Справа — широкие нары, устланные оленьими шкурами. Это царство женщин: оленьими и лосинными сухожилиями шьют они из выделанных шкур обувь и одежду — нярги, чижи, гуси. Тут же готовится пища, стоит невысокий обеденный столик.

Во второй комнате «господствуют» мужчины: висят растянутые на правилках шкурки, лежат приготовленные к сдаче шкуры, хранится «охотничий» провиант, в углу — нары, на которых спят мужчины-охотники.

До позднего вечера сидим мы, разговаривая с хозяевами, слушая мелодичные звуки нярне-ив. Нярне-ив — оригинальный народный инструмент, похожий на небольшую однострунную домру. Звуки из него извлекаются с помощью небольшого смычка.

Звучит нярне-ив... То гул вершин, то тихий шепот ветра, то серебряное журчание ручья слышатся в бесхитростной мелодии. О любви манси к суровой северной природе поет народный инструмент.

Медленно роняя слова, под аккомпанемент северной музыки старый охотник Александр Бахтияров рассказывает об охоте, привычках зверей.

Лось держится группами, в две-четыре головы, в глухих лесных уголках, питаясь листьями, побегами и корой многих лиственных и хвойных деревьев. Бесшумно движется на лыжах охотник манси, отстреляя сучья деревьев, скользит меж стволов, прислушиваясь к лесным шорохам. По малейшему признаку — сломанной ветке, содранной коре молодых деревьев, плотности примятого снега — определяет, что лось недалеко. Сняв ружье, быстро-быстро пускается в путь за помощью... Гремят выстрелы. Матерый бык взвивается на дыбы и, сделав предсмертный скачок в воздухе, тяжело рушится на снег. Охотники в восторге, они машут руками, не скрывая радости. В память об этом событии делают на дереве затес, показывающий, что здесь убит лось. На затесе ставят «катпос» — знак, указывающий, к какой семье относятся охотники. Причина для веселья основательная — добыто двести пятьдесят килограммов великолепного лосиного мяса!

Поет нярне-ив... Пламя освещает сосредоточенные лица, дым поднимается вверх и уносится вдаль...

Новые порядки, новая жизнь пришли в тайгу. Манси охотятся, сдают государству меха, приобретая все, что необходимо. В тайге появился первый поселок манси Тошем-Пауль. Школа-интернат, магазины, баня, клуб с киноустановкой, больница — все есть в поселке. Лампочка Ильича осветила новые жилища манси, навсегда сделала светлой, счастливой их жизнь.

К Главному Уральскому хребту (День пятый)

В лесу часто встречаются особые «дорожные» знаки. Охотники манси, бывая в тайге, всегда оставляют их на стволах деревьев. По знакам можно хорошо ориентироваться в тайге. Мы пробуем идти одной такой тропой. Это гораздо легче, чем прокладывать путь среди дремучей тайги, на многие десятки километров заваленной буреломом.

По словам манси, нам предстоит от горы Лайс перевалить через пять увалов к Ойка-Чакур.

По мере приближения к хребту снег становится все глубже. Каждые пять минут меняется ведущий. Пот заливает глаза, рюкзак оттягивает плечи. Кажется, что идешь целую вечность. Решаем двигаться «челноком»: двое торят лыжню без рюкзаков, оставляя их на пути, затем возвращаются за ними и догоняют группу по готовой лыжне.

Тиха, угрюма и однообразна тайга. Ели, пихты и кедры мрачной толпой окружают нас. Немало неприятных минут приносят спуски с увалов. Поворот... Рюкзак по инерции движется вперед. Рывок — летишь в снег. Поднимаешься. Прилаживаешь рюкзак, скользишь дальше. Толчок — это рюкзак задел за дерево, и опять — в снег. Лыжи постоянно проваливаются, цепляются за небольшие деревца. При резком торможении рюкзак скользит по спине на шею и всем весом прижимает голову к сугробу.

Мокрый, усталый, спускаешься в долину, пересекаешь ее, шаг за шагом поднимаешься на увал, а это, пожалуй, похуже, и все начинается сначала.

На плосковершинный Ойка-Чакур мы поднялись без рюкзаков. С вершины изучили подходы к Ялпинг-Ньери — Священному Камню манси, вырисовывающемуся на юго-западе.

И вот движемся к подножию Камня. По пути пересекаем невысокий отрог хребта. На перевале — сказочная «аллея ветров». Северо-западные ветры намели здесь огромные снежные валы, подобные застывшим морским волнам. Причудливыми карнизами украшены сугробы. Из занесенных снегом деревьев «вырезаны» разнообразные фигуры. Вот лицо турка в чалме, плывущий кит, курносый мальчишка, красивые олени рога... Раздолье для фотографов!

Подходим к подножию монументального Ялпинг-Ньера. Спрессованный ветрами снег превратился в прочный наст, выдерживающий человека. Чуть выше темнеют каменные россыпи.

Среди невысоких берез и изуродованных елей, резко выделяются могучие стволы столетних кедров. Зимние ветры метелями искорежили и отшлифовали их, придав кронам флагообразную форму.

Поднявшись по каменным осыпям, радостно вдыхаем свежий ветер гор, любуемся открывающимися с вершины даллями.

На север и юг уходят вершины Главного хребта. В туманной дымке на западе угадывается долина Вишеры и Вёлса, куда мы должны спуститься завтра, «прорубив окно в Европу».

Вечером празднуем день перехода в Европу.

Когда вся группа сидела у костра, из темноты в штурмовом костюме вышел Хозяин Уральских гор. Зеленая борода его отливала серебром, лихо закрученные усы чернели, словно сажа; в правой руке вместо посоха он держал лыжную палку, в левой — подзорную трубу, напоминавшую обыкновенную трубу от печурки. Оглядел туристов в подзорную трубу, «Хозяин гор» остановил взгляд на новичке Борисе Борисове, впервые перешедшем границу между Европой и Азией. Четыре черномазых черта схватили Бориса и с воплем бросили в сугроб, затем вытащили и намеревались окунуть в снег еще раз, но завхоз откупился халвой и сухарями...

Снег, снег, снег...

(День седьмой и восьмой)

С хребта нам предстоит спуститься к истокам Вёлса и по нему — до речки Чурол, берущей начало с Белого Камня. Позади елово-пихтовые леса, тесно обступившие истоки Вёлса, ручейки и речки, спешащие со склонов вниз.

Река становится все заметнее, хотя более чем метровый снег сглаживает берега. Снег не только тормозит движение, под снегом минутно можно попасть в наледь. После ванны лыжи и бахилы¹ превращаются в нечто бесформенное, быстро становящееся льдом.

Вот в такие моменты и проверяется человек, какой он проблемы: эгоистичный, сварливый или хороший, надежный, способный в любую минуту помочь... Сухие носки, данные в пути товарищу, протянутая рука, когда ему нужно подняться из сугроба, когда ноги его, кажется, окаменели, — малые капли заботы.... Каким бы ты ни был, после похода становишься богаче, чище, лучше, равняешься на друзей! Ночь проходит спокойно, если не считать, что дежурные без конца счищают с шатра толстый слой свежего снега — он может утяжелить палатку.

Снег все время сопровождает нас, заваливает лыжню, мешает идти. Снег, снег, снег... И поневоле вспоминаешь слова древней лесной легенды.

...У великого вождя манси Ман-Нама-Хум, который жил у самых горных вершин Урала, было пять дочерей. Четверых отдал Ман за славных богатырей. Но никто не сватал пятую — Хэсте, лицо которой обезобразил злой дух. И вот пришел вождь лесных людей парма-эков, Кудым-ош, и посватал Хэсте. После пышного свадебного пира долго глядел вождь в печально-прекрасные глаза Хэсте. От великой любви спали злые чары с лица Хэсте, стала она прекрасной, как молодая луна.

В день, когда Кудым-ош погиб на охоте, родился у Хэсте сын. С каждым мгновением рос и креп мальчик. Взял он

¹ Мягкие сапоги из брезента, которые надеваются поверх лыжных ботинок и удерживаются завязками выше колена и на щиколотке.

мать свою, вынес из темной, холодной юрты и поклонился ей: «Рожденный тобой, благодарит тебя!» Грязнул грязом, и засверкали молнии, ветер разорвал кольцо туч, и засияло солнце... Это приветствовал всемогущий Нуmittорм рождение Рума. И все поклонились Руму: и кони, и звери в дремучих лесах, рыбы в водах; птицы стройно запели, деревья зашумели, каждое по себе. Торжественно качались сосна да ель, пихта да кедр, звенели листочками березы и осины. А Рума стоял обнаженный, как могучий кедр, навечно юноша, светло-бронзовый, юный, и солнце вливало свое золото в его тело.

Совершил Рума одиннадцать подвигов ради народа своего,— научил людей ковать металл, объединил их, отогнал врагов от великих рек. Но самым главным оказался двенадцатый подвиг: Рума вернул манси солнце.

Было так. Устало солнце греть землю и, выбрав просторную пещеру, улеглось отдохнуть. Подобрался злой Кул—черт—и заковал солнце в тяжелые цепи, завалил пещеру огромными камнями. Украл у людей свет и счастье злой Кул. А чтоб никто не нашел следов преступления, покрыл все леса, землю, горы и реки белой холодной пеленой—снегом.

Много времени потратил Рума на поиски солнца, но не мог найти его в кромешной тьме.

Тогда вместе с сыном пошла мать его Хэсте. Сердце матери, изболевшееся за народ свой, указало путь к темнице. Мать шла впереди сына. Сставил ногу Рума туда, где ступала ее маленькая ножка, и чувствовал, как с каждым шагом мужеством наполнялось сердце, силой наливалось тело.

Немного не дошла Хэсте до скалы Ялпинг-Ньер, упала, сказав: «Здесь». На месте смерти матери насыпал Рума огромную гору земли, и назвали ее Хой-Эква, что значит «Женщина-царица». А Рума стал могучим богатырем.

Откатил он камень, разорвал тяжелые цепи и освободил солнце. Вышло оно из темной пещеры, расправило онемевшие руки-лучи, распростерло их над землей. Зажурчали ручьи, зазеленели травы, радостно зашумели деревья, освобожденные от снега, звери и птицы проснулись от сна и разбежались по земле, прославляя подвиг Рума и Хэсте—матери всего живущего на земле.

С тех пор каждый год уходит Рума охранять солнце, пока оно отдыхает на юге. А злой Кул в это время засыпает снегом горы, реки, озера, леса, надеется, что забудет Рума дорогу на родину и останется Урал в руках Кула. Но люди идут сквозь снега, прокладывают тропу навстречу Рума. И мужеством наполняются их сердца, силой напиваются тела,— ведь они идут к весне и солнцу, к жизни! А встречному люди говорят: «Паче, Рума! Здравствуй, друг!»

До свиданья, край легенд! (День девятый—одиннадцатый)

С утра поднимаемся к истокам речки Чурол. Сильны и непокорны горные речки, даже в сильный мороз не стынут они! Лишь висящие над потоком снежные мосты помогают нам перебраться с берега на берег. Переходим в долину реки Кутим, а затем по невысокому перевалу через Главный Уральский хребет снова возвращаемся в пределы Свердловской области.

В ясный солнечный день выходим к Сольве. Нам открывается величественная панорама могучих горных цепей. К северу и югу тянутся каменные гряды Северного Урала, на их склонах серебрятся снежные поля. Чуть восточнее на полуторакилометровую высоту поднял голову Денежкин Камень. Лучи заходящего солнца окрашивают его склоны в мягкий розовый цвет — цвет уральского розового гранита.

Сольва — бывший платиновый прииск. Сейчас в нем только три семьи пастухов-оленеводов. Всю зиму стерегут пастухи тысячные стада оленей, а летом перегоняют их за хребет, на тундровые просторы. Для нас Сольва — первый населенный пункт после десятидневного марша по горам и лесам Уральского хребта.

По руслу речки Талая поднимаемся следующим утром до границы леса, оставляем лыжи и, вооружившись лыжными палками, шагаем вверх по склону. Выбивая ступени в плотно слежавшемся снегу, подходим к скалистым гольцам, окружающим вершину Денежкина Камня и его ближайшие склоны.

Беспорядочно нагроможденные обломки скал преграждают путь. Крутые склоны предвершинных гольцов обледенели. То один, то другой из нас срывается по склону вниз, но переворачивается и, действуя лыжными палками, как ледорубом, тормозит.

Резкий порывистый ветер гонит облака, рвет одежду, сбивает с ног, бросает в лицо крупные хлопья мокрого снега, который быстро застывает, покрывая лицо ледяной коркой. Вот в этих условиях и проявляется спортивная сторона туризма. Турист не борется со стрелкой секундомера на беговой дорожке, не преодолевает силу земного притяжения, как штангист. Его противник многолик и коварен. Это — сама природа. Туризм — не только спорт, но и путь к мужеству и самоотверженности. Чем труднее дорога к цели, тем больше удовлетворения получает человек, победивший в себе слабость и страх.

Об этом думается на вершине Денежкина Камня.

...Вниз спускаться гораздо веселее. Надеваем лыжи. Со свистом летит мимо ставший упругим воздух, мелькают камни, кривые стволы изуродованных ветром березок, стремительно набегает зеленая стена горной тайги.

Вот и речка Талая. Сжатая высокими, крутыми скалами, падает она вниз, прыгает через камни, которые выбросила гора, пытаясь задержать ее стремительный бег.

По речке быстро спускаемся вниз и возвращаемся в Сольву.

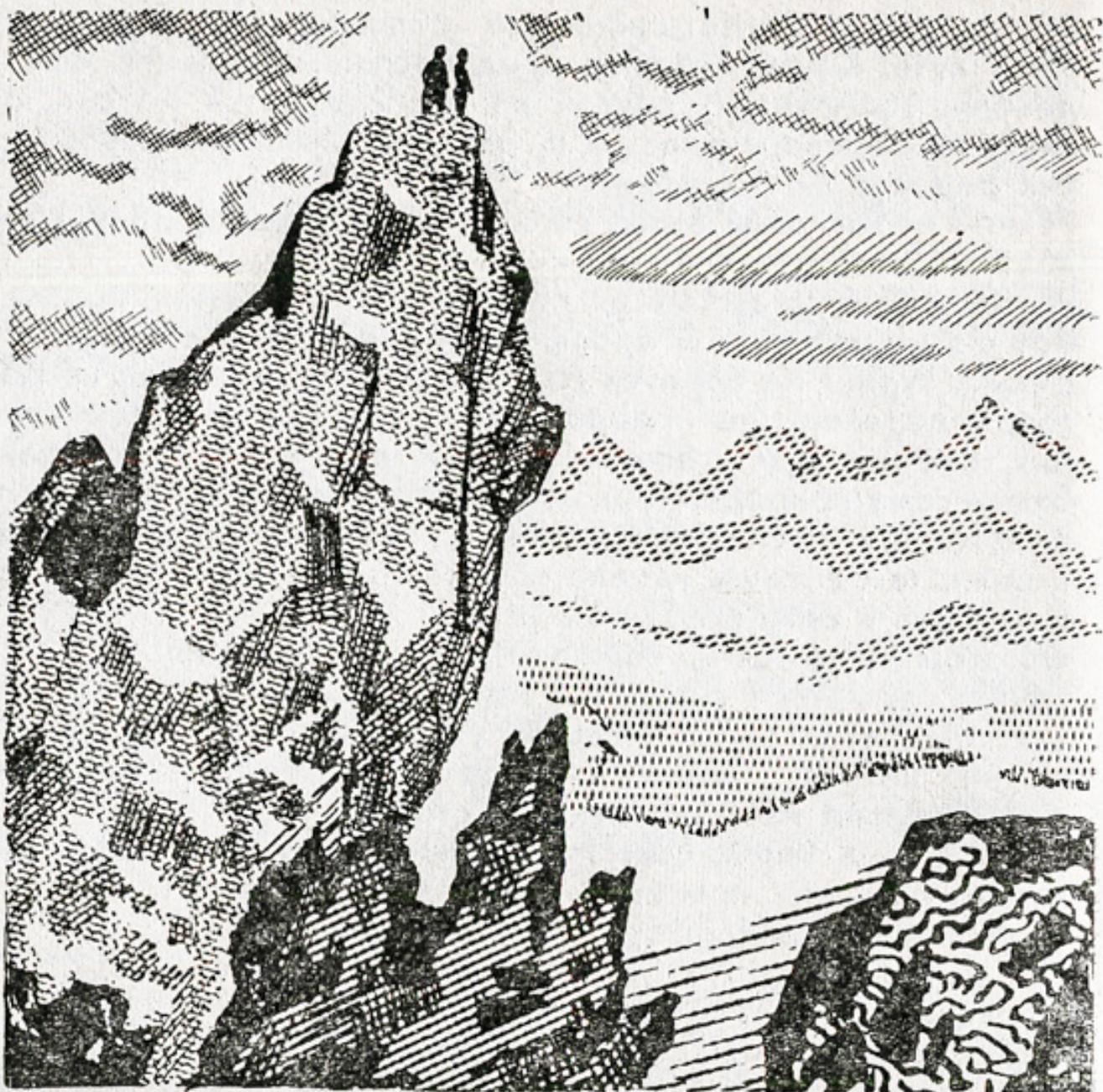
Через два дня мы в поселке Покровск-Уральский, где и заканчивается наш маршрут, составивший в общей сложности более 300 километров по красивейшим местам Северного Урала.

Пора подводить итоги. Они в наших песнях:

Пусть было в пути нелегко нам подчас,
И ветер хлестал нам в лицо все больней,
Но дружба нас сделала в тысячу раз
Отважней и сильней...

Я возвращаюсь домой, а в душе музыкой, зовущей в новые походы, в новые дали, звучит:

До свидания! Похода не забудем,
И дружбы не оstudят
Ни годы, ни ветра!..

A. Потапов

ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК

Нас тринадцать. Тринадцать рабочих и инженеров Уралмаша. Всех нас объединяет фанатичная привязанность к лесам, горам, скалам, ко всему тому, что называют природой. Мы из тех, кто каждую субботу тugo набивает рюкзаки и отправляется побродить по окрестностям Сверд-

ловска. И, пожалуй, больше всего по душе нам зима, особенно начало ее — ноябрь, когда лес одевается в новую снежную «листву» и выглядит привлекательным и свежим после пасмурных осенних пейзажей.

В один из таких дней мы отправились встречать уральскую зиму в замечательный уголок Среднего Урала — бывший Висимский заповедник на границе Европы и Азии.

Горы Белая, Широкая, Острая, СтариК-Камень, Аблей, конечно, не так высоки и грандиозны, как Конжак, Манрага или Нáрода. Они не требуют мужественного штурма. Но, честное слово, мало уступают им в красоте и открывающейся с них величественной панораме.

...Перед нами усеченный конус Белой. Крутой подъем на обширное плато. Еще не дойдя до него, невольно останавливаемся. Внизу раскинулись поселки Уралец и Белогорский.

А на вершине — суровые заиндевелые камни, вышка. Тринадцать пар глаз пожирают величие бесчисленных, уходящих в дымку лесистых увалов Каменного Пояса. Отсюда не хочется уходить. В зеленом ковре леса — островки причудливых скал.

На востоке — зеркало только что замерзшего пруда Черноисточинского с приютившимся у его северного берега поселком. А впереди еще много непройденного. И снова рюкзаки на спинах. Снова цепочкой движемся по таинственному заснеженному лесу. Глубокий снег. Немного устали ноги. Но это пустяки. Музыка сопровождающего нас всюду карманного радиоприемника «Атмосфера» поддерживает «тонус». На привале звучат задорные туристские песни, шутки, смех, начинаются даже танцы: все как один смешно кружатся в вальсе.

Утром выходим к Широкой. На вершине — рев ветра, несущего тучи облаков и снега. Вышка наклонилась навстречу ветру, его бешеным порывам. Раздолье для любителей острых ощущений! Темные фигурки упорно лезут выше и выше, почти исчезая в бурлящей белизне.

Спускаемся с видом покорителей неприступных высот. По пути пересекаем Дикую Шайтанку — она еще долго будет противиться крепким уральским морозам.

...СтариК-Камень — место паломничества свердловских и тагильских туристов — великолепен зимой. Деревянная

вышка на острове шихане кажется вылепленной из снежно-ледяных кристаллов. Внизу не ели, а сказочные изваяния, отливающие на солнце голубизной. Кажется, зима бросила весь снег на их создание. Над елями синее, до черноты, небо.

Стоим не шелохнувшись, боясь нарушить торжественное безмолвие. Лишь изредка слышится: «Вот здорово!» Наш охотник Саша Корочкин, обещавший дать на вершине салют, не решается выстрелить из своей двустволки. Лида с Томой стоят обнявшись, в каком-то оцепенении: такого они еще не видали.

Мы побывали на скалистом «гребешке» Острой, на многочисленных скалах Аблея. И везде перед нами раскрывал свою зимнюю красоту Каменный Пояс.

...Жарко горит раскаленная печка в походном шатре. Сварен сытный ужин. «Штатный музыкант» Глеб уже взял гитару. Тринадцать сначала тихо, а потом громче и веселее поют любимую песню о романтиках.

Е. Масленников, мастер спорта

С ГОРАМИ НЕ ШУТЯТ!

Помню, много лет назад свердловская сборная вышла к Большому Шолому — одной из высших вершин Южного Урала. Над бескрайним голым взгорьем кружилась и плясала неожиданная пурга. Тем не менее мы решили найти бетонный столбик вершины. И нашли. Но ветер основа-

тельно замел обратные следы к рюкзакам и лыжам. В суетливом поиске потеряли полчаса, час. Потом собрались вместе, разделились на две группы и прошли по границе леса в обе стороны. Полузаметенную снегом пирамиду из лыж и рюкзаков обнаружили совсем близко...

Урок этот каждому из нас запомнился навсегда, превратился в непреложный закон: с наступлением непогоды или темноты без крайней необходимости движение в горах продолжать нельзя.

Мы решили рискнуть, и это был ничем не оправданный риск еще не очень опытных, но уже самоуверенных любителей путешествий.

Конечно, элементы риска есть в любом походе, это его необходимая и увлекательная сторона. «Путешествие есть путешествие,— говорит Николай Тихонов,— оно требует риска и отваги, оно полно неожиданностей, как и вся наша жизнь. В жизни даже хорошо, когда бывает трудно и сложно, ибо преодоление трудностей — радость». Действительно, именно отдаленные, малоизученные места привлекают человека своей трудностью, всем тем, что связано с романтикой нехоженых троп. И в этих сложных походах самая опытная группа может попасть в обстоятельства, где отступить нельзя, где приходится рисковать, полагаясь только на свою опытность, смелость, выносливость.

Но совершенно незачем рисковать без надобности, поглупому, когда опасность очевидна, а преодоление ее не вызывается особой необходимостью, да и опыта для этого маловато; и можно сделать благоразумный шаг назад, не ставя свою жизнь под угрозу...

1

Яман-Тау высилась, занимая добрую треть небосвода. Отсюда, из заброшенного поселка Машак, до нее рукой подать — километра четыре. Полтора часа туда, час обратно — и высшая вершина Южного Урала будет «в рюкзаке» у туристов Уфимского нефтяного техникума. Поэтому и не торопились — кому не хочется лишние час-полтора понежиться в спальном мешке!

К тому же за стеной гудел ветер, нес рваные тучи, сквозь которые лишь изредка мелькали кусочки голубого неба. Говорят, даже в тихую солнечную погоду на вершине Яман-Тау разгуливают шальные ветры — недаром башкиры назвали ее «Плохой горой». А что там сейчас?

На штурм всей пятеркой вышли уже в двенадцатом часу. Погода не улучшилась. Мрачные, будто свинцовые, тучи несли из долины колючий снег. Лишь изредка в их разрывах показывалось мутное солнце. О том, подниматься или не подниматься, — речи не было. Затем и в поход шли. С собой взяли компас, карту, листки с описанием подъема на Яман-Тау из книжки «Путешествия по Уралу». В рюкзак по бутерброду на брата и два туристских топорика: надо записку о восхождении оставить, а в путеводителе написано, что зимой пирамида у вышки покрыта плотным слоем снега и льда.

Когда вошли в тайгу, сталотише. Но еще задолго до подступов Яман-Тау внесла в утренний график свои корректизы. В дремучей тайге лыжню пришлось пробивать по бурелому и чаще, а кое-где — прямо по каменным россыпям. К двум часам дня появились низкие, изогнутые березы, лес поредел.

Вершина круто взбегала вверх фирновыми склонами с выходами камней. Видимости — почти никакой, весь мир сузился сразу до 30—40 метров.

— Пошли? — отвернувшись от пронизывающего ветра, спросил старший.

— Пошли!

Лыжи остались у последних елочек, воткнув в снег между камнями. В руках остались лыжные палки — так легче подниматься. Часа в три вышли на вершину — обширное заснеженное плато с выступающими там и сям плитами сланца. Долго бегали в поисках вышки и тура. Внизу, в студеной дымке, гудела тайга, а здесь, в поднебесье, неистовствовал ветер и снег, сбивая с ног. Продрогли изрядно. Пожалели, что не взяли ватники, — было бы веселее.

Наконец, небольшая вышка и бетонный тур. Ну, теперь все в порядке, можно и вниз, под покров спасительной тайги. Тут уж не до записок. Но в каком направлении лыжи? Кругом, куда ни глянь, белая стена. В беготне по высокогорному плато было не до ориентировки.

Стали вспоминать, куда дул ветер при подъеме. На вершине он почему-то дует то с одной, то с другой стороны. Руководитель махнул рукой:

— Кажется, сюда!

Спустились быстро. Добежали до стланика — редкого леса из березок и елей. Место похоже, но без лыж. Попробовали идти влево, вправо. Далеко не уйдешь — снег рыхлый, ноги глубоко проваливаются меж камней. Пошли ниже по склону, в лес. Но дальше почему-то снова крутой безлесный подъем! Страх остаться без лыж гонял группу во все стороны...

Совсем стемнело, когда обессиленные, вконец измотанные ребята поняли, что лыж не найти. Все пятеро были мокры с ног до головы, хотя ветер и мороз усиливалась. У каждого — лишь штормовка, под ней свитер, на ногах ботинки. Даже шапки не у всех. Спасение — только в костре! К счастью, нашлись спички. Пригодились и топорики.

Сушняка не оказалось. Срубили небольшую ель, нижние ветки пошли на растопку. Потом рубили мелкий сырой березняк, осинник. Чтобы ветер не задувал костер, выкопали в снегу яму глубиной с метр. Костер еле дымил. Из веток сделали нехитрый заслон от ветра.

Делать что-нибудь еще сил уже не было. Да и не знали, что надо делать. Сознание, потрясенное неумолимо надвигающейся гибелью, отказывалось работать. Мороз проникал под штормовки, леденил руки и ноги, буравчиками вонзился в тело. Скорчившись вокруг чуть тлевшего костра, ребята замерзали. Кто-то бредил в полусне, кому-то чудилась музыка, цветы и теплый ветер: замерзающий испытывает жар, начинает расстегивать одежду — от него уходит последнее тепло и вместе с ним жизнь.

Да, романтика — не только тайга, горы и неисследованные пути. Романтика — это борьба, преодоление трудностей, когда требуется собрать в кулак всю свою волю, выдержку, силу и — подняться!

Ночью ударил сильный мороз, градусов под сорок. Огонь погас. Надеяться можно было только на чудо. И оно произошло. Утром по проложенной уфимцами лыжне к Яман-Тау подошла сильная группа саратовских туристов. Они обнаружили лыжи. Уйти от Яман-Тау без лыж невозможно. Значит, где-то здесь и люди. Вскоре на широкой, поч-

ти безлесной седловине между двумя вершинами Яман-Тау был найден потухший костер и вокруг него пять спящих фигур.

Пока группа отваживалась с обмороженными людьми, двое саратовцев налегке побежали на лыжах к ближайшей железнодорожной станции. Через некоторое время, несмотря на продолжавшуюся вьюгу и пургу, прямо на седловину Яман-Тау приземлился вертолет. Люди были спасены, но безмерно настрадались на высоте и получили жестокий урок на всю жизнь.

В чем же причина случившегося? Только ли в бесшабашности и легкомыслии, толкнувших ребят на вершину в метель? Нет. Группа по своей подготовке, по опыту и силам не соответствовала требованиям, предъявляемым к походу такой категории сложности, не имела права идти по этому маршруту. Ребята растерялись при первой же неудаче — потере лыж, не сумели противостоять ледяной пурге, были морально сломлены в первые же часы.

Советский туризм строится по принципу постепенного нарастания трудности путешествий: не пройдя первой категории, не попадешь во вторую. Это заставляет туриста год от году набираться опыта, становиться наблюдательнее и рассудительнее, постепенно постигая азы путешествий. А некоторые, особенно из молодых, пытаются начинать свой путь, перешагивая сразу через две ступеньки. Руководитель группы второй разряд по туризму сумел «находить» за один год. А ведь как раз от руководителя, от его знаний и опыта зависела в первую очередь культура и безопасность путешествия.

Великие путешественники, специалисты с большим опытом готовились к походам годами. А некоторые молодые люди, купив рюкзак и ковбойку, считают свою подготовку законченной. Жизнь представляется им в виде прямой и гладкой дорожки, где все доступно и просто. Они стремятся не замечать, игнорировать трудности: «Эх, была не была, авось удастся и нам».

Именно таких любителей приключений и ждет на Урале притаившаяся за горизонтом пурга.

В субботу, в 10 часов утра, Свердловский клуб туристов получил из Карпинска тревожную телеграмму: «Четверг Конжаке обнаружена палатка без людей. Срочно направляйте спасотряд».

Люди терпят бедствие!

Через два часа по сигналу тревоги в городском клубе собрался отряд контрольно-спасательной службы. Составленный из лучших туристов, людей опытных, энергичных и отважных, отряд уже имел за спиной немало примеров мужества, готовности до последнего биться с природой, чтобы помочь попавшим в беду товарищам по спорту — знакомым и не знакомым.

Энтузиастам-общественникам потребовалось несколько часов, чтобы сообщить об отъезде по месту работы, оформить командировки, получить снаряжение и питание из спасфонда.

Вечером поезд увозил на север отряд из восьми свердловчан под руководством Павла Истомина — на помощь людям, может быть, замерзающим в горах. Утром на карпинском вокзале их уже ждала автомашина. Местные туристы сообщили, что потерявшаяся группа — казанская, в ее составе шесть парней и две девушки. Группу казанцев, налегке отправившихся штурмовать Конжаковский Камень, в четверг утром повстречали москвичи, проходя мимо Конжака. Москвичи заметили, что погода для подъема не совсем подходящая, что они сами только что отказались от восхождения.

— Ерунда! Мы и не такие вершины брали! — ответил кто-то из казанцев.

В воскресенье вечером спасотряд уже был под Конжаковским перевалом. К этому времени сюда подоспел спасотряд Казанского клуба туристов во главе с мастером спорта Львом Дятловым. Днем раньше к поисковым работам приступил отряд карпинцев и группа туристов города Горького, оказавшаяся в этот момент в районе Кытлымса на засчетном маршруте.

Тут же родился совместный план поисков: обойти кругом вершину Конжаковского камня по таежной целине, где че-

ловеческий след и в метель сохраняется неделями, и, если следы из этого кольца не выходят, искать внутри круга, разбив его между отрядами на сектора...

Итак, четверг. Над Конжаковским перевалом плясала пурга, и вершины окрестных гор дымились снежными шлейфами, когда в каменистом ущелье Северного Иова появилась цепочка туристов, направляясь по заметенной лыжне к горному плато под Конжаком. Это была сборная группа омских туристов под руководством мастера спорта Степкина.

Оставалось совсем немного до границы леса; впереди через чахлые изогнутые деревья уже хорошо просматривались белоснежные склоны Конжака, когда направляющий, остановившись, показал палкой в сторону:

— Чья-то палатка!

По всей вероятности, она принадлежала группе, по следам которой они несколько дней шли от Денежкина Камня. Остановились. Направляющий свернул к шатру, заглянул внутрь: в середине печка, вдоль стенок снаряжение и рюкзаки, людей нет. Время уже вечернее. Если ушли на восхождение, пора бы вернуться, на подъем и возвращение требуется часа три, максимум четыре. Да и по заметенной палатке видно, что обитателей нет уже несколько часов.

Омичи встревожились. Сумерки были не за горой. И хотя собирались ночевать по другую сторону перевала, поставили свой шатер рядом с «осиротевшим». Владельцы палатки не появились ни утром на другой день, ни после обеда. А метель не утихала. И туристы побежали в Кытлым — поднимать на поиски жителей, вызывать свердловчан.

А что же случилось все-таки с казанцами? Попробуем восстановить события этих дней.

«...Четверг, 15 марта.

Взяли с собой легкий завтрак, термос с какао, топорик.

Впереди — Конжак! Горы сегодня гудят — надолго, видно, быть непогоде. На высокогорной равнине встретились с москвичами. Слабаки — боятся идти на вершину, хотя до нее всего три километра.

Не снимая лыж, долго поднимались, пока не уткнулись в большой каменный уступ. Дальше, через эти каменные курумы, с лыжами не пройти. Оставили их заметной кучкой на снегу.

Метель разыгралась. Ни вверх, ни вниз — ни зги, сплошная снежная пелена. Идем под свирепый вой ветра. Раз шесть вставали перед нами скалистые заснеженные уступы. Долго бились в поисках высшей точки — добирались до нее часа три. Ура! Все-таки наша взяла!

...Пятница, 16 марта.

Вчера не нашли своих лыж. Все склоны одинаковые, а карту с собой не взяли. И о компасе вспомнили, когда уже заблудились. Несколько часов ходили по голым склонам — надеялись встретить узкое русло Северного Иова, на котором стоит палатка. Это сейчас поважнее лыж. Но не нашли...

Ночевали на самой границе леса, в ямке у костра. Решили не разделяться. В такую непогоду — никаких разведок. Все вместе идем вдоль границы леса. На всякий случай остатки вчерашнего завтрака утром разделили на несколько частей. К вечеру вышли к ущелью. Сквозь пургу и туман далеко внизу проглядывают таежные разливы. Наш Северный Иов? Нет, уж очень круто уходят вниз каменные берега, обрыв не меньше двухсот метров. Прошли дальше и спустились вниз, к первым кустам. Здесь, как в яме, тихо. И намного теплее, чем на ветру. Тут и заночевали. На этот раз с комфортом — в небольшом укрытии от ветра, на лапнике. Спали вокруг костра, с дежурными.

Держатся все хорошо, хотя и выдохлись. С голодом свыклись, а бессонные ночи на холодах сказываются на всех. Хорошо еще, что температура не падает.

...Суббота, 17 марта.

После небольшой разведки решили спуститься ниже по долине, в лес: если наступит холод, здесь можно устроить навесы и жечь костры из сухостоя.

Весь день метет. Впечатлений никаких. Тучи низко висят над землей, скрывают горы, сырой туман клубится прямо

через нас. Очень много снега. Крупными хлопьями валит и валил. Спускаться ниже в тайгу бесполезно — все равно никуда не уйдешь.

Нет сил бороться с дремотой — спим на ходу. Обгорели брюки, штормовки. Да и голод дает себя знать. Но, несмотря ни на что, — выстоять любой ценой!

...Воскресенье, 18 марта.

«Так можно просидеть еще десять дней», — говорят девушки. Сегодня метель стала как будто меньше. Поднимаемся в верховья ручья, выходим на гребень. Отсюда открывается довольно широкий вид. Километрах в двух со склонов безлесной горы начинается узкое русло и, расширяясь книзу, вливается в таежную долину. За ним — большие вершины.

Руководитель считает, что это наш Иов. Идем медленно, не спуская глаз с долины. Сейчас мы уже на все смотрим с недоверием. Чувства притупились. В глазах расплываются круги — не поймешь: от голода, недосыпания или нервного напряжения.

Спускаемся вниз по долинке. Она действительно напоминает нашу. И даже местами виден старый лыжный след.

Что это? Палатка? Наша! Цела!!

Все на месте — так, как оставили четыре дня назад! Только появилась записка: «Ждали сутки, искали. Уходим поднимать тревогу. Группа из Омска». Неужели нас ищут? А где хлеб, колбаса?! Без шума, спокойнее! Греем чай, девчата готовят бутерброды. Жуем черствый, морознотвердый хлеб, каждый получает по кружку колбасы. Какое наслаждение!

Один из ребят уходит к лыжам — их надо забрать до темноты. Лыжи недалеко отсюда, и где — мы сейчас знаем.

Жарко натоплена печка. Хорошо!

...Понедельник, 19 марта.

Спали, как короли, в теплом-претеплом шатре. Поднялись в одиннадцатом часу. Из сэкономленных продуктов дежурные приготовили роскошный завтрак. Не успели приняться за третье, как увидели спускающихся по ущелью лыжников в штормовках. Дятлов, свердловчане! Ура!!»

Примерно так был бы заполнен групповой дневник казанцев, будь он с ними в эти тяжелые четверо суток. Ну что ж, единоборство с природой казанцы выиграли. В данном случае шли опытные, сильные туристы — они знали, как укрыться от метели, как ночевать у костра без палатки и теплой одежды, как обойтись на местности без карты. Их не упрекнешь в незнании техники преодоления препятствий, в неумении решать в походе тактические задачи. И тем не менее группа была на грани аварии. Случись в течение этих дней хотя бы однажды мороз градусов в 30—40, которые так часты в этих краях, и серьезные обморожения и травмы стали бы неизбежными. И напрасно казанцы прикидывались непонимающими, отчего этот шум и большие поиски, стоившие, кстати, немалых расходов государству. Напрасно заверяли, что они выдержали бы и не такие трудности и что они сами «нашлись» — все это сложная бравада и позерство, если говорить прямо. Если уфимцы по своей неопытности и неподготовленности не представляли, чем может закончиться их безрассудный штурм горных вершин в непогоду, то казанцы шли на это сознательно, следуя принципу «В ясную погоду всякий пройдет!»

Это самое настоящее пренебрежение к правилам горных путешествий, проявление недисциплинированности и лихачества. Другой оценки эта история не заслуживает. Разгильдяев нельзя изображать героями.

3

Передо мной лежит документ, написанный авторучкой на нескольких листках из школьной тетради в клеточку. Нетвердой рукой, которая плохо слушалась писавшего. Строки этого документа просты и бесхитростны. Вверху заголовок: «Объяснительная записка о смерти Виктора Поливцева». Написана она в комиссию по разбору несчастного случая с архангельским туристом-разрядником Поливцевым единственной свидетельницей его гибели Ниной Личутиной.

Вот этот документ:

«15 февраля наша группа прибыла в Кытлым. На другой день мы поднялись в 8 часов утра и, сходив в столовую, отправились на Конжаковский Камень.

Вышли в 10.40 утра и шли где по лыжне, а где по целине. В 16 часов встретили группу туристов города Перми. В начале пятого мы были у подножия Конжаковского Камня. В 17 часов поднялись на 200 метров над границей леса.

Перекусив немного, мы решили подняться еще несколько вверх. На вершину мы не хотели идти, потому что нужно было засветло спуститься по своей лыжне до дороги. Подниматься стали друг за другом на расстоянии 6—8 метров, используя лыжные палки. Вначале снег был глубокий, и мы шли легко, чем выше — тем наст тверже. Здесь поднимались боком, пробивая ступеньки.

Достигнув высоты 1200 метров, решили спускаться вниз. Ребята поднялись еще немного и стали фотографироваться. У меня были мокрые ноги, и подниматься я не стала.

Начальник группы оставил со мной Виктора и разрешил начать спуск к лесу, где были оставлены лыжи и рюкзаки.

Я спускалась первой, Виктор за мной. С первого склона спустились благополучно. Второй был крутой, градусов 45, и наст очень плотный. Втыкая палки в снег, я сделала несколько шагов по старым ступенькам. Пройдя метра четыре, вдруг поскользнулась и покатилась вниз. Метров через 15 внизу на склоне были камни, поэтому было очень опасно, но меня каким-то чудом сбросило на снег и, задержавшись за кусты, я встала на ноги.

Виктор в это время был вверху. Когда я поднялась, он крикнул: «Не разбилась?» Я не пострадала, только немного отбила спину. Виктору я крикнула, чтобы он спускался осторожнее и отошла шага два в сторону. Тут я снова услышала его голос. Он крикнул: «Нина, берегись!» Видимо, он тоже сорвался, его уже несло по середине склона. За какую-то секунду его донесло до камней, и тут случилось это несчастье. Он хотел задержаться палками, но его с большой силой бросило сначала на один камень, потом он ударился головой о другой и скатился на снег.

Я сильно испугалась и начала звать ребят. Они были недалеко, метров за сорок, быстро прибежали и начали спускаться к нам. Виктор в это время зашевелился. У него

оказалась сильно разбитой голова, и сам он был в очень тяжелом состоянии.

Быстро сделали перевязку и стали спускаться вниз. Сначала Виктор даже вставал, пытался идти и говорил ребятам: «Холодно, скорее вниз!»

Спустившись, ребята быстро стали делать сани из лыж, а Володя побежал в Кытлым за лошадью. Через несколько часов мы привезли Виктора в больницу, но на второй день он умер, так и не прийдя в сознание».

Опытный человек сорвался и разбился на участке, где через минуту спустились все и ни с кем этого не произошло.

Что это — слепая случайность?

Нет. Прежде всего, группа допустила ряд технических ошибок. Так, в одиночку или вдвоем ни на гору, ни с горы не ходят. Группа в опасные моменты должна находиться вместе. Коллективное движение — один из основных законов советского туризма. Затем на крутом фирновом склоне следовало обеспечить страховку имевшейся веревкой, поскольку для спуска был выбран очень опасный участок. Кстати, можно было бы избрать и более пологий вариант подъема, хотя это потребовало бы несколько большего времени. «Не стремись пройти кратчайшим путем — иди самым верным», — говорит на этот счет золотое туристское правило, с которым архангельцы не посчитались.

Но главная причина аварии все-таки не в этом. Оказались нарушенными нормы правильной организации движения и жизни группы в походе. До 16 февраля за шесть ходовых дней туристы прошли по тайге и горам из-под Кизела до Конжаковского Камня 250 километров. Ни дневок, ни обязательного двухразового горячего питания, ни хорошего сна: ночевали подряд несколько раз в лесу, в палатке.

А на следующий день, не отоспавшись, не восстановив силы после изматывающих таежных переходов, пошли за 18 километров на штурм вершины и снова без хорошего питания.

Архангельские туристы переоценили свои возможности, пренебрегли общеизвестными правилами тактики туристских путешествий и заплатили за это самой дорогой ценой — ценой жизни своего товарища.

4

Вечером, незадолго до прихода электрички, когда дежурный стал раздавать билеты, один почему-то оказался лишним. Может, кто-нибудь не вернулся с маршрута? Стали перебирать всех участников по фамилиям.

— Нашей Светы, кажется, нет... — неуверенно заявили две девушки из свердловского УНИХИМА.

— А когда вы видели ее в последний раз? — спросил обеспокоенный руководитель Леонид Амдур.

— Не знаем...

Пришлось припомнить все события минувшего дня.

Двухдневный тренировочный поход двенадцати свердловчан перед отправкой на маршрут второй категории сложности по Северному Уралу проходил по одному из самых глухих уголков в окрестностях Свердловска: многочисленные горы, заболоченные лога и таежные дебри разделяют железные дороги Пермского и Тагильского направлений между станциями Хрустальная и Аять.

Поход начался накануне от станции Хрустальной. Заночевали в лесу, а к полудню подошли к горе Котел — окруженной хвойными лесами голой вершине, увенчанной деревянной вышкой. Погода выдалась солнечная, безветренная. Со склонов раздавались голоса: еще с вечера сюда подошла другая группа свердловчан, руководил ею инструктор Геннадий Суворков. Ребята катались с горы: спуски отличные, метров по двести-триста, снег свежий, глубокий, первый в эту зиму — только-только начался декабрь!

Когда группа Леонида, забравшись на вышку, рассматривала среднеуральские дали, руководитель вдруг увидел,

что туристы из отряда Суворкова собирались уходить. Они направлялись на станцию Таватуй, имели неплохую карту района, маршрут их был короче. Да и не очень хотелось тропить лыжню на Аять по рыхлому глубокому снегу. «Пойдем следом за ними», — тут же решил Леонид и крикнул своим ребятам:

— Скорее с вышки, мы уходим!

Не дождавшись, пока все спустятся, он ринулся за уходившими, чтобы не потерять их из виду: лыжни идут во все стороны, места глухие, потом ищи-свищи. Следом, чтобы не отстать, бросились остальные. Не зная, что вторая группа следует за ним, Суворков уходил очень быстро. Удовствоваться, что на Котле никого не осталось, амдуроццы в спешке забыли. Во время движения группа растянулась на несколько километров: первые старались не допустить разрыва, последние отставали.

— На горе она была точно, — подвели итог подруги, — но могла отстать или случайно уйти в сторону.

Подошел поезд. Обе группы отправились в город: может, Света подойдет к следующей электричке? Шестеро ребят во главе с Леонидом остались. Освещая фонариком лыжню, отправились в обратный путь. Часа два шли в сторону Котла, останавливались, кричали. Тихо, темно, пустынно. Только легкий ветер качает кроны высоких сосен.

Вернулись на станцию. Дежурная развела руками — не приходила. Троих послали в Свердловск, сообщить в турклуб, родственникам. Остальные решили переночевать на станции и с рассветом идти по своей лыжне до Котла. На душе было тревожно. Кто-то вспомнил, что днем на одной из просек видел свежие следы рыси...

Вечером в городе контрольно-спасательная служба согласовала план действий. Рано утром со станций Хрустальная и Таватуй в район Котла навстречу друг другу отправились две поисковые группы.

С вершины Котла Света решила спуститься первой: «чтобы не задерживать группу, пойду своим ходом — пусть догоняют». На крутом склоне с разгону упала. Спустившись, поняла, что это та самая лыжня, по которой они пришли

на Котел. Поднялась к вышке. К своему удивлению, никого не увидела. Быстрей спустилась по соседней лыжне — внизу как будто слышны голоса. С полчаса прошла в полную силу, задыхаясь от бега, — никого. И голоса пропали.

Лыжня вывела на лесосеку со следами тракторов. Прошла еще немного, и впереди опять показался Котел...

Пришлось начать снова. На этот раз с лыжни не сбилась. Шла по ней долго. В лесу мрак, завалы. Километров через шесть лыжня вывела на просеку. После Котла прошло часа три, уже стемнело. Лыжня на просеке вдруг почему-то исчезла, хотя ветра нет, не заметает. Света вспомнила про компас. Но что он даст без карты? Кажется, шли на Аятъ, это почти к северу, а просека ведет на восток.

В туристах третий год, а в таком переплете бывать не приходилось. Что делать?

Ходить можно долго — пока не обессилеешь и не свалишься. Да и запутаешься только совсем. Прислушалась — черная тишина, на небе звезды, тоскливо, холодно. И костра не разведешь — спичек нет. С утра не ела, но о голоде и не думалось — все равно все питание осталось у ребят.

Единственное, что есть в рюкзаке из группового снаряжения — спальный мешок. Его второпях дали утром, когда выходили. Тут же на просеке, под елкой, Света утрамбовала снег, расстелила мешок. Лыжи поставила рядом.

Прежде чем лечь в мешок, настороженно прислушалась — может, кричат? У поезда, наверное, хватились, будут искать. Нет, все тихо — мрачная, безмолвная тайга будто притаилась... Только бы медведь не набрел... Спряталась в мешок с головой, застегнулась. Усталость сразу взяла свое...

Проснулась в десятом часу утра. Спала долго и крепко. Вылезла из мешка, огляделась. Лыжня, действительно, еле заметна — видимо, где-то снова сбилась с основной, придется вернуться. Лыжня все равно куда-нибудь доведет. Да и тракторы днем будут работать, может, повезет...

Вдруг ее внимание привлекло какое-то движение в конце просеки, на пригорке. Идут ребята в штурмовках. Неужели свои? Вот здорово!

Обсуждение в городском клубе туристов было бурным. Как это так — в тренировочном походе потерять в горах человека, оставить его одного ночевать в лесу? Ведь все это — в пяти минутах от аварии! Оказалось, что руководителем был назначен другой инструктор, но о том, что он не пойдет, группа узнала только на вокзале. Из двенадцати участников группы в поход пошло лишь шестеро, и она была дополнена случайными людьми. Несмотря на это, новый руководитель не сократил маршрут, не предпринял дополнительных мер предосторожности. Наоборот, группа не соблюдала режим движения, общих привалов не было; первую ночевку планировали под Котлом, но не могли дойти, не хватило сил. Снаряжение перед выходом не проверили, поэтому печку вообще разжигать не пришлось: забыли в городе одно колено трубы. И замыкающих хорошо не проинструктировали...

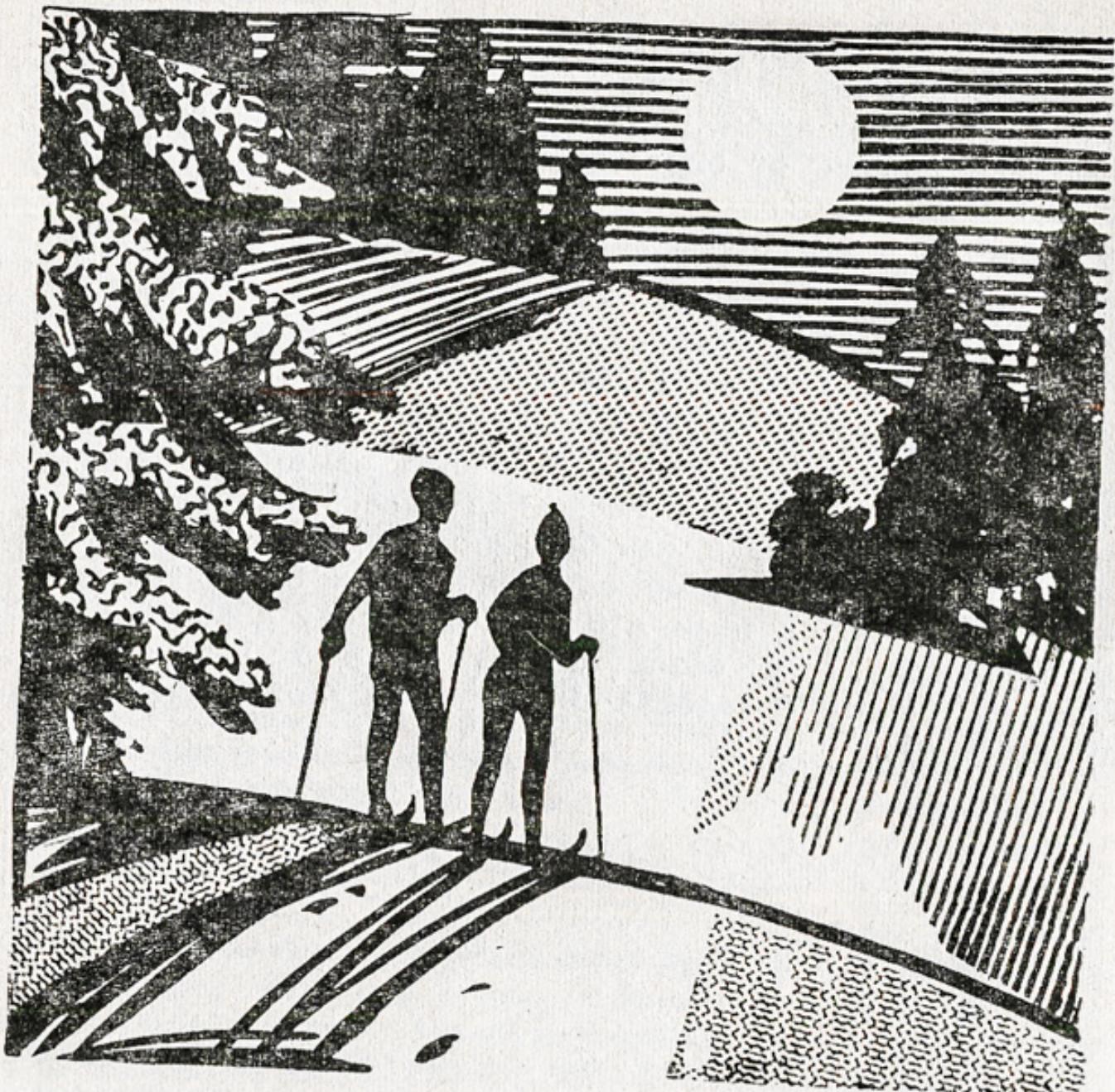
Итак, налицо явные нарушения походной дисциплины, отказ от подчинения элементарным, общеизвестным нормам безопасности, недооценка снаряжения и материального обеспечения, наконец, низкий уровень воспитательной работы в группе, в секции.

Жесткая дисциплина в туризме — родная сестра успеха, настоящей храбрости и подлинной отваги. К сожалению, некоторые люди этого не понимают. А пока не поняли, их нельзя посыпать в дальнюю дорогу. И тем более доверять им людей. Поэтому члены правления туристского клуба были единодушны: старый руководитель был лишен права руководства предстоящим походом на Север, а новый дисквалифицирован на один год.

Мы рассказали несколько действительных историй из зимних путешествий по Уралу. Их, правда, единицы по сравнению с огромным размахом туристского движения. Тысячи, десятки тысяч зимних туристских отрядов ежегодно обходятся без «ЧП», строго соблюдая правила, выработанные поколениями советских туристов. И тем не менее молчать об этих — пусть даже единичных случаях — нельзя. Опасности в зимнем туризме скрыты, замаскированы, их чувствуешь далеко не всегда. Горы же, особенно в непо-

году, шутить не любят. За безудержным героизмом некоторых людей почти всегда стоит глупость. А зимний Урал — он умных любит. Если группа внимательна, если ее участники далеки от опрометчивых шагов и постоянно готовы к противоборству, эти опасности вовремя можно заметить и оценить, а затем либо обойти, либо победить.

...Суровые северные ветры несут снизу, от хмурой, мятущейся тайги, пригоршни снежных иголок, наметают заструги, поют свои протяжные песни над маленьким бетонным обелиском на Конжаке, как бы напоминая всем, кто тропит лыжню по Уралу, об осторожности и бдительности. И отступают перед теми, кто идет навстречу дикой и нетронутой природе во всеоружии, из года в год накапливая опыт, настойчиво овладевая интересной и сложной наукой путешествий...

Д. Шляпников

НОВЫЙ ГОД В ЛЕСУ

Короток последний трудовой день года. Закрываются два цеха и лабораторий, и радостные, возбужденные ожиданием праздника люди веселым потоком заполняют улицы. А над городом сгущается темнота. На площади

разноцветными огнями переливается огромная елка, окруженная сказочным снежным городком.

Мы, пятнадцать туристов, собираемся у почтамта. Опять за плечами рюкзаки, и одеты мы далеко не празднично.

Где-то за горами и лесами стоит заброшенная лесная избушка. Мы нашли ее случайно, блуждая по горам и болотам западнее Щелкуна в поисках безвестного Соколиного Камня. Много в тех местах гранитных скал, и мы так и не поняли, которая из них — наша. Жители химлесхоза указали тропу к Соколиному Камню, что высится на острове среди болот. Полкилометра брали мы по колено в трясине. Вместо скал нашли груду глыб гранита, под ними — родник. Тут пообедали, а потом героически брали по болоту обратно. После этого Валерий заявил: «Ну, прости, если это туризм, то я больше не турист! Идти столько по воде, чтобы пообедать!». В тех местах мы и наткнулись на уютную избушку: большая печь в центре, есть даже несколько ржавых кроватей и в окнах кое-где стекла. Самый неутомимый лыжник и скалолаз Коля сразу заявил: «Вот сюда надо прийти в Новый год!»

У почтамта нас ждет грузотакси. Все уже в сборе, но где же Рита? Вот и она.

— Все! Поехали! — кричу шоферу.

Залезаю в кузов. Там уже тесно, более того — сесть некуда. Проваливаюсь куда-то в темноту, и мне суют в руки мандолину.

Незаметно промелькнули семьдесят километров, и вот мы высаживаемся посреди села Щелкун. А дальше узкая тракторная дорога, лесная темнота. Где-то здесь поворот, да разве найдешь его зимой?

— Попробуем по этой дорожке...

Прокладываем лыжню. Лезем куда-то в гору. Стоп! Здесь старый карьер, дальше дороги нет. Среди леса темнеют обрывы, а вокруг сомкнулись заснеженные заросли.

Неясный след ведет вниз, в темноту. Кто-то уже съехал туда, и я, немного выждав, трогаюсь с места. Быстро нарастает скорость, один поворот, другой... И вдруг впереди что-то темное. Делаю рывок в сторону, но поздно — лечу в глубокий снег. Жалобно звенит в рюкзаке мандолина, голова зарылась в сугроб. Лыжи целы? Да. Кажется...

А людей здесь, в куче, много — кто-то врезался в куст, а за ним остальные!

Находим новую дорожку. Опять лезем в гору. Юра что-то отстает, говорят — уже встречал Новый год дома. Приходится дать ему сопровождающих.

В прошлом году в это же время мы были совсем в других местах — в заброшенной деревушке Билимбайке, западнее станции Мурзинки. Километра три прокладывали лыжню вверх, к перевалу через хребет. И уже наверху обнаружили, что нет с нами Гали. Я шел замыкающим, никто, помоему, не отставал и все же... Чувствуя свою вину, я повернулся назад. Через десять минут подъехал к станции. На всякий случай зашел в зал ожидания — и там на скамье обнаружил спящую Галю. «Галя! Как же это?» — спросил я, и радуясь, и возмущаясь. «Да я еще в поселке свернула не в тот переулок, слышала ваши голоса, а вместо лыжни залезла в карьер. Решила вернуться — все равно ведь приедете искать...»

Потом был дикий спуск по кручам. Мы нашли избушку, и праздник начался... Калилась печка, обогревая застуженные углы. Появилось изображение развеселого черта, приглашающего на праздник.

...Таков был прошлый Новый год. А нынешний?

Скоро ли мы доберемся? Цела ли наша новая избушка? Вышла из-за туч луна. В лесу тьма, а на просеке все залито ярким светом, искрятся кристаллы инея на ветвях, переливаются бесчисленные звездочки на снегу.

Мягко скользят под гору лыжи. Мимо проносятся удивительные сверкающие полянки, пни, увенчанные громадными снежными головами.

Кончился спуск, впереди Абросовский кордон, а отсюда дорогу мы знаем.

Ветер на полянах режет лицо, шумит в оголенных вершинах лиственниц. Кое-кто отстал, но теперь это не опасно — свернуть некуда, дорога замыкающим известна.

И вот расступается лес. Из темноты мчимся вниз, в залившую лунным светом долину. Вот что-то белеет в кустах... Ближе. Так и есть, — избушка, окруженная сугробами.

С трудом открываем дверь; стучат топоры, кто-то полез на крышу прочищать трубу... Через четверть часа из трубы струится дымок, в окне мерцает свет.

Первая ночевка короткая — к избе пришли в полночь, долго ждали ужина, печь дымила. Но ведь новогодний вечер еще впереди, и спешить некуда! Спим всего несколько часов — кто на кроватях, кто на полу, подстелив сосновый лапник. Внизу холодно, а под потолком толстый слой дыма от печки.

И вот — утро, прекрасное, солнечное. Выскакиваем на поляну. Глазам больно от сверкающего снега. Хочется полностью надышаться этой бодрящей морозной свежестью. Сбрасываю куртку и рубаху, чтобы умыться по пояс снегом. Откуда-то выскакивает Рита, с ходу пытается толкнуть меня, но в обжигающую толщу сугроба летим оба. Не так уже там и холодно! Поднявшись, хватаю горстями снег и смело растираю дымяющееся тело. Становится жарко.

После завтрака едем кататься.

За избушкой — строевой сосновый лес, дальше поднимаются каменистые кряжи, заросшие кустарником. Хорошо бежать с горки на горку, со свистом в ушах мчаться в неизвестную долину, за которой голубыми волнами поднимаются горы! А лес стоит серебристый, заиндевелый, низкое зимнее солнце сияет над сверкающими полянами, и хочется петь и кричать от радости — да здравствует жизнь!

Горбятся вдали Лежачий Камень и гора Абросовка, на западе грядой тянутся скалистые сопки Соколиного.

Много тут мелких горок, поросших редким березняком, а вокруг них и даже на их плоских вершинах — лежки лосей: отсюда хороший обзор, никто не подойдет незаметно! В изломах гранитных скал блестят большие пластины слюды, белеют жилы кварца.

Говорят, в старину здесь находили и топазы...

Уже полдень. На высокой скорости Юра цепляется штанами за пенек. Пенек устоял, но вот штаны... Приходится везти Юре иголку с ниткой, так как он не может показаться даже из-за кустов.

Отыскать елку в этих местах нелегко. Безуспешно лазаем по болотам. А когда устаем месить снежную целину, выходим на дорогу.

— Обязательно нужна елка?

— Были бы зелень да иголки...

— Так возьмем сосну!

Срезаем хорошую сосенку из густой рощицы на склоне и везем к избе.

В избушке все преобразилось: под потолком на нитках повисли гирлянды ватного «снега», на стенах и окнах — букеты из метелок болотного камыша, шуточные картинки и юмористические фотогазеты «на злобу дня» — о последних походах.

Валерий возлежит на кровати и составляет программу конкурса. Коля, наш мастер «топорных дел», сооружает столы из снятых с петель дверей полуразрушенного амбара. Надо бы еще сделать крестовину для елки, но «теормеханику» Валерию всегда приходят в голову оригинальные идеи:

— Крестовины не надо. И ведро занимать не стоит. Мы ее подвесим.

И вскоре «елку» очень удобно подвешивают на тонкой проволоке к гвоздю, вбитому в потолок. Она обильно украшена золотым дождем и игрушками, и уже почти незаметно, что это сосна.

Юра, наш главный электрик, сегодня на высоте — монтирует проводку от батарей к лампочкам на елке.

После обеда идет подготовка к пиру, но некоторые снова ускользают на лыжах в лес. За окном незаметно темнеет. Мы с Машей тоже надеваем лыжи и поднимаемся по вчерашней дороге в гору. Сразу нас обступает темный лес. Останавливаемся на вершине. В небе царит луна, долина вся сияет под ее лучами, а здесь, возле сосен, только ярко светится узкий проруб просеки.

— Поехали?

Маша трогается с места и, быстро уменьшаясь, катится вниз. Вот ее уже не видно. Отталкиваясь палками посильнее, приседаю на ухабах, чтобы развить большую скорость. У опушки догоняю, перескакиваю на соседнюю лыжню и рядом вылетаем на ярко освещенную поляну. Спуск кончился, но мы все еще отталкиваемся палками, хочется ехать и ехать дальше. Маша блестит глазами:

— Смотри, какая луна!

— Эх, в такую ночь даже в избу не хочется идти, — говорю и вспоминаю наш первый новогодний праздник в лесу, даже не в избушке, а прямо в снегу под елкой.

Нас было всего шестеро. Задумали и собрались быстро. От станции Исеть на запад перевалили через гору Толстиху и спустились в лесистые низины. Тут и выбрали удобную полянку. Часа два таскали бревна из леса, а потом запалили громадный костер. Прямо над нами стояла великолепная елка, и украшать ее было незачем — такой снежный убор не подделаешь никакими украшениями. В ведре варился большущий кусок мяса, полуночный пир удался на славу. Много песен перепели у костра, хотя тогда, десять лет назад, их знали меньше, чем теперь. Спали на душистом лапнике, протянув ноги к огню. Жарко пылали дрова — толстые сухие стволы, а темный лес шумел приглушенno, и сверху неслышно падали крупные снежинки...

А теперь посреди глухой лесистой долины уютно дымит избушка, сверху луна льет серебряный свет.

Ставим лыжи в кучу у стены и вместе с облаком пара вваливаемся в избу. Накрывают на стол. Тут же заседает жюри конкурса, выслушивая песни, оценивая танцы. Вот на полу начал извергаться, совсем как настоящий, «химический» вулкан, летит из кратера раскаленный пепел, ползет поток лавы...

Близится полночь.

Зажигаются огни на елке, она слегка покачивается в углу, подвешенная на проволоке; хлопают пробки и хлопушки, и среди праздничного шума — тосты за личное, за будущие походы...

— С Новым Годом!

— За Курилы!

— За Путораны!

Все высекают из-за стола. Мандолина бойко выводит «краковяк», и лихие плясуны пляшут так, что ходуном ходят половицы.

Уже погасили свечи и батареи иссякли, лампочки на елке тлеют разноцветными точками, а пляска разгорается все жарче, и не известно, кто раньше устанет, — танцующие или музыкант, но уступать никто не хочет.

Я высекаю наружу.

— Валяем его! — раздается клич.

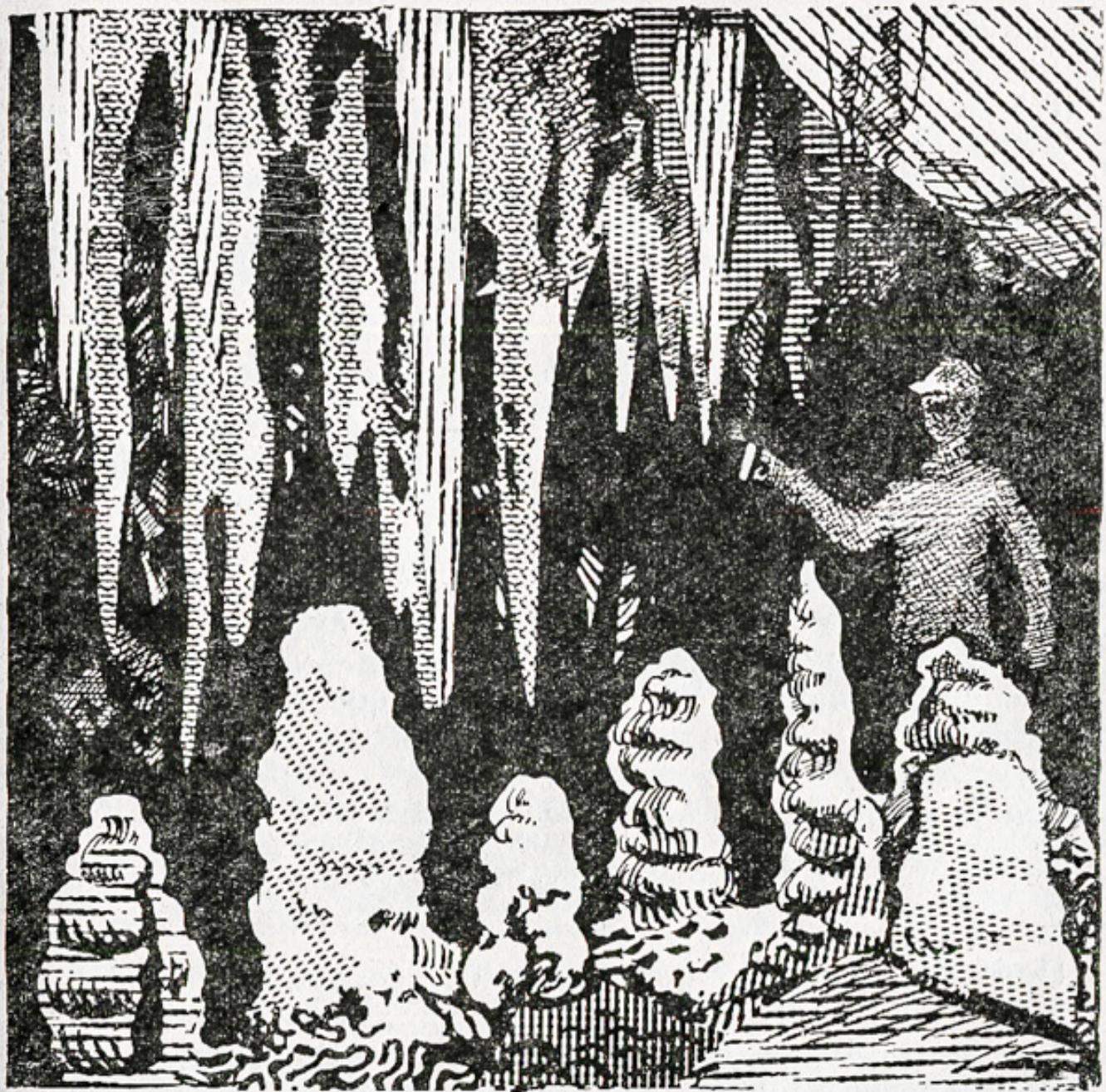
Надо держаться! К счастью, в рядах противника нет единства, и скоро все лежат в снегу, а я, довольный, сижу

сверху. Но и меня толкают сзади, и я втыкаюсь головой в снег, холод ползет за ворот. Понемногу веселье стихает. Все устраиваются на ночлег. В избушке тепло. Можно и выспаться после бурного дня и вечера.

Утром, покончив с остатками пиршества, выходим обратно. Идем по новому пути — через горы на деревню Космаково. Плетемся довольно медленно. Но после перевала начинается длинный спуск, а кого не подбодрит хорошая скорость!

С гиканьем несемся вниз, падаем, взрывая облака снега и снова катимся вперед, к дому. Незаметно подходим к Космаковой, по дороге выбираемся на тракт.

Автобусы переполнены, и приходится идти еще 18 километров до Сысерти. Это не портит нашего новогоднего похода. В памяти надолго остаются лунные ночи в лесу и затерявшаяся в снегах уютная избушка.

Л. Емельянов, В. Щепетов

К УРАЛЬСКИМ ПЕЩЕРАМ

О нас, спелеологах

Зима! Когда в субботу ранним утром спешишь на работу непроспавшийся и недовольный, озябший даже в теплом зимнем пальто, нелепой кажется мысль о том, что вечером нужно куда-то отправляться с лыжами, трястись в поезде,

высаживаться на полустанках, где всегда громко лают собаки, где мрачно, неуютно и холодно.

Но постепенно забываются утренние страхи, все чаще и чаще поглядываешь на часы — скоро ли? Все чаще смотришь в окно, где еле различимые, далеко-далеко на горизонте, синеют шиханы. И постепенно память воскрешает давние экспедиции, верных друзей, непередаваемую красоту чудесных подземных дворцов — пещер.

Сломя голову несешься домой, запихиваешь в рюкзак различные атрибуты походной экипировки: фонари, шлемы, комбинезоны, термометры, различной толщины и еще более различной длины перепутанные веревки (как они распутываются, это тайна даже для спелеологов!). Наспех проглатываешь бутерброд, запивая его кружкой крепкого чая, хватаешь лыжи и — в путь.

На вокзале, у памятника, как всегда в субботу, оживление. Спелеологи на своем обычном месте — напротив троллейбусной остановки. Уже жалобно бренчит гитара Богдана Полякова:

Подари мне на прощанье билет
На поезд, идущий куда-нибудь.
А мне все равно — куда и зачем,
Только бы отправиться в путь.

Подходит альпинистка, младший инструктор спелеологии Рита Лаврентьева (это звание она получила на состоявшемся летом 1962 года в Крыму первом Всесоюзном слете спелеологов). Еще издали Рита требовательно протягивает руку. Рита — завхоз и сразу принимается за дело: отсылает несколько человек (преимущественно девушек) в магазин закупать продукты, выделяет деньги на билеты. Почти все деньги уходят на билеты. Продуктов закупается мало. Среди них преобладают хлеб, сахар, огромное количество чая и махорки.

На предотъездную суматоху и возню у рюкзаков ласково взирает Юра Лобанов — руководитель группы. По специальности он химик, закончил университет и вот уже несколько лет работает в научно-исследовательском институте. Спелеология — второе Юрино призвание, кроме того, у него, без сомнения, организаторский талант. Юра всей душой любит спелеологию, всех этих беспокойных ребят и

девчат — своих надежных соратников, с которыми ходит в пещеры непрерывно уже три года.

«Собачья жизнь!» — бурчит Юра, взваливая на плечи тяжелый и огромный рюкзак, из которого торчат куски веревок и термометры.

Юра имеет в виду спелеологическую работу, которая зачастую бывает нудной, тяжкой и хлопотной. Но в его устах, это, конечно, только шутка.

Раздается чей-то вопль:

— Начальник, мы опаздываем! Время!

Все бросаются на перрон, и вот уже в тесном, битком набитом, насквозь прокуренном тамбуре под дробный перестук колес кто-то негромко запевает:

Спелеолог, смелее иди!

Видишь — горы, хребты, перевалы...

Зима, конечно, — не лето. Но как ни парадоксально — в пещере, той самой пещере, которую скептики «антиспелеологии» и просто люди, не знакомые со спелеологией, любят называть «мрачной, грязной, холодной», зимой тепло, тепло настолько, что можно даже греться. Это не относится к так называемым ледяным пещерам, в которых почти в течение всего года сохраняются ледяные образования.

Но ледяные пещеры встречаются не часто. И обычно зимой работаешь под землей с удовольствием, неохотно ожидая момента, когда придется вылезать наружу, на мороз, где твой промокший комбинезон сразу превращается в ледяной панцирь.

Еще одна особенность зимней спелеологии — редкое «применение» лыж. Довольно часто посещаемые пещеры Сказ, Глиняная, Холодная, Смолинская, Аракаевская расположены настолько близко от железных или проселочных дорог, что совершенно незачем брать с собой лыжи.

Иключение представляет, пожалуй, только пещера Дружба. Но среди спелеологов есть фанатики, которые и зимой в Дружбу ходят пешком, без лыж — четыреста пять километров по целине или бездорожью.

Под землей

В холодный декабрьский вечер мы выходим из поезда на станции Бажуково. Мы — это спелеологи городской секции Свердловского клуба туристов. На наших черных штормовках нашивки с изображением эмблемы всех пещеролазов — летучей мыши.

Поезд ушел. После душной атмосферы вагона с удовольствием разминаемся, вдыхаем свежий воздух. Надеваем лыжи, рюкзаки.

Скрипит снег. Тихо шелестят деревья. Изредка вспыхивает фонарь, освещая лыжню, а потом все вокруг снова поглощает тьма. Впереди короткий вскрик и взрыв хохота: кто-то свалился в сугроб на спуске.

Через несколько километров лес и скалы расступаются, давая дорогу реке.

На том берегу — избы бывшего лесоучастка. И вскоре Володя Миронов колдует над печкой. Известный со времен летней экспедиции своим неумением разжигать костры даже при наличии сухих дров, сейчас он, как ни странно, очень быстро растапливает печь. Рабочий завода «Вторчермет», боксер-второразрядник, молчаливый и скромный Володя серьезно и сосредоточенно относится к спелеологии. Его в группе уважают, но иногда беззлобно подтрунивают над ним.

Пока варятся пельмени, все принимаются за устройство ночлега. Кто-то в углу настраивает гитару. После ужина — сон, а на следующий день — ранний подъем. Идем в Дружбу снимать план. План у нас есть, но не точный. Надо снимать его заново.

Еще не совсем рассвело. Лес стоит молчаливый, притихший, торжественный. Кругом нетронутый снег, только за нами стелется четкая лыжня. Солнце еще не поднялось над Бардымским хребтом, освещение и краски мягкие. Как всегда при морозе — тишина. Она нарушается только скрипом наших лыж.

Разбиваемся на группы: две группы на съемку плана, одна на геологическое описание, одна на замер температур. Богдан Поляков и Вася Потапьев с фотоаппаратом и вспышкой ползают по всей пещере, перенося на пленку наши фи-

зиономии среди нагромождения камней и множества ходов и гротов.

Часов в пять раздается свисток: «Работу кончать, все на выход!»

После восьми часов напряженного труда выбираемся на поверхность. Ослепительно светит солнце, открывшаяся картина поражает богатством красок: ярко-белый снег, глубокая синева неба, зелень молодых сосенок и елей... Смотрю на термометр: минус двадцать, а в пещере — плюс пять градусов!

Часа через два снова надеваем рюкзаки и лыжи — идем в Аракаевскую пещеру встречать Новый год: ведь на исходе тридцать первое декабря!

Год назад в Аракаевской побывала первая экспедиция спелеологов свердловской секции и нашла в ней продолжение пещеры, до того времени не известной. Последний грот назван именем шефа свердловских спелеологов Раисы Борисовны Рубель. Туда мы и направляемся. Идем вниз по реке. Наши фотографы Богдан и Вася ушли раньше и должны нас встретить у пещеры. Проходим мимо величественных скал, изрезанных уральскими ветрами. Луч фонаря изредка выхватывает из тьмы то спину идущего впереди Геннадия Белоглазова, то след зайца, описывающего невероятные фигуры заячьего «пилотажа», то куст на берегу. Вдруг раздается короткий треск и хлюпанье — это Геннадий провалился под лед. Дружными усилиями вытаскиваем Геннадия из воды, быстро идем дальше. На берегу видим свет. У входа в пещеру горит костер. Геннадий быстро переодевается, сушит мокрые ботинки, брюки.

— Без десяти двенадцать! — потрясают своды пещеры мощный крик. — Что вы копаетесь? Скорей!

Проходят минуты, пока мы проползаем через узкую щель, старательно работая руками и ногами. Раздается «выстрел», и пенистое шампанское разливается по кружкам.

Богдан берет гитару. Поем самодельный, немудреный, но дорогой нам «Марш спелеологов Свердловска»:

Рюкзак тяжел, а путь далек-далек,
И нет ему ни края, ни конца,
А спелеолог все идет вперед,
Не знает он ни отдыха, ни сна...

Много песен поем мы. А вокруг нас — великолепие! Целый лес сталагмитов и кристаллов, тончайших ледяных нитей. Стены и потолок покрыты густым слоем кристаллической бахромы. Пейзаж дополняет небольшое озерко, все застывшее. Из него, как грибы после дождя, торчат сталагмиты.

Вход в пещеру расположен высоко в скале, в пятнадцати-двадцати метрах над уровнем Серги, и вся долина реки на этом участке днем видна, как на ладони. Река здесь делает поворот. Противоположный берег низкий, только вдали начинается гора. А там, за ней, за лесом, железная дорога, станция Аракаево.

Тишина и безмолвие. Только изредка трещат поленья в костре. Вокруг нет ничьих следов. Ярко блестит снег, дополняя праздничное настроение. Никогда в городе не увидеть такого чистого, ослепительного снега!

Ночной поиск

Когда мы поднимали кружки с шампанским, никому из нас не приходила в голову мысль, что в четырех километрах от пещеры, среди глухо шумевшего ночного леса, один из наших товарищ молча стоит среди черноты ночи, мучительно размышляя: «Где же дорога?»

Да, новогодняя ночь проходит у каждого по-своему.

Когда группа уезжала тридцатого декабря, Борис Бызов не смог поехать в этот день и собирался отправиться тридцать первого вечером. Вместе с ним должен был ехать и Юра Белоглазов, рабочий Уралмашзавода, работавший тридцатого во вторую смену. После встречи Нового года Борис вместе с Богданом и Эммой хотел побывать на Южном Урале. На всякий случай Борису лишний раз объяснили, как идти ночью по лесу к пещере. Борис слушал и согласно кивал: да, он все понял, не заблудится. Знай тогда товарищи Бориса — Валентин и Владимир, что Борису придется идти одному, они бы его не отпустили.

Утром второго января Валентин позвонил на работу Рите Лаврентьевой, расспрашивая, как прошла встреча Нового года. Под конец спросил:

— А Борис был с вами?

— Борис? Нет!

Валентин ошалело посмотрел на телефонную трубку:

— Как нет? Он должен быть с вами! Он выехал тридцать первого, с Юрай!

— Нет,— ответила Рита,— Бориса не было. А Юра приехал раньше, один.

Ждать и размышлять не приходилось. Вечером встретились руководитель секции Лобанов, Рита, Владимир и Валентин. Лобанов еще ничего не знал и был сражен Ритиным сообщением.

Юра Белоглазов, оказывается, выехал рано утром тридцать первого, Борис вечером пришел на вокзал, Юру не встретил и, конечно, уехал один. Он должен был пройти шесть километров до пещеры по незнакомой, еле различимой лесной дороге.

А вдруг что случилось? Вдруг Борис упал, подвернул ногу? Или на одном из крутых спусков налетел на дерево? Надо ехать.

Все согласно кивнули: да, это самое правильное...

И вот Лобанов, Лаврентьева и Пономарев в вагоне электрички. Непривычно пустой вагон. Пересадка на станции Дружинино и через два часа — Аракаево. Одиннадцать часов ночи, кругом темнота.

Все трое прошли по полотну железной дороги полтора километра. Здесь Борис должен был свернуть в лес и встать на лыжи. Принялись искать следы. Хотя прошло уже двое суток и все это время мела поземка, Владимир после недолгих поисков уверенно заявил:

— Вот она, Борина лыжня!

Родом с Алтая, проживший там немало, он хорошо знал тайгу, много бегал на лыжах и, глядя на следы, занесенные снегом, сразу определил, что здесь происходило. Юре и Рите ничего не оставалось, как только следовать за Владимиром.

Лыжня пересекла небольшой ручеек и стала подниматься в гору по дороге, которая и вела почти к самой пещере — мимо небольшой избушки в одном из логов.

Но вскоре дорога забрала влево. Через несколько сот метров впереди что-то зачернело. Это были остатки стога сена. Хозяин стога приезжал сюда за сеном. Такие санные

дороги очень часто сбивают с толку неопытных туристов, считающих, что каждая дорога должна обязательно вести к населенному пункту.

Нетрудно было догадаться, что Борис остановился здесь, в изумлении воззрившись на остатки сена. Поразмыслив, решил возвращаться своей лыжней. Выйдя на первоначальную дорогу, стал дальше подниматься в гору.

Рядом с лыжней шла другая, несколько более четкая. Владимир, присмотревшись, сказал, что это лыжня Богдана и Эммы, когда они шли утром первого января от пещеры на Михайловский завод. Но, конечно, в новогоднюю ночь этой лыжни еще не было, и по ней Борис не мог ориентироваться.

Начался пологий спуск. Он привел к небольшому, узкому ложку, который находился как раз на половине пути до избушки и поэтому среди спелеологов был известен под названием «Половинный ложок».

Здесь обнаружилось разветвление. Вправо круто забирала дорога на станцию Михайловский завод. Прямо тянулась дорога на Бардымский хребет. Влево, почти в обратном направлении,— на реку Сергу и в Аракаево. Дорога на избушку и к пещере, забирая круто влево, поднималась по склону лога и шла дальше по лесу, пересекая небольшую просеку. На этой дороге следов лыж уже не было — Боря здесь не шел. Пришлось вернуться к тому месту, где они еле-еле просматривались.

Владимир шарил лучом своего налобного фонаря по снегу, а Рита с Юрай смотрели на него: для них по-прежнему оставалось тайной, как это можно на ровной снежной поверхности видеть что-то!

Следы вели в разные стороны. Каждый след, описав небольшой круг, возвращался к первоначальному.

— Борис здесь сделал несколько радиальных вылазок, — сказал Владимир. — Он пытался найти правильную дорогу, но не нашел ее. Видите, здесь следы уже «неуверенные»: Борис торопился и был растерян.

— Пожалуй, правильно, — согласилась Рита. После объяснений Владимира все как бы само собой становилось понятным.

— Если бы не поземка, я бы вам даже показал, где Борис нервно курил и бросил папиросу. Уж я-то его знаю!

13. Молодой березняк, усыпанный бликами света, и воздух тончайшей чистоты...

фото А. Потапова.

14. Ты научишься читать «белую книгу» зимнего леса...
фото И. Дятлова.

15. Есть что-то колдовское из сказки о Снегурочке и Берендеев в торжественном молчании богато убранного снегами леса.

16. Лыжня на просеке напоминает железную дорогу.

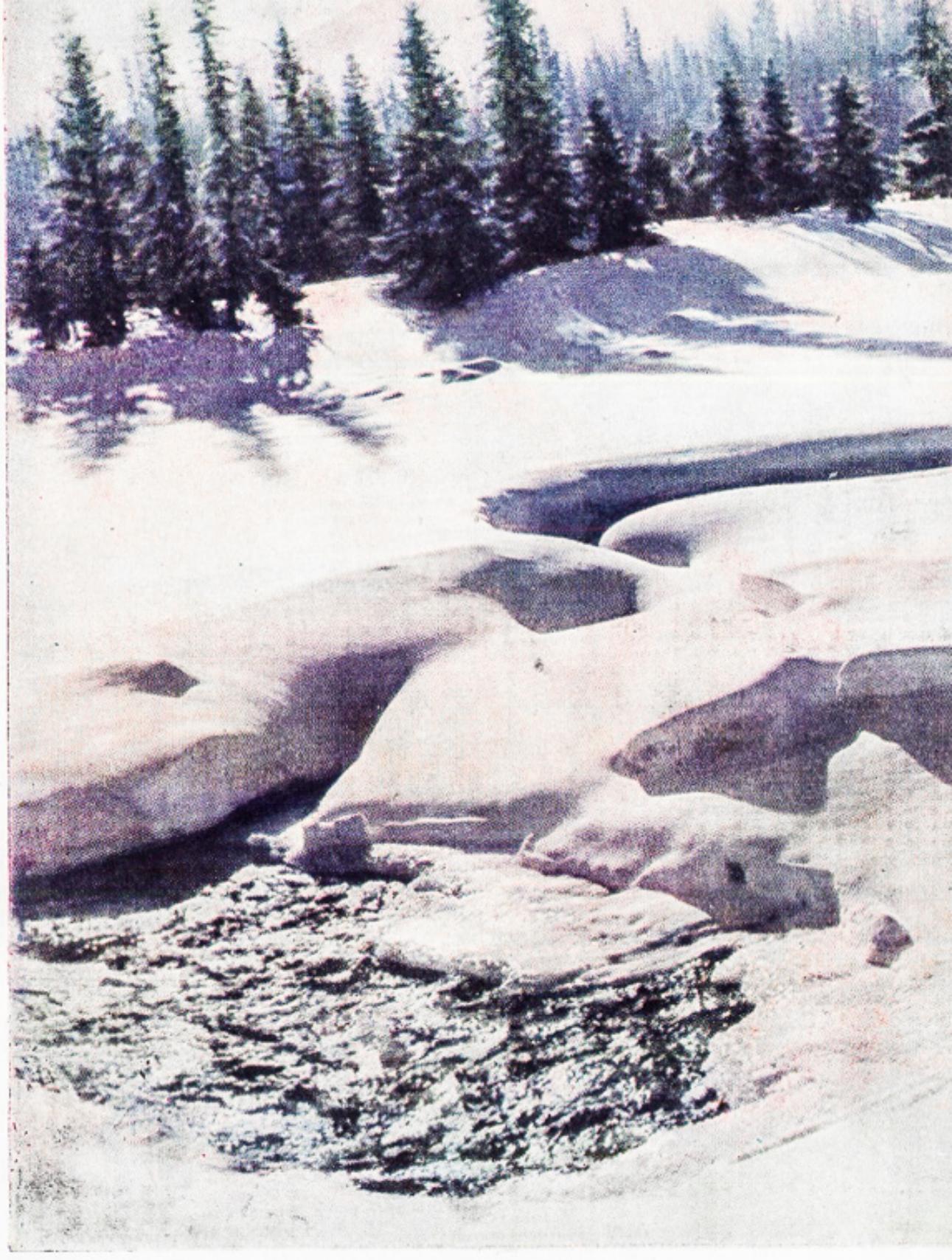
17.

18.

19.

20.

17. Вокруг — великолепие! Целый лес сталагмитов, тончайших ледяных нитей.

Фото И. Черныша.

18. Впереди не ели, а сказочные изваяния, отливающие на солнце голубизной.

19. Больше всего по душам начало зимы, когда лес одевается в новую снежную ли-

20. Едва заметной полоской среди тайги вьется река Кось-Ю. Она приведет нас к людям.

фото И. Дятлова.

21.

22.

23.

21. Смотрим вниз.
Где-то далеко, в сту-
деной дымке, гудит
тайга...

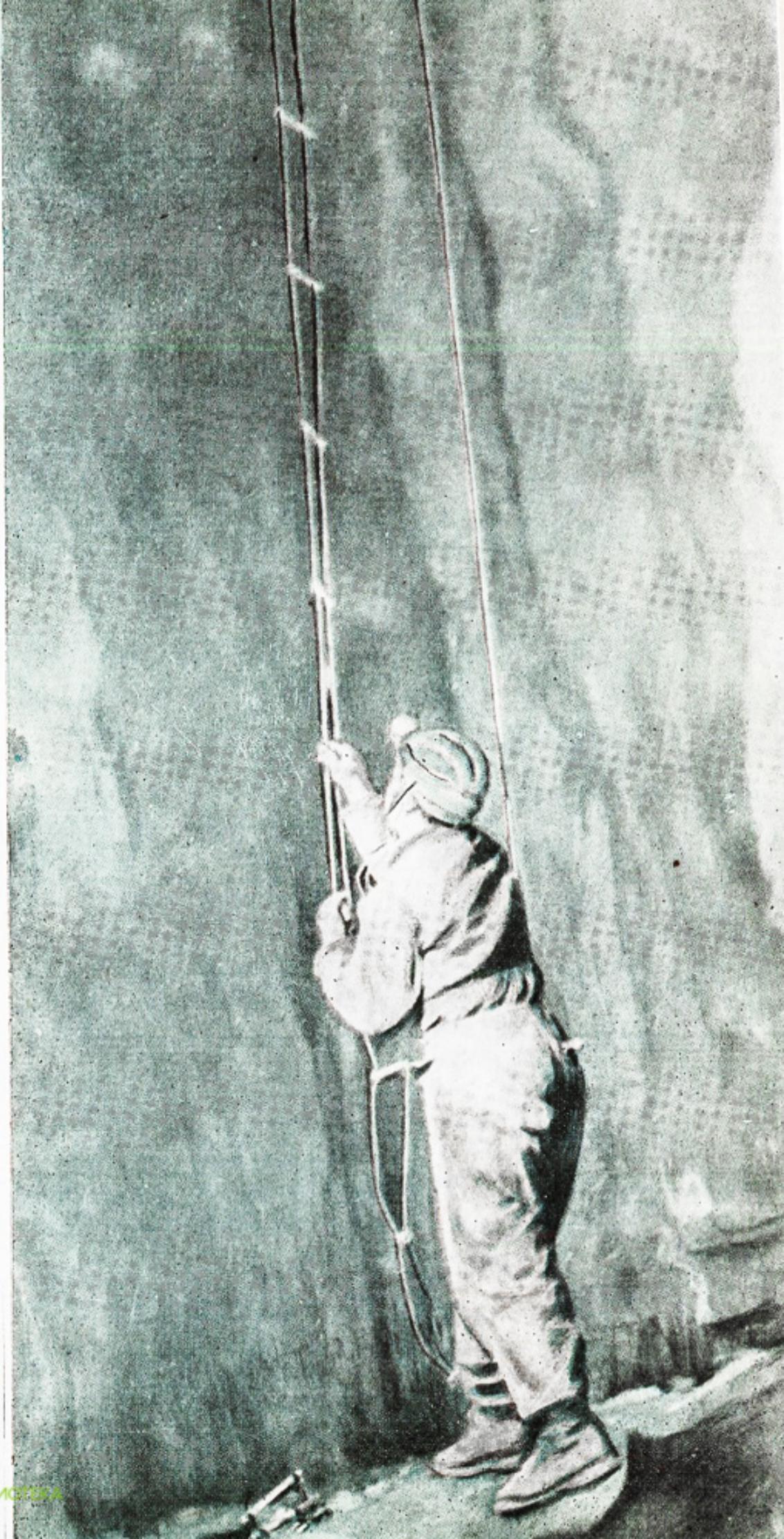
Фото А. Потапова.

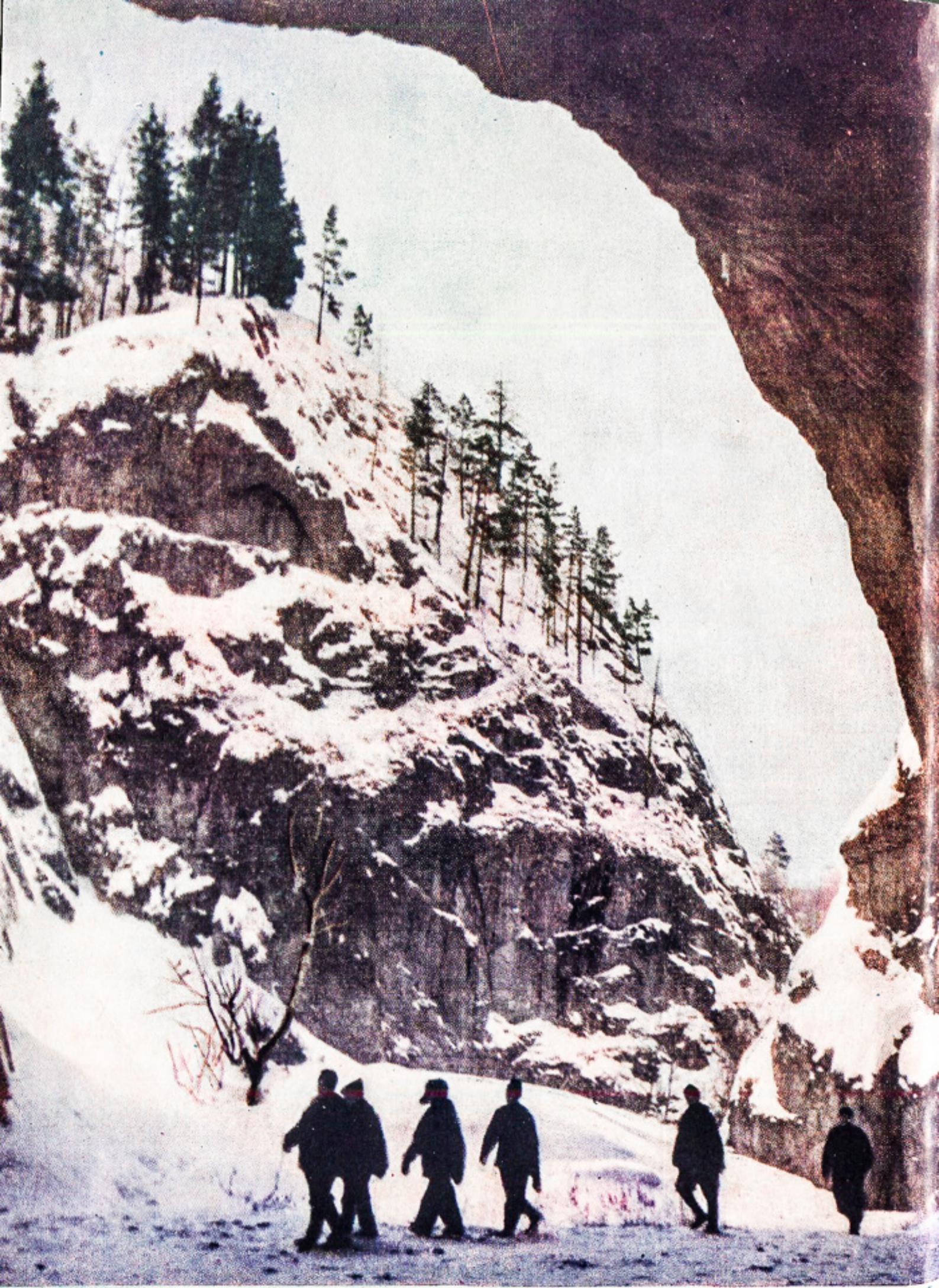
23. Зимой спелеоло-
ги обычно работают
с удовольствием, не-
охотно ожидая мо-
мента, когда придет-
ся вылезать наружу,
на мороз...

Фото И. Черныша.

22. День за днем ты
будешь месить глубо-
кий, скрипучий снег и
думать о далеком
ночлеге...

Фото И. Дятлова.

Самый тщательный осмотр места больше ничего не дал. Стало ясно, что Борис отправился назад своей же лыжней. Он потерял надежду выйти ночью к пещере и принял единственно правильное решение — вернуться на станцию, переночевать там и утром вместе с Эммой и Богданом уехать на Южный Урал.

Оставалось это проверить. Все трое отправились на Михайловский завод. На станции кассирша рассказала: в новогоднюю ночь какой-то турист купил билет до станции Симская. Он уехал утренним поездом. Часа через два пришли двое, парень и девушка, тоже купили билеты до Симской и уехали проходящим поездом во второй половине дня.

Приметы всех троих сходились. У спелеологов отлегло от сердца — они поняли, что все благополучно. Все звенья, все неясные факты увязались.

Ночной поезд увозил назад, в город, Лобанова, Риту, Владимира. В серой предрассветной дымке неясной громадой вставал Свердловск. Гудками заводов и фабрик он возвещал о начале нового трудового дня — дня очередных забот, новых впечатлений и творческого труда...

В этот день из Бианки пришла телеграмма: «Все в порядке. Эмма, Богдан, Борис».

Тайны Сказовской пещеры

Из всех пещер, расположенных близ Свердловска, Шемахинская водяная пещера (или Сказовская, по названию близлежащей станции) является наиболее интересной, таинственной и сложной.

Свердловские туристы не раз пытались проникнуть в глубь пещеры. В числе их были спортсмены-подводники Свердловского горного института, исследовавшие пещеру с помощью аквалангов и снявшие на план ее обводненную часть; группа туристов Свердловска под руководством энтузиаста спелеологии свердловского инженера Д. Шляпникова обследовала пещеру на резиновых лодках, а в одном из гротов даже заночевала.

Попасть в пещеру не так просто. Вся привходная ее часть в радиусе двухсот-трехсот метров залита водой и пред-

ставляет собой глубокие каналы — подземная Венеция в миниатюре! Проникнуть сюда можно только зимой. В остальное время года водный режим внутри пещеры сильно меняется, и из нее вытекает небольшая речка, очень бурная весной и осенью.

В один из декабряских дней у входа в Сказ запылал костер. Еле затащили в пещеру громоздкую и неудобную камеру и лодку.

Поражала изумительная прозрачность льда и воды. Лед еще не был поцарапан подошвами и хранил зеркальную чистоту и блеск. По такому льду страшно было даже шагать: не хотелось портить уникальное творение природы. Приходилось утешать себя тем, что в следующую зиму вода и природа вновь создадут здесь царство подземной красоты.

Через трех-четырехметровую кристаллическую толщу при свете фонаря ясно видны на дне мельчайшие камни. Иногда лед чуть прогибается и трещит — тогда спешишь покинуть опасное место.

Ледяное убранство дополняют высокие грациозные сталагмиты, иногда матовые, иногда совсем прозрачные. Возле них нельзя не остановиться.

Но вот лед становится тонким, значит, скоро начнется незамерзшее зеркало воды. Впереди свод понизился. Проникнуть дальше можно только ползком. За низким местом — вода. Накачаны лодка и камера, мы готовы плыть.

Нам не везет. Только начали спускать лодку на воду, как об острую кромку льда она порвалась, выпустив весь воздух и став совершенно непригодной, по крайней мере, в этот раз. Последняя надежда на камеру от автомобиля. Быть, может, удастся хоть ее благополучно спустить на воду? Нет. Наполненная воздухом камера не проходит под низко нависающим сводом.

Не солено хлебавши, разочарованные, возвращаемся домой.

Следующая поездка состоялась через месяц, в январе. На этот раз с нами представители нового, модного и не менее увлекательного спорта — подводного плавания. Стефан Фамелис и Зоя Яченева — члены городской секции подводного плавания. Они взяли сухие гидрокостюмы, теплые

шерстяные трико. В гидрокостюмы облачились Стефан, наш спелеолог Николай Лизунов. Они поплыли, толкая впереди себя камеру, на которой был укреплен телефон односторонней связи. За камерой змеились тонкий вспомогательный конец и телефонный провод, соединяющий пловцов с оставшимися на льду.

Исчезли далеко в глубине крошечные фонарики. Скоро не стало слышно и гулких ударов ласт, лишь веревка и провод скользили по воде.

Ребята плыли по основному ходу. Вбок ответвлялись многочисленные, залитые водой коридоры, менее широкие, чем основной. В них спелеологи не заплывали — ведь в конце концов их целью была только предварительная разведка. Иногда Николай брал телефонную трубку и бурчал что-то невразумительное. Тогда на другом конце провода Юра говорил притихшим болельщикам: «У них все в порядке, потихоньку плывут».

Коридор все тянулся. Иногда дно поднималось и приходилось идти по жидкой, вязкой глине, еле вытягивая из нее спадающие ласты, волочить камеру.

Наконец, основной коридор уперся в отвесную стену. Не известно, что здесь было — тупик или глубокий и длинный сифон, где свод на некотором протяжении опускается в воду. На осмотр боковых ответвлений не было времени. Кроме того, оба смельчака порвали гидрокостюмы, зацепившись за острые камни. Вода леденила тело.

Возвращаться было нелегко, очень мешали веревка и провод. Но метр за метром — вперед, к свету, к ребятам, выходу...

Никола бегом несется к костру. Медленно, не торопясь — замерзать, так замерзать! — идет Стефан. Негнущимися пальцами пытается расстегнуть комбинезон, превратившийся в твердые ледяные доспехи. Через минуту, облачившись в огромное количество разнообразнейших одежд, ребята напоминают толстых дородных женщин.

На воздухе — минус тридцать. Валентин почти насильно сует в зубы Николаю ложку с горячей кашей.

— Нет! Сперва — чаю! — кричит тот и берет обжигающую кружку.

В наступивших сумерках продолжаются разговоры. Они не прекращаются и на станции и в обратном пути. Еще одна

плодотворная поездка, еще одна небольшая победа над пещерой. Но это — только начало. Нужно еще не раз съездить сюда.

Проходит месяц, и мы в третий раз направляемся к Сказу. С нами женщина — гидрогеолог, которую интересует водный режим пещеры. Геологическое управление любезно предоставило нам грузовую автомашину для проезда из Свердловска и легкую танкетку — тягач для подхода непосредственно к пещере. Как и месяц назад, с нами едут спортсмены-подводники, на сей раз с аквалангами. Грузовая машина битком набита людьми и рюкзаками. Но теснота даже к лучшему — не так холодно. Без всяких происшествий, если не считать бурной пересадки на танкетку, добираемся до цели, приступаем к привычному и будничному делу — подготовке подземного путешествия. Все здесь как и прежде: вход, нависающая скала, каменистое ложе русла ручья. Картина дополняется необычной деталью — тягачом на фоне леса.

Эта поездка все-таки не из удачных. Осматривать боковые ходы подводникам трудно: взбаламученная ластами и ставшая от этого непрозрачной вода мешает предпринять какие-либо попытки исследования сифона.

Пещера продолжает хранить свои тайны, преградив к ним доступ почти неприступным, весьма обширным зеркалам воды. Что там, за залитыми водой ходами? Какие гроты? Большая ли пещера и далеко ли тянется? — все эти вопросы продолжают оставаться без ответа.

...Февраль тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. Штурмовая тройка готовится к прохождению. Проверяются фонари, батареи. По пояс в воде трое уходят вглубь, за поворотом скрываются «проводящие».

Кругом глина и изредка — вода. Но здесь значительно теплее. Примерно через полчаса ходьбы — каменная осыпь. Здесь, возможно, второй выход пещеры. Но фонари уже еле горят, надо идти назад. Да и ноги начинают коченеть.

Обратный путь кажется еще длиннее. Холодно. Приложишь руку к камню — пристывает, то и дело отрываешь

комбинезон от скалы. Впереди брезжит свет, наконец, бьет в глаза. От костра пышет жаром. Быстро переодеваемся и бросаемся в спальники, заботливо приготовленные оставшимися. Пьем горячий чай, от которого сразу становится тепло...

Через месяц у пещеры снова голоса. Народу много, как никогда раньше. Москвичи, ленинградцы, севастопольцы, красноярцы... Тяжелые, набитые спелеологическим снаряжением рюкзаки...

Проходивший на Коуровской туристской базе Всесоюзный семинар спелеологов главной задачей практической работы поставил исследование Сказа. И вот сюда приехала многочисленная и отлично оснащенная группа, в которую вошли квалифицированные специалисты со всего Союза. Разбившись на группы по три-четыре человека, спелеологи уходили в темноту. С помощью компаса и рулетки они должны были отразить на плане конфигурацию и направление ходов и гротов пещеры. Всю пещеру разделили на четыре участка — по количеству групп. Во все группы входили и представители свердловской секции.

Коридор, залитый водой на протяжении около двухсот метров, снимала группа спелеологов в гидрокостюмах под руководством севастопольца Б. Когана. Очень неудобно возиться с компасом и рулеткой по пояс в воде, но спелеологи работали четко.

В том же коридоре специальная группа осуществляла переправу на резиновых лодках. Несколько спелеологов тем временем детально исследовали боковые ходы, часто залитые водой, пытались найти новые гроты. Параллельно с составлением топографического плана делалась так называемая термометрия пещеры, то есть во многих местах замерялась температура воздуха и воды. Это тоже входило в задачу комплексного исследования пещер.

А на поверхности оставалась группа обеспечения, которая следила за костром и готовила горячую еду. При необходимости эта группа могла сыграть роль спасательной.

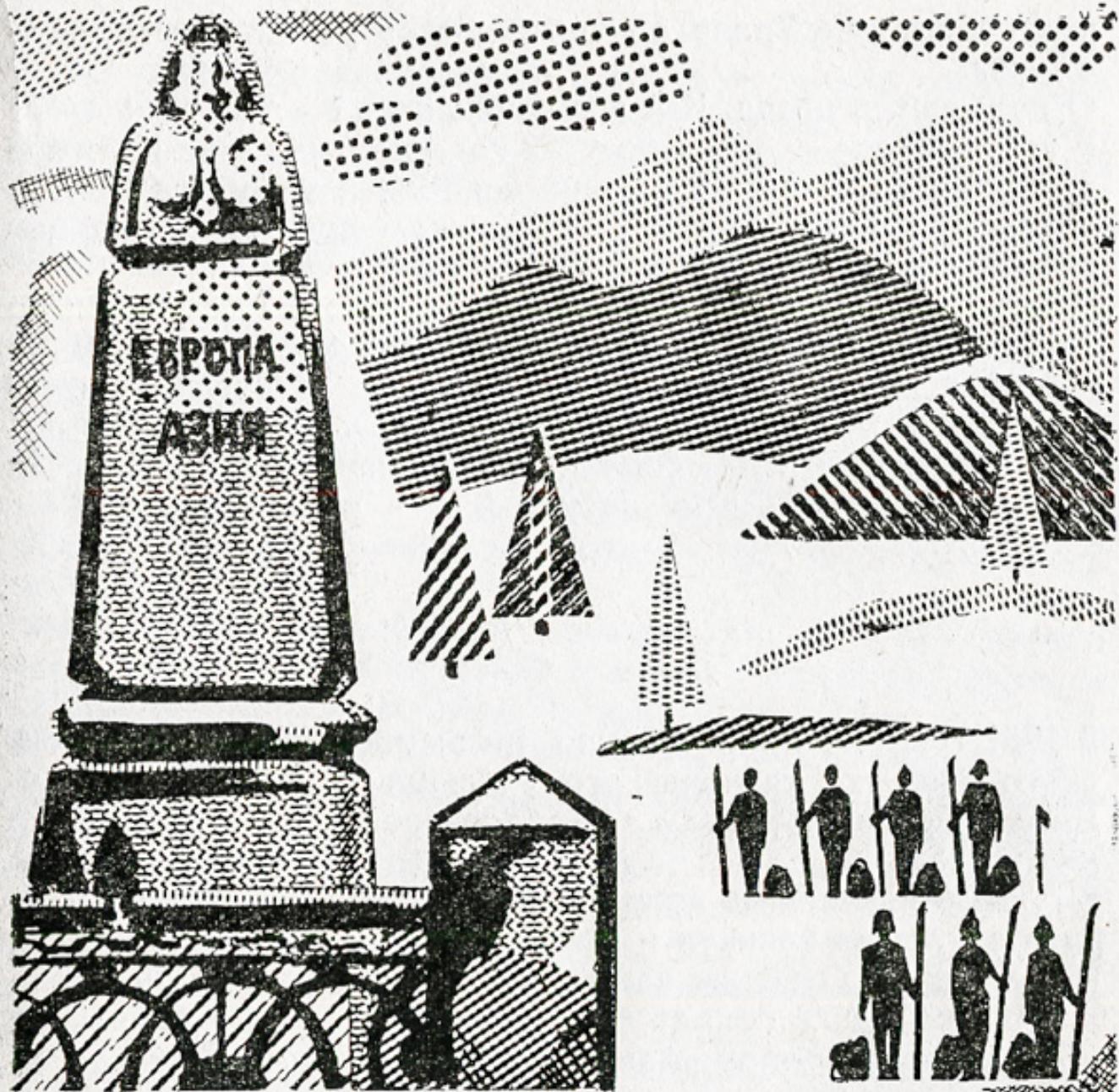
Всю большую работу проделали в очень короткий срок — за двадцать четыре часа.

Еще две поездки потребовались свердловчанам на Сказ — необходимо было снять на план некоторые боковые ответвления.

С волнением глядели спелеологи на причудливые линии плана. За этими линиями они видели год исследований Сказа, год нелегкого труда. Общая длина всех ходов составила тысячу четыреста пятнадцать метров, то есть пещера вошла в десятку крупнейших на территории нашей Родины. Она оказалась больше известной уральской пещеры Дивьей (одна тысяча триста метров) и теперь занимает на Урале по величине третье место, уступая лишь Кунгурской и Каповой...

Сказовская пещера открыла все свои тайны и отступила перед любознательностью спелеологов. Точно так же откроют свои тайны и остальные уральские пещеры — Кызыл-Яр, Хазинская и многие, многие другие. Залог тому — энтузиазм, напористость и любовь к делу активистов свердловской спелеосекции.

Приходите к нам — и вы собственными глазами увидите многие чудеса и красоты подземного мира!

P. Рубель, мастер спорта

НИТИ ДРУЖБЫ

Они лежат передо мной на черном фоне, разноцветные, различной формы и размера значки. Но на каждом неизменно белеет силуэт традиционного обелиска, с давних пор означающего условную границу Европы и Азии. Значки слета дружбы, который в 1966 году в пятнадцатый

раз соберет на Урале друзей-туристов различных городов страны...

Оглядываюсь назад. Как все начиналось?

В ясное февральское утро 1952 года не было еще ни гимна туристов, ни значков, каменный обелиск у города Первоуральска еще не называли «обелиском дружбы». Традиция рождалась именно в то морозное утро.

Перелистываю страницы старых записей, просматриваю альбомы фотоснимков, дружеские сувениры, и так ясно встают в памяти замечательные первые воскресенья февраля — дни веселых дружеских встреч, увлекательных рассказов и азартных соревнований на лыжных трассах в снежном уральском лесу.

В 1951 году на Урал пришло письмо. Студенты Московского Высшего технического училища (МВТУ) имени Баумана писали туристам Свердловского педагогического института.

В письме задавались вопросы о возможном зимнем маршруте во время каникул и выражалось желание встретиться с уральцами. Ответ не заставил себя ждать: мы пригласили москвичей после похода по висимской тайге на «свидание» у обелиска «Европа — Азия», на 42-м километре от Свердловска по Московскому тракту. Встреча была назначена ровно в 10 часов местного времени в первое воскресенье февраля. Одновременно об этом сообщили соседям — Челябинскому пединституту.

В день встречи белоснежная поляна у обелиска сверкала нетронутым снегом под лучами солнца. Темным лесом был обрамлен почти правильный прямоугольник, в центре которого высился обелиск. На юг открывалась великолепная панорама зимнего Урала, в утренней дымке высилась вершина горы Волчихи, дымились заводские трубы Первоуральска и Ревды. Совсем рядом мимо пробегала широкая лента Московского тракта.

Мы сложили рюкзаки к ближнему дереву и стали готовить место предстоящего **первого слета**. Появились флаги,

красное полотнище: «Привет дорогим гостям!», плакаты о туризме. Разожгли первый костер, и поляна сразу приняла обжитой и уютный вид. Во все стороны пролегли первые лыжни. Вот и все. Оставалось ждать. Придут или не придут? Кто придет? Ведь, кроме имен из писем, никто ничего друг о друге не знал.

Наконец раздался радостный крик дозорного: «Идут!». Со стороны Первоуральска показалась цепочка лыжников. С большими рюкзаками, в штормовках, они приближались к нам....

Обе команды выстроились друг против друга, и в морозном воздухе прозвучали веселые приветствия. Не успели разойтись и начать знакомиться, как снова пришлось строиться, теперь уже всем вместе: из леса показались челябинцы!

Так открылся первый слет дружбы. Он положил начало хорошей и ставшей прочной традиции: встречать февраль на Урале вместе с гостями из других городов.

На второй слет уже были приглашены новые города. Туристские общественные организации разослали всюду листовки. Незадолго до слета появились большие афиши, приглашавшие свердловчан принять участие во встрече туристов. Традиция начинала жить.

А третий слет был особенным: это был год 1954, когда вся наша страна отмечала 300-летие воссоединения Украины и России, и на Урал были приглашены друзья с Украины. На торжественном параде у столба «Европа — Азия» в одном строю стояли туристы Свердловска, Харькова, Киева и других городов, зачитывались телеграммы из Одессы, Москвы и Иванова.

До сих пор в Свердловском клубе туристов бережно хранят красный вымпел с золотистой бахромой, врученный в этот день свердловчанам Харьковским политехническим институтом имени В. И. Ленина. Я вспоминаю и развертываю хранящийся у меня оригинальный сувенир тех дней — полотенце, расшитое надписями участников слета. «Пусть наша дружба укрепит дружбу туристов солнечной Украины и сурового Урала, друзья мои!» — это слова Любы Гуляевой — участницы украинской команды. А Павел Неботов написал по-украински: «Щоб сила наша незламна була, хай буде дружба наша ще бильше мицна!». Это не осталось

просто словами. Павел Неботов, давно окончивший институт и работающий теперь в Туле, неизменно к каждому слету вспоминает и приветствует уральских друзей.

Интересно прошел в 1955 году **четвертый слет**. Кроме команд Урала, Сибири, Украины, сюда прибыла большая группа из Северной Осетии под руководством Бориса Бероева. А зима выдалась особенно суровая, ударили морозы. Нелегко пришлось южанам, но они успешно прошли свой маршрут по заснеженной тайге.

Ширился список участников слета на границе двух континентов. Побывали у памятного обелиска туристы из Воронежа, Новосибирска.

На **пятом слете** здесь собрались представители семи республик: латыши, эстонцы, украинцы, представители южных краев — Узбекистана и Молдавии.

Свирепые уральские морозы не испугали гостей. Группа туристов Узбекистана под руководством Геннадия Капустина в самые холодные дни уральской зимы прошла маршрут по висимской тайге. Познакомились с заснеженными уральскими лесами и кишиневские туристы, руководимые Т. Пилатом. Молдаванам, привыкшим к теплому солнцу, нелегко было пробираться по сугробам и целине, но и они бодро рапортовали об успешном проведенном походе.

Наступил 1957 год. Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве был посвящен **шестой слет**. Снова у обелиска звучали песни, пылали жаркие костры и проходили соревнования на быстроту, ловкость, точность.

Если на первом слете было всего 39 человек, то теперь собрались сотни участников и гостей. Еще задолго до традиционного дня в Свердловск приходили письма с вопросами о слете и просьбами о приглашении.

Афиши, листовки, положения о соревнованиях рассыпались заблаговременно, и в первое воскресенье февраля поляна у обелиска Европа — Азия расцвечивалась пестрыми костюмами туристов, флагами и вымпелами, ощетинивалась концами сотен лыж: строй застывал, приветствуя поднимающийся в морозное небо флаг слета.

Масштабы дружеских встреч стали настолько широки, что однажды решено было провести здесь Первый Всероссийский (**седьмой традиционный**) слет. В этот раз было особенно многолюдно. В числе участников оказались многие

города, впервые прибывшие на границу Европы и Азии туристы других республик страны. Программу слета рассчитали на несколько дней: парад, соревнования, экскурсии по городу и окрестностям, вечера дружбы, концерты и, конечно, песни, песни...

Заключительный вечер проходит во Дворце культуры Верх-Исетского завода (это тоже стало уже традицией!) Туристы ВИЗа оказались очень гостеприимными хозяевами. Все гости увезли с собой традиционные подарки уральцев — коллекции минералов, значки, вымпелы, фотоснимки.

На восьмом и девятом слетах побывали впервые туристы Казахстана, гости с востока — сибиряки. А к **десятому — юбилейному** — начали готовиться задолго, чтобы устроить большой праздник и для хозяев и для гостей.

Вышла специальная программа слета. Вот она лежит передо мной: «Программа Десятого традиционного слета дружбы туристов на границе Европы и Азии». Эпиграфом к ней служат строки из гимна уральских туристов. Тогда его еще знали немногие, теперь поют во всех концах страны.

Программа была разнообразной и интересной: походы по Уралу до встречи на слете, обмен опытом работы туристских коллективов, соревнования по сложной программе (закрытый и открытый маршрут), экскурсии, большой вечер туристской самодеятельности.

В течение четырех дней Свердловск принимал у себя гостей. Они приезжали поездами, автобусами, чаще приходили на лыжах прямо из походов.

К утру торжественного парада на 42-м километре Московского тракта редкая автомашин или автобус не останавливались: пассажиры смотрели праздник туристов. Стоял февральский крепкий мороз, но это никого не пугало, в азарте мороз не чувствовался — было не до него. Из установленных на деревьях репродукторов лились звуки музыки, шутливые призывы. Лес буквально расцветал всеми цветами радуги. На итоговом вечере грудь каждого участника украсил памятный значок — подвесной ромбик с изображением обелиска «Европа — Азия».

Память об юбилейном слете осталась в Свердловском клубе туристов в виде многочисленных сувениров, альбомов,

вымпелов, писем, телеграмм и большого фотомонтажа, рассказывающего обо всех предыдущих слетах.

Шли годы, проходили новые слеты. В 1965 году состоялся четырнадцатый слет. К нему была приурочена матчевая встреча туристов Российской Федерации.

Каждый год Свердловск принимает туристских гостей. Каждый год победители слета увозят с собой маленькую модель памятника «Европа — Азия» (такие призы уехали уже во многие города — в Ленинград, Новосибирск, Москву, Нижний Тагил, Пермь, есть они и в Прибалтике). И каждый год пишут нам письма. В них мы читаем, как поразили наших гостей своей красотой зимний Урал, его суровые скалы, высияющие черными вершинами над бело-снежной целиной, его красавицы ели и пихты, могучие горы и оживленные города.

В письмах — и благодарность за гостеприимство, и просьбы о новых маршрутах, о новых встречах.

Если бы на карте нашей страны прочертить пути этих писем, то к Свердловску из всех уголков протянулись бы тонкие, но прочные нити — нити дружбы, которой не страшны ни расстояния, ни годы.

Вот список городов-участников наших слетов: Ташкент, Кишинев, Орджоникидзе, Рига, Таллин, Вильнюс, Ленинград, Москва, Омск, Новосибирск, Томск, Иркутск, Казань, Киев, Харьков, Одесса, Иваново, Канска, Красноярск, Воронеж, Архангельск, Волгоград, Киров, Ростов и многие другие...

Ежегодные слеты — поистине массовые туристские праздники. Необычайное впечатление всегда производит заключительный момент, когда сотни людей в большом светлом зале Дворца металлургов поют одним общим хором слова туристского гимна (его написал свердловчанин Андрей Востряков, а текст положил на музыку турист Слава Карелин):

Не широки уральские реки,
Но былинная в скалах краса.
И поверь, не забудешь вовеки
Наши горы, озера, леса!

На крутые взойди перевалы,
Что одеты могучей тайгой,
Посмотри на отвесные скалы
У красавицы гор — Чусовой.

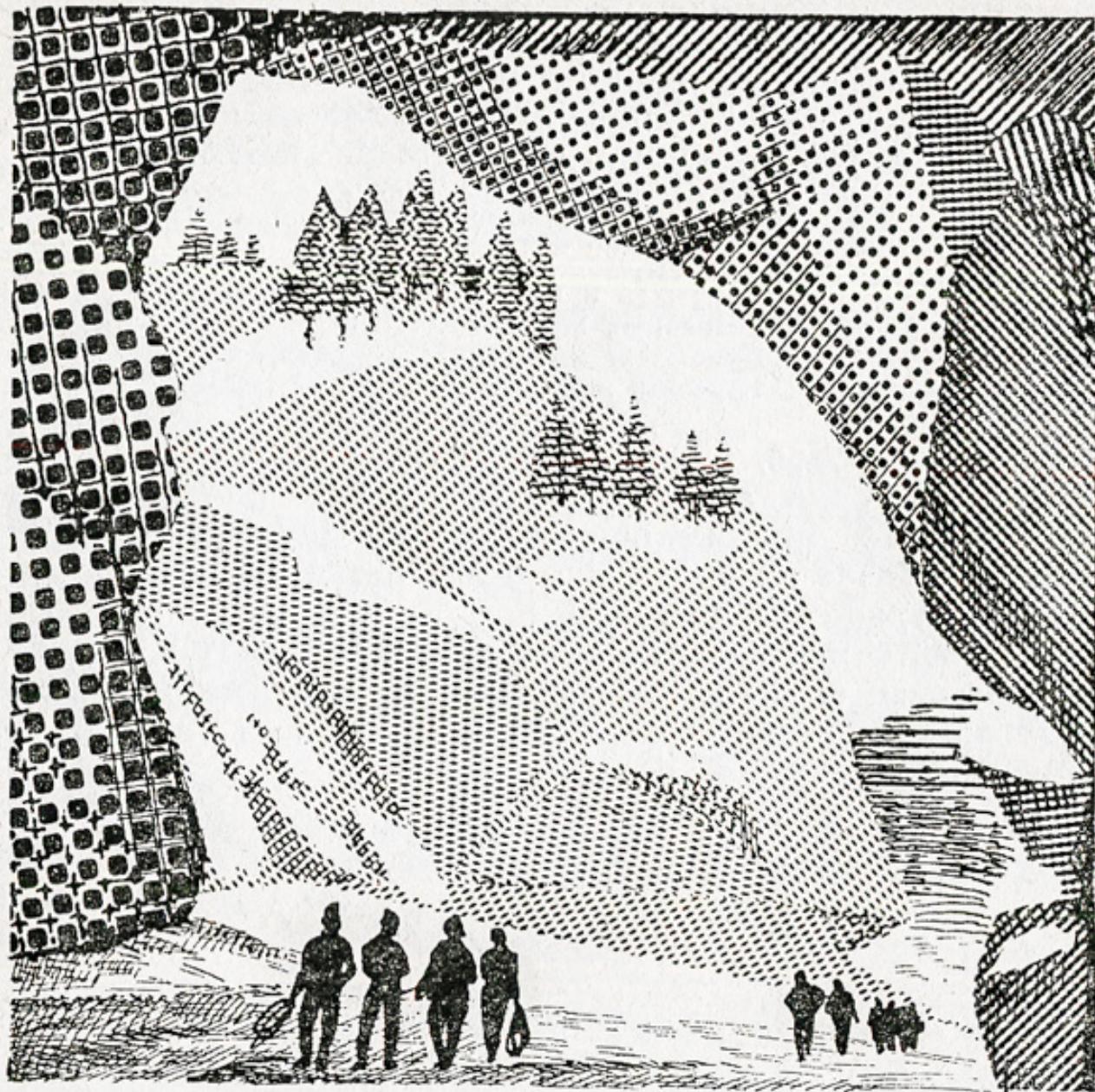
Если в сердце немало отваги
И ребята лихие с тобой,
Побывай на зубцах Манараги,
Полюбуйся уральской зимой.

Вспомнишь после, в ущельях Алтая
Иль в долине, где вьется Вилюй,
Прелесть нашего горного края,
Камень Денежкин и Таватуй.

Приезжай к нам, турист Подмосковья,
Кievлянин, казах, камчадал,
Приезжай, набирайся здоровья,
Изучай и исследуй Урал!

Когда вы, друзья, будете проходить или проезжать по вьющейся среди лесов и пригорков асфальтовой ленте Московского тракта — посмотрите на белый каменный обелиск, возле которого много лет назад зародилась хорошая туристская традиция.

Приезжайте или приходите на очередной слет в первое воскресенье февраля. Вы увидите тут и хозяев, и гостей, услышите их песни и сами станете членами большой и дружной туристской семьи.

П. Истомин, мастер спорта

В КАПОВУ ПЕЩЕРУ

Холодным февральским утром мы вышли к Инзерским зубцам. Поднявшись на каменистые, припорошенные снегом гребни скал, увидели величественную панораму Южного Урала с громадами хребтов, над которыми вонзились в лазурь неба сверкающие Яман-Тау, Машак, Нары.

Багряные лучи восходящего солнца упали в густую синеву долины и рассыпались на лесных полянах и опушках мириадами сверкающих хрусталиков.

— Красотища, братцы! — воскликнул Ким Тебойкин.
Все девять промолчали.

Я внимательно всматривался в лица, отыскивая в глазах искорки восхищения или любопытства. От того, как чувствуют ребята природу, оценивают ее, зависит многое. Или будут они настоящими друзьями леса, животных или, разочарованные первыми трудностями, откажутся от романтики путешествий.

Семеро — студенты, лыжники-разрядники. Они не раз бывали со мной в походах. Двое других пришли увлеченные мыслью побывать в Каповой пещере. Я и капитан Гера Егоров к ним особенно внимательны.

Володя Гранатов появился во время предпоходных тренировок. Одетый в модную ярко-синюю куртку, узкие голубые брюки, заправленные в желтые, с белыми полосами, ботинки, он привлекал любопытные взоры. На вопрос «Ваша профессия?» коротко бросил: — Тунеядец!

— Разыгрывает! — подмигнул мне Гера. Но выяснилось, что Володя, действительно, нигде не работал. Мы с ним распрошались без сожаления. К нашему изумлению, через несколько дней он вновь пришел на тренировку:

— Устраиваюсь на работу. Вот направление. Только после похода. Я так договорился. А не возьмете — один уйду. Посовещавшись, мы решили рискнуть...

Толя Шелгунов — клубный работник. Его лицо мне знакомо. Еще осенью Толя читал лекции для туристов-новичков. Удивительно легко говорил о своих приключениях на Памире, Алтае, Полярном Урале. У него десяток рекомендаций, связи. Держится он важно, солидно.

Первые дни мы присматривались друг к другу. Веселый, общительный Толя скоро был со всеми на «ты». Володя с трудом привыкал к новому коллективу. Но, увидев Володину аккуратность и выносливость, тщательно подогнанное снаряжение, мы подумали: «С ним можно идти на любые трудности!» А Толя настораживал тем, что «забывал» на привалах тяжелые вещи. Или иной раз после ночлега у кого-нибудь из ребят обнаруживались предметы группового снаряжения из Толиного рюкзака.

...Безмолвие нарушил Ким Тебойкин: «Смотрите, туча!» Тяжелые облака, огибая массив Яман-Тау, вползали в долину реки Инзер. Поразительно быстро на небе появились тучи. Горы потонули во мгле.

«Вот почему башкиры зовут Яман-Тау «плохой горой», — подумал я, спускаясь в долину.

Мы уходили в лес, чтобы укрыться от метели.

День спустя, преодолевая лесные завалы, перебираемся через поваленные деревья. Идем к подножию Яман-Тау. Лыжи то проваливаются в глубокий снег, то скользят по застругам огромных сугробов, наметенных бурей. Ее порывы второй день мы ощущаем по раскачивающимся верхушкам деревьев да колючим вихрям, барабанящим по нашим штормовкам.

Затяжной подъем длится несколько часов. Ребята устали, но упорно идут вперед. Володя без устали торит лыжню, а Толя, прихрамывая, тянется сзади.

К вечеру порывы ветра утихли. На ровной площадке восточного гребня Яман-Тау разбиваем бивуак.

В снегу дежурные выкопали яму, зажгли костер и готовят ужин. Собравшись в палатке, решаем, кто завтра идет на восхождение.

— Я не пойду, — говорит Толя. — Что-то ноги болят.

— Эх, ты... — Геля умолкает, ничего больше не решается сказать.

— С Толей останется Лида, — отдает распоряжение Гера. ...На рассвете готовимся к штурму вершины. За ночь похолодало, и мы с трудом надеваем ботинки, а поверх — бахилы.

Сначала идем на лыжах зигзагами, палки и лыжи уходят глубоко в снег. Около темных скал делаем привал. Холод пронизывает насквозь, леденящий ветер засыпает снежной пылью лица, глаза. Надеваем маски.

По крутому склону начинаем подъем. Оставив лыжи, идем след в след, делая палками и носками ботинок ступеньки. Неожиданно Геля оступилась и, упав на спину, стремительно скользит по обледеневшему склону вниз, к гряде острых скал.

«Разобьется!» — мелькает мысль.

В ту же минуту наперерез Геле бросается Володя и, упершись носками в ледяной выступ, принимает удар на себя. Ким бросает веревку, и немного растерянная «пострадавшая» водворена на свое место.

— Молодец, Володька! — кричит сквозь шквал вихрей Гера. Под ударами ветра снова начинаем подъем. И вот Яман-Тау. На плоскую вершину, поднявшуюся своей громадой на высоту более тысячи шестисот метров, неожиданно прорывается солнце.

— Салют в честь восхождения! — радостно кричат ребята. Но в природе начинается что-то невообразимое. Внизу бурлят, сталкиваясь друг с другом, облака, а вверху диск солнца уменьшается на наших глазах. Зловещая чернота, кажется, перешагивая горы, приближается к нам.

Почти темно. Широко открытыми глазами смотрим на пятно, закрывающее солнце. Наступает безмолвие. Все замерло: природа, люди.

Неожиданно сверкающие искры летят вверх, пылают в синеве неба. Ярко-оранжевый полумесяц, затопив горизонт необычным светом, быстро увеличивается на наших глазах.

— Солнечное затмение! — кричим мы, радуясь тому, что увидели это редкое по своей красоте явление с высшей вершины Южного Урала.

Короткий зимний день пролетает незаметно. В сумерках приближаемся к своему лагерю. Продрогшие и проголодавшиеся, прибавляем шаг, надеясь увидеть яркий костер и кипящий на жарком огне ужин. Каково же наше разочарование, когда мы замечаем только слабые багряные блики угасающего костра! Их стремится поддержать силой своих легких Лида. Услышав шум, Лида поворачивает измазанное сажей лицо в нашу сторону:

— Наконец-то!

Выяснилось, что Лида целый день заготовляла дрова, готовила обед, а Толя, вскинув ружье на спину, с раннего утра ушел на охоту. Вернулся к вечеру, поел и, забравшись в спальный мешок, захрапел.

— Я с ним сейчас поговорю! — решительно шагнул в сторону палатки Володя.

— Не надо. Оставим до утра.

...Утром закоченевшими руками с трудом укладываем вещи в рюкзаки, свертываем палатки. А Толя, как ни в чем не бывало, насвистывает мелодии.

Надеваем лыжи и готовимся к построению.

Гера медлит отдавать команду. Неожиданно он бросается к маленькой елке: «Это кто оставил?» — и поднимает над головой большой котелок.

Мы переглядываемся: котелок с маслом из Толиного рюкзака.

— Это я,— смеется Толя.— Забыл...

— Не забыл, а спрятал, чтобы не нести,— прерывает Володя.— Я сам видел.

— Масло никто не ест, зачем же тащить такую тяжесть?— пытаются оправдаться Толя.

Решение летучего собрания принято единогласно: сделав крюк в 30 километров, дойти до станции Двойниши и отправить Толю домой.

— Тоже мне...— зло сплевывает Володя, глядя вслед уходящему поезду,— «Лесной волк»...

Последующие дни теплые, солнечные. За спиной более ста километров трудного пути.

— Идем на юг, скоро увидим пальмы,— смеются ребята. Перевалив через Куян-Таш и Кара-Таш, выходим к вершине Большой Шатак.

— Неужели пройдем мимо? — грустит Ким.

Миновав границу леса, штурмуем барьер из камня и снега. Погода наверху сразу портится. Навстречу несутся тучи снега, в буране видны лишь неясные тени.

— Вот тебе и юг,— иронизирует Геля.

Движемся по отрогам увала. Леденящий ветер колет лицо, отбрасывает назад. Рваные облака плывут под нами, изредка открывая синеющие дали.

Внезапно тучи разорвались и над головой грозно повисла скала с вышкой.

Рывок. И — крик: «Ура!» Безмолвные каменные громады взяты.

...Покидаем горную часть Урала, уходим в долину реки Белой.

В черных лесных урманах протаптываем лыжню. Река Белая, по-башкирски Ак-Идель, встречает нас сиянием голубого снега, изумительными берегами со скалистыми утесами. На границе Башкирского государственного заповедника не исключена возможность встречи с маралом, лосем, коварной рысью.

Дойдя до реки Кайпуй — притока Белой, останавливаемся, чтобы осмотреть малоизученную пещеру и глубокий провал.

Взяв с собой веревку и свечи, разыскиваем вход. Сначала продвигаемся на четвереньках, затем по наклонной галерее ползем в глубь горы. Достигнув большого грота, видим колонии летучих мышей. Всюду встречаются сталактиты и сталагмиты.

— Ну и жарища! — вытирает Сергей пот со лба.

— Давайте назовем пещеру «Теплой», — предлагает Геля. Так на карте появляется отметка пещеры с названием «Теплая».

Поиски новых ходов и лабиринтов захватывают. Но уже поздно. Впереди трудный путь к Каповой пещере.

Спустя пять дней мы у пещеры. Она открывается аркой высотой в несколько десятков метров. Пройдя арку, попадаем в гигантский грот. На дне его отливает бриллиантовой голубизной небольшое озеро. В утренние часы здесь можно увидеть хариусов и тайменей.

Огромный тоннель-грот протянулся в глубь горы более чем на 300 метров. Из него по вертикальной стенке при помощи веревки проникаем в промежуточный ярус. На одной из стен высечен барельеф бегущего атлета. Рисунок искусно выполнила... природа при помощи капелек воды и воздуха.

Увлеквшись исследованиями, ребята вползают в щели, осматривают натечные карнизы, рисуют при тусклом свете фонарей схемы.

Поднимаемся по вертикальному колодцу в большой зал. Свет фонарей скользит по высоким сводам грота, нишам и падает на огромную глыбу. На ее гладкой стороне видны какие-то очертания.

...Перед нами великолепное произведение человека каменного века — рисунки с изображением мамонта, дикой лошади, носорога, бегущего оленя. Звери нарисованы охрой. Осматривая одну из ниш, Геля обнаружила фигуру воина с копьем, словно высеченную искусственным скульптором. Выразительность изображения вызывает всеобщее восхищение.

Распластавшись по липкой плите арагонита, проникаем в неизведанную часть пещеры. До нас здесь были только несколько человек. Лучи фонарей осветили мощные колонны из сталактитов и сталагмитов, тончайшие кружевые узоры сводов и усыпанный кальцитовыми розами пол. Синий и белый свет, преломляясь в хрустальных сосульках, отражается тысячами искр в подземном озере. На стенках мерцают сложные барельефные изображения. Осторожно продвигаемся вперед.

— Стойте! — кричит Сергей. — Пропасть!

Освещаем сузившийся между скалами проход и видим зияющий чернотой провал. Над ним нависли камни, внизу, пробиваясь через загадочные ущелья, шумит река.

Привязавшись, по очереди начинаем спуск. Ноги срываются со скользких стен каменного колодца. Несколько минут спуска кажутся вечностью. Наконец, дно каменной трубы высотой около тридцати метров. Сноп света от фонаря играет на белоснежных стенах, переливается, отражаясь от блестящей плоскости кристаллов кальцита. Идем дальше. Гроты расширяются до больших залов или сужаются до ходов, в которые проникаем только ползком.

Начинаем поиски следов древнего человека. Володя неожиданно наткнулся на красочные изображения головы пещерного медведя. Геля обнаружила редчайшие по рисунку сталагмиты, каменные розы.

Забыв про усталость, в кромешной тьме ползаем по галереям, надеясь найти орудия труда первобытного человека.

До настоящего времени пещера полностью не исследована и хранит много тайн. Одну из них раскрыл московский учёный — биолог А. В. Рюмин. Он доказал сходство двух культур первобытного человека — культуры далеких Пиренеев и Урала.

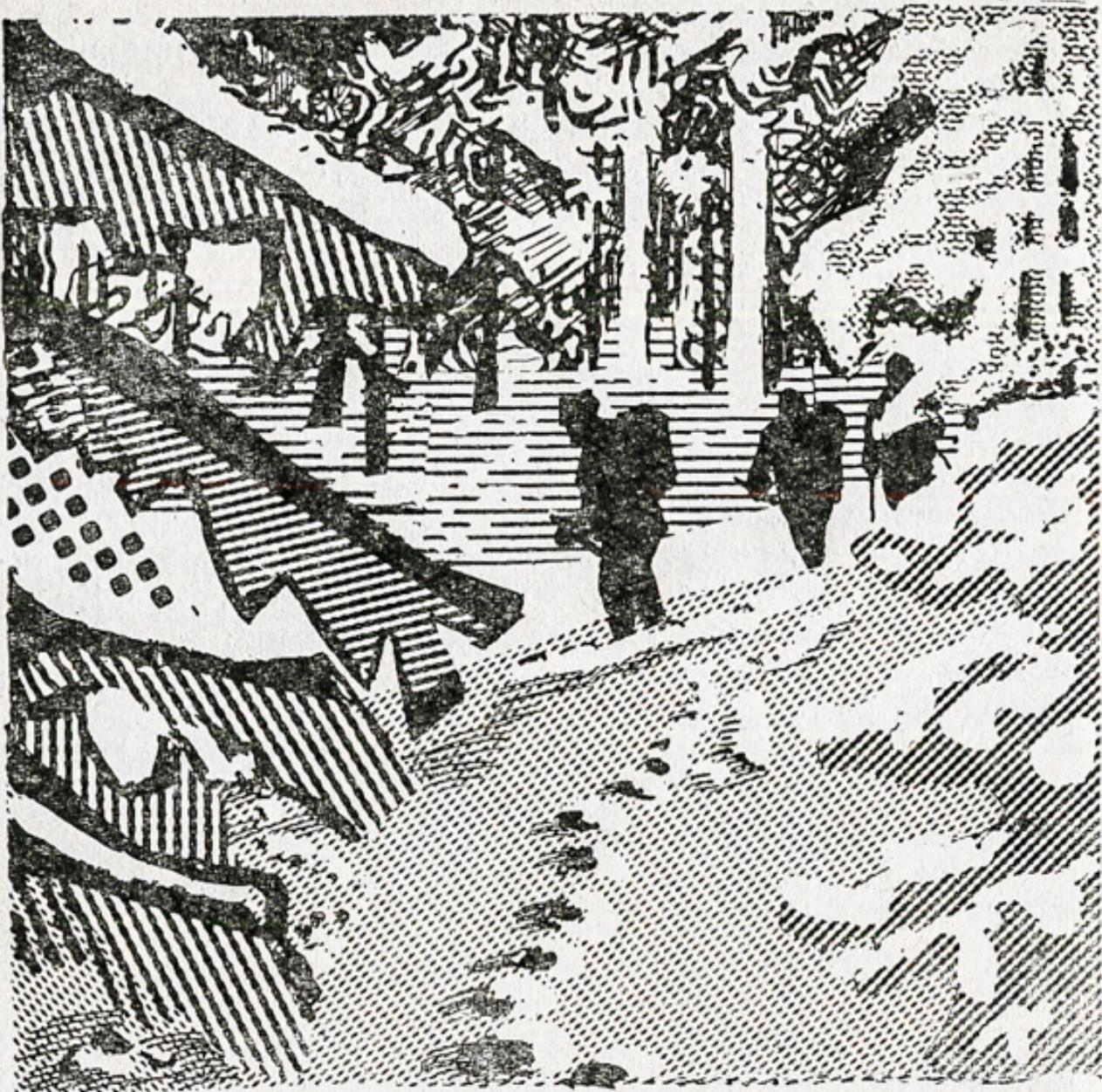
Найдя первые трофеи, мы через боковой вход проникаем в грот, на дне которого журчит ручей. В одном из гротов нахожу кости какого-то животного. Обрадованный, ползу назад, но чувствую, что камни железным обручем стиснули меня. Делаю рывок вперед. Ни с места.

— Заклинился! — мелькает мысль. Успокоившись, делаю глубокий выдох и ползу назад.

Десять часов под землей пролетают незаметно. Сделав последние зарисовки и бережно уложив в рюкзаки находки, осторожно начинаем подъем по каменной трубе. Тусклый свет фонарей сигналит, что батарейки «садятся». Когда мы достигаем выхода, на улице совсем темно. Вечером долго делимся впечатлениями, говорим о своих планах на лето.

— Давайте пойдем в поход снова вместе, — предлагает Володя.

Я удовлетворен. Ряды следопытов пополнились.

Ю. Яровой

ЗАПАХ СНЕГА

Лыжня на просеке вдоль высоковольтной линии напоминает железную дорогу. За увалы уходит колея с пятиминутными привалами-полустанками, с ночевками в знакомых привычных местах: на десятом кордоне, в поселке Пильное, на третьей рыболовной базе... Длинная дорога рож-

дает неторопливые, цепляющиеся друг за друга мысли. Мысли о ребятах-школьниках, идущих сзади по следу; о пасмурном небе — тяжелом и низком; о самом себе. Двенадцать лет водит он туристов по лесам и горам. Еще в армии, в Ленинграде, попал на инструкторские сборы, которые стали для него первой туристской школой. Чему там учили — вспоминается с трудом, но именно эти сборы и определили его профессию. В пятьдесят втором демобилизовался и получил приглашение работать инструктором по туризму. Вызвали в Ленинградское туристское управление, сказали: «У вас, товарищ Вилков, уже есть туристский опыт. Хотим предложить вам работу в Карелии, на Приозерной базе. Надеемся, понравится...»

Так и определилась профессия. Несколько неожиданная для самого себя и странная для родных и друзей. Потом привыкли, перестали донимать вопросами. Сколько за эти годы провел групп — не счесть, сколько было походных знакомств — не запомнить. Но и сейчас, случается, спрашивают с удивлением: «Вот так, на лыжах, всю жизнь?» Удивление искреннее. А если разобраться, такой вопрос можно задать и штукатуре и слесарю. Для туриста лыжи, компас, рюкзак — такой же инструмент, как для каменщика мастерок. Конечно, твердый распорядок, семичасовой рабочий день горожанам и ближе и понятнее. Но он-то привык к кочевой жизни — неделю в походе, день дома. Лучше, кажется, и быть не может.

Лес давно стал вторым домом, лес только новичкам кажется враждебным и угрюмым. Выберешься с очередной группой в поход — дышится легко, голова ясная, и текут, как река, мысли, переплетаясь с воспоминаниями. Потом вдруг видишь пугливый заячий след: удирал заяц трехметровыми прыжками, далеко вперед выбрасывая задние лапы. Кто его спугнул?

Пробежит косой по снегу — снег пахнет зайчатиной. И бросаются по его следу и лисы, и волки, и собаки. Даже пронырливые горностаи не прочь полакомиться. Особенно часты следы горностаев. Что их манит сюда? Простор? А может, гудящие в вышине провода? Звери привыкают ко всему, даже к стальным мачтам, от которых в сырую погоду исходит беспрерывный треск. Как-то был в группе студент-электрик. Он объяснил, что треск от коронного разря-

да. Утекает электричество по мокрым изоляторам и трещит...

Вообще из каждой группы кто-нибудь приезжает на турбазу снова, а добрая половина «заболевает» походной страстью на всю жизнь. Нередко идешь по турбазе, а на встречу только что приехавшие: «Иван Федорович! Мы опять хотим в поход!» Уезжают с турбазы — пишут, фотографии присылают. На Приозерной получил однажды теплое сердечное письмо, вспомнил девушку, лицо, голос, имя. Поколебался (что-то в письме тронуло за сердце), а потом ответил. Что не успел узнать в походе, узнал из писем. А когда приехала Нина на турбазу второй раз, — понял, что судьба. Так обзавелся семьей.

Вначале и Нина ходила в походы. А потом стало не до туризма: родился сын. Теперь Сашке одиннадцать, в каникулы дома не удержишь. И сейчас пыхтит где-то в конце цепочки на своих красных лыжах.

Помнится, пошел Сашка в первый поход с Юрием Ушаковым — беспокоились. Все-таки, маршрут около девяноста километров, а Сашке всего восемь. Вернулась группа, Ушаков хохочет: «Да твой Сашка всем нос утер! Не хочет идти без рюкзака и только!» Когда вручали Сашке на торжественной линейке значок «Турист СССР», гремела вся турбаза. Сашка цвел, как мак. А теперь хвастает: накопил по походам справок уже на спортивный разряд. Видать, и Сашка «заболел» туризмом на всю жизнь. Коренным уральцем стал. А родился ведь, считай, на другом конце страны.

Не думал, не гадал Вилков, что придется жить на Урале, а вот поди ты. Появился в шестьдесят первом на Приозерной новый инструктор с редкой фамилией: Разум. Шумный, говорливый, непоседливый. Приехал инструктор с Урала, с Коуровской турбазы. Послушал Вилков рассказы Разума и позавидовал. Поблекла Карелия с ее прозрачными, как стекло, озерами, с ее туманными белыми ночами. Потянуло на Урал посмотреть на знаменитую Чусовую,ходить по горной тайге, полюбоваться на причудливые чусовские скалы.

На новой турбазе встретили хорошо, а огляделся — дива в Хрустальной разве что в названии. Приземистая темная столовая, несколько финских домиков да арка у въезда.

Вот и все. После Приозерной бедновато. Но прошел по маршруту, побывал на горе Пшеничной, искупался в похожем на блюдце Песчаном озере, забрался на Волчиху, откуда открывался вид на гористый Урал и голубое водохранилище,— остался.

За три года турбаза стала неузнаваемой. Сейчас многое позади, многое вспоминается с улыбкой. Во всех корпусах теперь центральное отопление, построены котельная, склады, спортгородок, новые жилые корпуса. Последнее старое здание — зимнюю столовую — можно увидеть только на фотографиях. Ее снесли год назад. Какая это была столовая! Низкая, пропахшая кухонным чадом... Теперь напротив въездной арки поднялось двухэтажное белое здание: внизу библиотека, биллиардная, просторная столовая на двести мест, газом оборудованная. А на втором этаже — туркабинет, зрительный зал. Таким корпусом может гордиться иной первоклассный санаторий — не зря же макет столовой турбазы «Хрустальная» демонстрировался на ВДНХ! Закончен новый жилой корпус на сто шестьдесят мест, по всей территории турбазы проложена трасса канализационной сети.

Назад, в Приозерную, звали долго. Писали, уговаривали — возвращайся, Вилков, в Карелию. Не поехал. На Хрустальной жить интереснее, на Урале даже снег — и то другой! На привале присядешь на пенек, возьмешь горсть снега, а он пахнет хвоей. Снег впитывает запахи, как губка воду. Недаром лисы и горностаи чуют мышей под сугробами. Нырнет горностай в сугроб — сверху только ямка остается... Снег лишь с виду однообразно белый. Кто живет в лесу, тот знает, как здесь все меняется к весне. За зиму впитывает снег лесной аромат. Поднесешь к лицу кусок мартовского снега, а в нем и смолистый настой кедрача, и горьковатый аромат ольховых почек, а к апрелю уже чудятся в нем и первая капель и первые ручьи.

И под лыжами снег шуршит по-разному. Свежий снег, да еще в мягкий мороз напоминает шорох листьев под легким ветром. А чуть полежит, покрепче станет — скрипит недовольно, похрустывает. Самый лучший для похода снег — двух-трехдневной давности. Он и держит неплохо, и настом схватиться не успел. Пройтись сотню километров по такому снегу — одно удовольствие.

В походе люди легко знакомятся, быстро привыкают друг к другу, и между ними устанавливается та атмосфера не-принужденности и взаимовыручки, без которых немыслима дружба. Может, и это — одна из причин тяги молодых к туризму. В походе характеры притираются друг к другу, как камни на перекате... Да и инструктор быстро привыкает к туристам. Люди, что идут сзади, уже не на одно лицо, как было на торжественной линейке, когда их с музыкой провожали в поход. Сразу видно, кто на лыжах ходил часто, а кто только на уроках физкультуры. Бывает, ведь, заразится иной энтузиазмом, пойдет в поход, а на пятом километре уже с ног валится. И другим обуза, и себе горе.

Под новый год базу обычно «оккупируют» школьники, и директора одолевают «школьные» заботы: детям надо устроить роскошную елку, ледяную катушку, наладить катание на лошадях с бубенцами. Детям каникулы, новогодние праздники, а работники турбазы с ног сбиваются. А тут еще телефонные звонки от родителей: «Это правда, что мой сын будет ночевать в палатке на снегу?..»

У директора завидная выдержка, но иногда и он срывается: «Почему люди думают, раз турбаза, так тут такие идиоты, что и ночевать заставляют на снегу и кормят одними консервами? Да у нас столовая получше иного ресторана!»

Водить в однодневные походы школьников — дело нетрудное. Вроде прогулки. Впрочем, сейчас и основной, 137-й маршрут так исхожен, что можно пройти и ночью без компаса. С турбазы на гору Пшеничную, оттуда на Чертова Городище, Мотаиху, Толстиху, Соколиные скалы. Поинтереснее, пожалуй, другой вариант: на Пильную. Слоны у Пильной крутые, скальные. Но для лыжников удобных спусков тоже достаточно.

У Чертова Городища, как правило, обеденный привал. Разбегутся ребята по скалам — только «охи» да «ахи». Красивый вид открывается с этого недостроенного чертятами города. На самом большом валуне обычно фотографируются: «Давайте, Иван Федорович, с нами!» Дело обычное: кому развлечение, кому удовольствие, а для инструктора привычка.

Уедут школьники — турбаза ждет студентов. Со студента-

ми проще — почти все они рвутся в походы, в лес. Да все выпрашивают маршрут поинтереснее, подальше от селений. Но разрядных маршрутов вокруг Хрустальной уже не проложишь. Все знакомо, все исхожено вдоль и поперек. Кому нужен спортивный разряд, тот забирается подальше, на Приполярный Урал. Но, сдается, даже на Приполярный Урал тропа начинается с турбазы. По воскресным дням на Хрустальной собирается до трехсот туристов и отдыхающих: из Свердловска, Первоуральска, даже из Каменского-Уральского приезжают. Тогда на базе кутерьма: всех размести, всех накорми, а многих успей и в однодневный поход сводить. И все-таки до обидного мало туристов на турбазах!

Конечно, не все представляют, что такое турбаза, у иных, как говорится, от одного слова «туризм» мурашки по спине разбегаются. Дом отдыха — это ясно и понятно. А турбаза — загадка. Вдруг там всех подряд заставляют сдавать нормы на значок «Турист СССР» и спать в спальных мешках?

Конечно, многое идет от незнания. Рекламируют что угодно: самолеты, фильмы, парфюмерное мыло... Только реклам туристских баз нигде не встретишь. Вот у людей и делаются глаза круглыми, когда им в завкоме предлагают путевки на турбазы.

Берлад — директор «Хрустальной» — одержим идеей: создать при каждом доме отдыха свою турсекцию для желающих. Дмитрий Николаевич для начала предлагает трем уральским турбазам: Черданцевской, Хрустальной и Коуровской взять шефство над ближайшими домами отдыха — Сысерским, Шарташским и Коуровским. Помочь домам отдыха со снаряжением, послать с отдыхающими в поход для начала своих инструкторов, чтобы люди учились ходить по азимуту, разжигать костры, ставить палатки... Идея неплохая, но как все это организовать?

Туристы уходят в лес, потом возвращаются домой, к родным и близким. Без расставаний не было бы и встреч. Не в этом ли еще одна привлекательная сторона туризма? И вместе с туристами возвращаются на свои родные турбазы инструкторы.

...Идет Вилков по свежему, ночью выпавшему снегу, прислушивается к поскрипыванию лыж, дыханию туристов за

спиной, и вспоминаются ему бескрайние кустанайские степи, казахская целина. Там он родился, там и жил до самого призыва в армию. А душой прикипел к уральской горной тайге, к низкому хмуруму небу, к скорым мягким сумеркам.

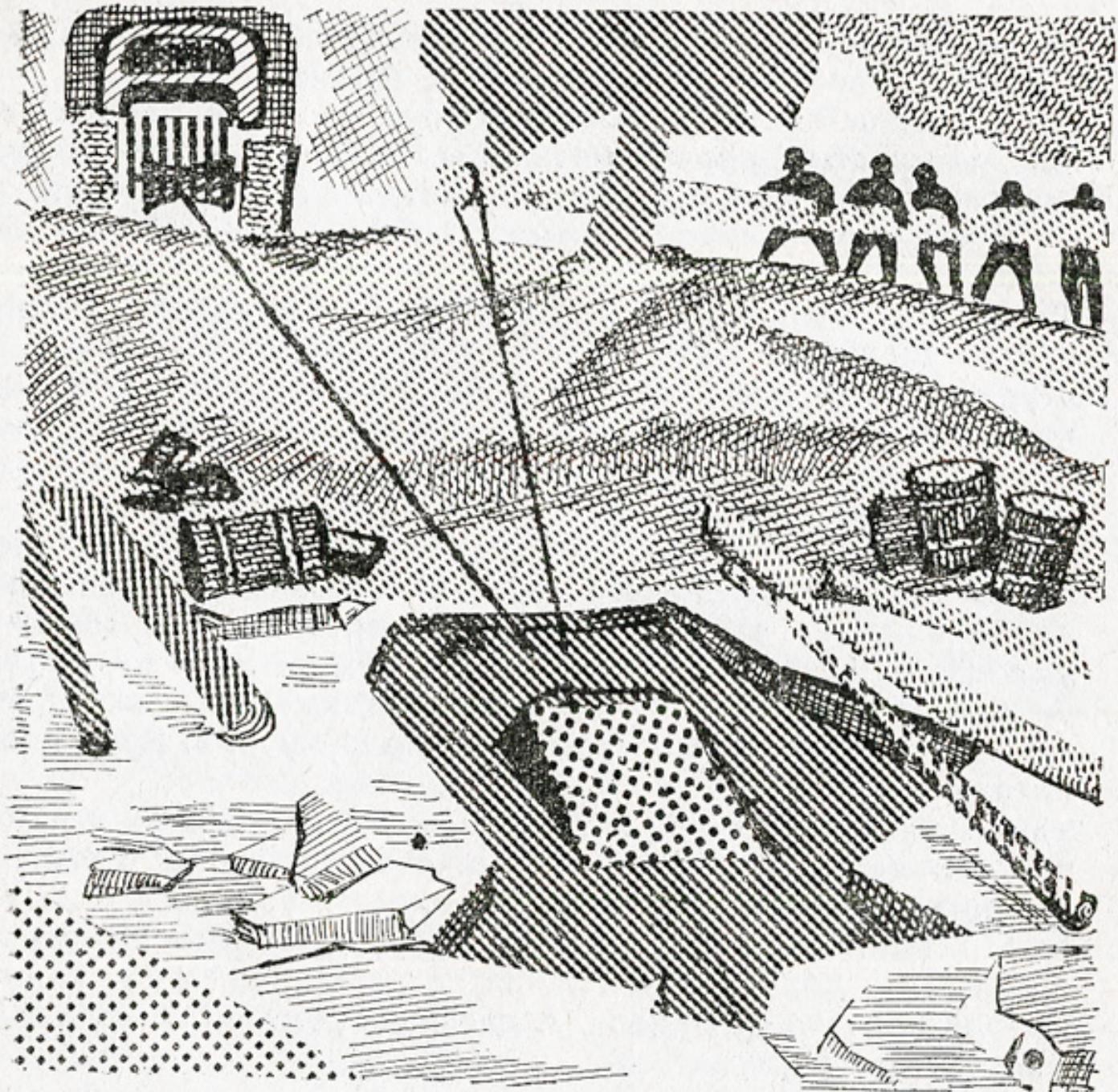
В прошлом году Юрий Ушаков, тот самый инструктор, с которым ходил в свой первый поход Сашка, был на сбоях младших инструкторов по горному туризму. На Кавказе пробыл почти месяц, участвовал в отборочном двухнадцатидневном походе с восхождением на Эльбрус. Приехал — сплошные восторги. А потом признался: «Подъезжая к Красноуфимску — за окном Урал, места почти родные. И такое вдруг напало нетерпение — скорей домой, на базу, хоть из вагона выпрыгивай!»

А база хорошеет. Беспокойный попался директор. Разбил цветники, сад, березовые рощи... Летом поднялись от земли деревья вокруг Хрустальной. Иногда, после оттепели, выйдешь в лес, а оледеневшие ветки на березах позванивают, словно и в самом деле хрусталь вокруг какой волшебник набросал.

Жизнь идет нормально, каждый день прожит с толком... Вон Ушаков пытался расстаться с туризмом, да ничего не получилось. Уехал в Свердловск, поступил на завод «Уралэлектротяжмаш», а через три месяца так затосковал по лесам и чистому снегу, по воздуху, от которого пьянит, что не выдержал, пришел к старшему инструктору Разуму: «Возьмите, Павел Артемьевич, назад, не могу без туристов...»

Каким будет человек в будущем? Иные говорят, останется у него голова, чтобы думать, а работать будут машины. Чепуха! Может, работать и будут машины, но останутся лес, снег, озера, а значит, и туристы, сильные, ловкие, из той самой категории «человеков», про которых непосвященные говорят с завистью и уважением: «Этим не страшен ни черт, ни леший».

Кроме ума и знаний, есть у человека еще одно бесценное качество — мужество. Как многое другое, качество это не дается с рождением. Его можно лишь воспитать: борьбой с трудностями, борьбой со страхом, в единоборстве с природой. Нет, не верьте скептикам: туризм — самая древняя и самая долголетняя страсть человеческая!

П. Бартоломей, В. Карелин, мастера спорта
НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОРТ

Из окна вагона лес выглядел сплошным частоколом и, казалось, через него невозможно пройти. Но я знал, что это впечатление обманчиво. Стоит немного углубиться в чащу, как сразу обнаружишь лесные улочки, переулки и даже проспекты.

Мимо проносились километровые столбы, полустанки, станции с необычными названиями: Атымья, Эсс, Ух...

Я смотрел в окно. Размышая о предстоящей работе на новом нефтеперерабатывающем заводе, вспоминал о своих друзьях, с которыми встречался в этих местах.

— И что вы все смотрите в окно? Снег да лес. Не наскучило?

Опять этот въедливый попутчик! Вошел в вагон, увидел у меня рюкзак и вместо знакомства огоршил вопросом: «Турист? Вот у меня сын такой же шалопай. Все ему дома не сидится: как ни каникулы, так пошел по лесам! И ведь обязательно лезут в глухомань, где не то что человека — волка не встретишь!»

Я рассмеялся. Столько было наивного удивления в тоне моего соседа по купе, что невольно вспомнился мальчишка на вокзале в Свердловске, который все спрашивал у отца: «Папа, а туристы это — цыгане?»

— А знаете, я ведь такой же больной, как ваш сын.

Сосед мой даже чуть отодвинулся: не шучу ли я? Вроде был в годах, солидный уже человек...

— Студентом мне приходилось каждый год бывать в зимних походах,— сказал я.— Сейчас в тайгу, да еще зимой, выбраться удается не всегда. Но здесь я уже не впервые: был в туристском походе. Тогда только-только начинали строить эту дорогу. Проложили несколько десятков километров полотна от Ивделя. А дальше... Дальше было море тайги.

— И вы, значит, напролом по лесу?

— Нам хотелось пройти на возвышенность Люленг-Сав и в верховья реки Конды (это отсюда недалеко), до строителей, застать все в первобытном виде, как было сотни, а может, и тысячи лет назад. Клуб туристов организовал экспедицию зимой. Потому что летом здесь не пройдешь, слишком много болот.

— Верно! Летом здесь места гибкие, комарье заест до смерти. Но вот что я думаю: это у молодых от хвастовства все идет. Вот, мол, герои какие! Морозов не побоялись, на снегу спали. Разве не так?

Действительно, у нас в походе было много трудностей. Но трудности, когда они уже позади, забываются, а остается все хорошее, особенно та атмосфера, которая родилась

в походе. И люди, и песни, и дружба — все это не сотрется из памяти...

Собираясь в эти края, я взял с собой старый дневник. Его писали поочередно все участники похода. Ночью дежурный сидел у печи, подтапливая ее, сушил мокрую обувь и одежду и писал в дневник обо всем. О том, что произошло в тот день, о своих мыслях и желаниях.

Я снял с полки рюкзак, достал дневник, стал перелистывать.

«...Сегодня тайга не такая угрюмая, как вчера, когда ехали на машине. С дороги она казалась непроходимой, особенно это впечатление усиливалось ночью, когда лес освещался фарами машины. Местами попадаются холмы, приходится даже в горку карабкаться. Могучий сосновый лес с золотыми от низкого солнца верхушками бодрит. Идем пока по еле заметной визирке. Стоп. На дереве прибита дощечка «Станция Эсс». Смешно? Нет — здорово! Правда, это название пока с трудом воспринимается среди беспрепятственной тайги, но ведь это начало будущего.

...Через переход вышли к реке Етья. Довольно большая речка, берега поросли ельником. Красиво. Но подъезды плохие. Идем снова по визирке. Еле заметная нитка в тайге, ее даже надо искать. Ноги наливаются свинцом, спина становится мокрой...

— А вы интересное читаете, вижу, — сказал мой сосед. — Это что ж, если не секрет?

— Дневник прошлого похода. Вы сказали, что страсть к путешествиям у молодежи от хвастовства. А вот читаю дневник — ошибаетесь вы.

— Да ну?

— Вот слушайте!

«...Встали, дикий холод — минус сорок два. Взяли азимут 290°. Сегодня целый день светит солнце и холодно. Привалы между переходами 5 минут, а то и меньше...»

Сосед мой проснулся окончательно. В серых глазах — хитринки, правой рукой поглаживает подбородок; довolen чем-то.

— Вот что я скажу, молодой человек, пустые это мучения. Я своему сыну говорю, захотел попотеть — попили дрова. И тебе польза и нам, старикам. Польза должна быть от трудов!

— Так ведь дело не только в этом. Если бы в тайге не было ничего интересного, разве людей тянуло бы в походы? Вот послушайте:

«...Тайга необыкновенна. Вначале показалось золотое, с красным, солнце и стало освещать верхушки деревьев, они тоже стали золотыми. А внизу в это время было все голубое с зеленым оттенком. Солнце поднималось все выше, и все больше золота лилось сверху. Мы шли через болото. Там было все залито светом, и кто-то сказал: «Все желтое, а в лесу все голубое». Такие сочетания цветов невозможно, наверно, передать словами. Это надо видеть...»

— Понимаете, это надо видеть! — говорю я.— А увидеть можно только там,— и киваю в сторону окна вагона.

И снова читаю, вдалбливаю этому упрямому скептику все, что знаю о мире прекрасного, убеждаю, что прекрасное нужно человеку не меньше, чем хлеб и дрова.

Но сосед мой опять клюет носом. Какое ему дело до радуги цветов! Когда человек пилит дрова — все понятно и ясно. А когда люди уходят на две недели в поход, чтобы увидеть, как гаснет на снегу алое пламя заката — зачем это?

«...Наверное, северную тайгу не забыть тем, кто посетил ее хоть раз. Разве это не замечательно, что человек умеет находить красоту даже в лесотундре и болотах...»

Кто это писал? Многих ребят, в городе скромных и немногословных, северная природа сделала поэтами. Каждый год в походы отправляются миллионы людей, и далеко не все из них — художники и поэты. Но почти все потом с упоением рассказывают о природе, о своих товарищах. И что удивительно — годами работают люди рядом, вместе ездят в трамвае, а по-настоящему узнают друг друга только в походе. В обычной жизни большинство горожан окружает себя непроницаемой оболочкой, годами выработанными традициями. А в походе — все как на ладони. Оболочка, рассчитанная на нормальные условия, в походе оказывается мыльным пузырем. В городе человек может окружить себя ореолом непогрешимости, а пойдет в тайгу, когда от него потребуются дела — все притворство, как лак с ногтей, слетит в первые же дни.

Помню, был случай у нас на Чусовой. Места там чудесные.

А вот впечатление о походе осталось плохое. Во всем виноват был руководитель. Пока он ходил с нами рядовым участником, вроде бы и неплохим парнем казался. А пошел начальником, и что-то в нем появилось новое, нехорошее. Раньше всегда был веселым, песни пел. А потом вбил себе в голову, что мы не хотим признавать его как руководителя, помрачнел. То вдруг прикажет сойти с тропинки и пойти через чащобу, то велит возвратиться.

Начались ссоры. Кончилось тем, что мы уехали домой с одной железнодорожной станции, не пройдя и половины маршрута. А парень после этого бросил туризм совсем.

Случай грустный и редкий, чаще бывает наоборот. И тем не менее только в походе мы узнали, что это за человек. А как бы вел себя в походе мой сосед? Я представил себе его грузную фигуру под рюкзаком: «Почему мне тяжелее всех? А может, совсем и ни к чему идти прямиком, через вершину?» Долго ли терпели бы такого «туриста» в отряде? Скорее всего до ближайшей железнодорожной станции. А возможно, случилось бы наоборот — посмеялись бы над его воркотней да потихоньку и разгрузили рюкзак...

Со Степой ведь то же произошло. А он, чудак, до сих пор ни о чем не подозревает. Тяжело ему было, уставал. И рюкзак тяжелый, и снег очень глубокий. Торили лыжню по очереди. Степа, конечно, тоже ходил первым. Физически он был послабее остальных ребят и очень не хотел, чтобы это было как-нибудь заметно. Шел я первые дни за Степой и видел: совсем из сил выбивается, а духа не теряет. В самую трудную минуту с самым серьезным видом скажет такую шутку, что никто не может удержаться от смеха. Что делать? Предложить отдать другим часть груза? Обидится. Два дня я смотрел на него, а потом решил рассказать обо всем начальнику похода. «Никому — ни слова», — ответил мне Саня и после ужина о чем-то поговорил с завхозом. После обеда, на привале, завхоз сделал проверку и полный перерасчет продуктов, распределив на всех участников похода. Получилось, что вес рюкзака должен быть около 43 килограммов.

Степан нес на 8 килограммов меньше, чем другие, ничего не подозревая (весь «небаланс» был распределен между

нами троими, знаями об этой затее). Степан шел намного лучше, и я уверен, внутренне радовался, а может быть, гордился — не спасовал, не отступил...

— А вы все смотрите в окно? Мечтаете, стало быть? — сосед сладко зевал. — В дороге только и поспать. Скука смертная. О чём, извините, можно мечтать в поезде?

— Да вот думал о том, вышел бы из вас турист или нет. Лицо у соседа вытянулось.

— Из меня?

— Ну да. Туристом ведь станешь, когда пройдешь «естественный отбор». Поход длится три-четыре недели. За это время каждый успевает показать все стороны своего характера. И обычно слабые духом отсеиваются, а нытиков и эгоистов больше никто не принимает в коллектив. Вот у туристов и происходит «естественный отбор».

— А я, значит, не прошел бы этот самый отбор? Стар, должно быть?

— Да нет, дело в другом: в зимнем походе каждую ночь человек должен дежурить по два часа — надо топить печку. Устанешь за день, ночью бы только отдохнуть, а тут твоя очередь. Почему-то у нас очень часто ломался этот порядок. Как ни странно, каждый старался продежурить лишнее время за товарища, который себя плохо чувствовал на переходе. И вот я подумал: а вы бы согласились подежурить за товарища?

— Ишь ты, хитер, — покрутил головой сосед. — На сознательность, значит, давите?

— Да как сказать... Просто у туристов взаимовыручка — дело естественное. Расскажу вам интересный случай. В походе на Конду у нас была встреча с изыскателями. Партия шла на двух вездеходах. Она выполняла важное задание: в верховьях Конды геологи открыли нефть, и надо было забросить туда буровое оборудование. Изыскатели спешили, они готовились к форсированию речки. Ширина ее была около пятидесяти метров, лед казался непрочным, виднелись в некоторых местах промоины. Начальник партии никому из нас не понравился. Он небрежно кивнул нам, спрыгнул с крутого берега на лед, провалился в воду и... сказал, что вездеходы пройдут.

Первый вездеход медленно сполз по двум бревнышкам с берега на лед. Прошел два метра. Немного развернулся и... ушел в воду. Водитель успел выпрыгнуть через верхний люк, который был предусмотрительно открыт.

Из воды выставлялся верх кузова. Вскрыли брезент. Всплыли бочки с бензином. Выловить их было нетрудно. К берегу подошел второй вездеход с лебедкой. Чтобы подцепить трос за крюк «утопшего», надо было кому-то лезть в воду. Вызвался корреспондент, который ехал с партией, — огромный детина с большой черной бородой... Такому купание на тридцатиградусном морозе, что слону дробина!

Надсадно завыла лебедка, трос зазвенел, как струна. А вездеход — ни с места. Начали подводить под него слеги. Но людей вокруг машины собралось слишком много, только мешали друг другу.

Тогда, предоставив свободу действий изыскателям, мы пошли строить «мост» через реку. Повалили с обоих берегов около десятка деревьев. Лишь под вечер сделали попечины. Все это время работали под аккомпанемент лебедки. Вой моторов, потом щелчок и на полчаса — затишье. Трос не выдерживал напряжения и рвался как веревочка. Его снова связывали. И снова все повторялось.

Стемнело. Мы присели к костру перекусить: за работой совсем забыли о еде. К костру подошли изыскатели, усталые мокрые, злые. Все молчали. Говорил один начальник:

— Все. Дальше не пойдем. Машину не вытащить. Попробуем еще завтра. Не сумеем — поворачиваем на второй машине назад.

У нас такое не укладывалось в голове. Что значит — нельзя вытащить? Почему ждать до завтра? Ведь за ночь вездеход прихватит льдом! И не все еще испробовано!

Спорили шумно. Вскоре у промоины собирались все. Выдвигался один проект, другой, третий... Не тянет лебедка? Надо увеличить усилие!

— Есть! — закричал наш Володька. — Надо сделать рычаг! Идею подхватили. И — началось. Срубили сосну, притащили ее к берегу волоком. За один конец привязали трос от лебедки, другой завели за огромный кедр, росший на самом берегу. Трос от «утопленника» привязали ближе

к опоре. Получился классический рычаг. Вновь завыла лебедка. Вездеход дрогнул и медленно начал выползать на лед.

— Ага! Пошел!

Всем стало весело.

Но раздался треск и наш рычаг-сосна диаметром более метра разломился пополам. Машина нырнула обратно в воду.

Вновь закипела работа. На этот раз срубили кедр толщиной в два обхвата. Работали с напором...

И вот, наконец, вездеход на берегу. Это было в пять утра. Значит, мы работали почти сутки. И дикой показалась бы нам мысль о какой-то компенсации за эти сутки. Мы помогли, выручили. Вот и все.

— Не заплатили, значит,— сказал мой попутчик и задумался, от этого стали заметнее морщины на лбу и щеках. Я почувствовал, что история с вездеходами чем-то его задела (до сих пор он иронизировал, посмеивался, а тут вдруг посеръезнел) и после некоторой паузы решил спросить:

— А вы где проводите свой отпуск, если не секрет?

— Да всяко бывает. В саду поковыряешься, на рыбалку съездишь иной раз...

— И много наливали рыбы?

— Какое там...

— Ну и кому какая от вашей рыбалки польза?

— Хитер брат! Но я зато хоть никого не заставлял волноваться. И случись что со мной, за это никто бы не отвечал.

Я подозревал, что ответ такой и будет. Не в первый раз. Одним не хочется волноваться, другим отвечать. И вот находятся «добросердечные» люди, которые и пекутся о туристах, «заботятся» о них, маскируясь красивой фразой «польза обществу». Вместо того, чтобы помочь, мешают. И ведь никак понять не могут, что нельзя заставить молодежь ходить только по торным дорогам! Вместо живительных вдохов простора, ветра странствий проповедуют уют городских комнат или вылазки на базы, где отдыхают

иногда старики да старушки. Нет пользы в первом походе, нет ее во втором. А в третьем она обязательно будет! Сами условия, сам дух путешествия настроят тебя на совершение такой полезности. И вот ты уже составляешь описание маршрута. По твоему описанию, по твоему новому пути пойдут другие группы туристов. И пойдут уверенно, без тех поисков верного направления, без тех сомнений, которые пришлось перенести тебе. Далее ты приносишь первые интересные «каменючки» из далекого уголка, еще не посещенного геологами. На следующий год район путешествия заранее определен — нужны новые подтверждения. А там глядишь — пора оформлять заявку на месторождение... Бывает, и туристы открывают месторождения. Как-то мы взяли для анализа пробы воды и газа в верховьях рек Ух и Эсс. Это, несомненно, помогло геофизикам. Мы принесли ценные данные, на основании которых в этот район на следующий год ушла специальная экспедиция. И кто знает, может быть, эти данные помогли ускорить организацию именно того предприятия, куда я еду сейчас работать. Предприятие расположено как раз в том районе...

Я взглянул на соседа. Он о чем-то думал.

— Мой Мишка, как в походы стал ходить — изменился, — вдруг сказал сосед. — А раньше от рук отбивался... По дому работать — не моя, мол, забота. На мать зыкал, со мной переругивался. Может, оно и так, польза-то не вся снаружи видна, конечно...

Пришла проводница.

— Получите билет. Скоро ваша станция.
Я начал одеваться.

— А эти самые, — спросил попутчик, — что вездеход утопили, вам больше не встречались?

— Нет, не встречались... Они двинулись дальше. Переправа оказалась добротной. А мы ушли на Люленг-Сав. Правда, потом нам не хватало именно двух дней, которые мы провели на этой переправе через «Эсесовку», как шутя кто-то назвал речку Эсс. Задержаться мы не могли — поджимал контрольный срок. Опоздай мы хоть на денечек, досталось бы нам от маршрутной комиссии!

— Но ведь изыскатели-то могли за вас словечко замолвить? Ведь вы не просто так шатались по лесу — людям

помогли. Дайте-ка мне фамилию ихнего начальника. Геологи-то заглядывают к нам на базу. Может, встретимся. Встречу — и в глаза все выложу. Пусть хоть задним числом, но благодарность напишут. А то люди, значит, мыкались, мыкались, для них трудились. И все запросто. В городе, поди, и счет бы начальник выписал за услуги, а в лесу, мол, и так сойдет...

Я ~~на~~скоро попрощался и выскочил на перрон. Слева над тайгой висело красное зарево, а справа раскинулся город. Настоящий, современный! Там, где несколько лет назад не было ничего, кроме тайги да болот...

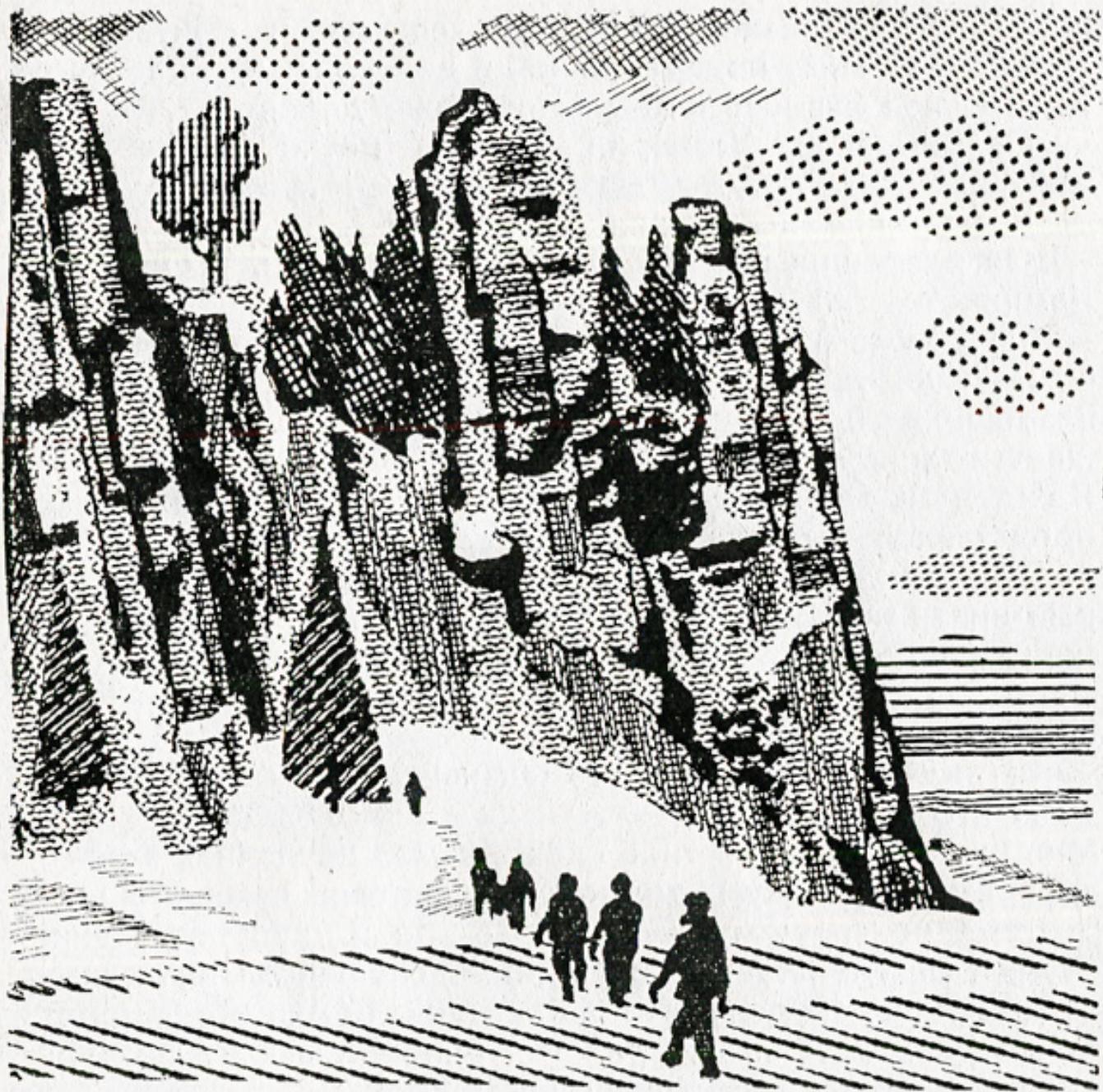
Из ~~соседнего~~ вагона с песнями и смехом выгружалась группа молодых ребят в штормовках. Огромные рюкзаки, лыжи, гитара...

Эстафета продолжалась!

— Эй, сосед! — услышал я за спиной. — Мишка-то мой, значит, прошел этот «естественный отбор»? А? Он уже в четвертый раз собирается. Не препятствовать ему?

Я оглянулся, увидел уходящий поезд:

— Решайте сами! До свидания!

Ю. Яровой

ОЛЕНИЙ КАМЕНЬ

1

Я долго не мог поверить, что они женаты. Уж больно они разные люди, даже внешне. Маленькая полная Наташа с беззаботными по-детски глазами казалась девочкой-школьницей рядом с плечистым крупноголовым Аркадием. Аркадий приехал на турбазу на день позже Наташи, а уже

к вечеру перезнакомился почти со всеми обитателями турбазы, на зиму превращенной в дом отдыха, а на другой день сумел завоевать симпатию даже директора.

— Он согласен. Уговорил,— сказал после ужина Аркадий.

— Уговорил? — насторожилась Наташа.

— Он разрешил нам с тобой, Натка, двинуть к Олењему Камню.

— Ты с ума сошел!

— Наталья, друг сердечный, не волнуйся. Все в ажуре. Разрешили идти в шестером, я — руководитель похода. Двести километров по красавице Чусовой!

Я сидел за одним столом с ними, слушал Аркадия, и мне представлялся лыжный след среди скал, ледяной ветер, палатка под обрывом и маленькая Наташа у костра, который никак не хочет нормально гореть и мечется вслед за порывами ветра. Я не сомневался, что Аркадий предложит мне вступить в «шестерку», и все же растерялся, когда Наташа спросила:

— Вы идете с этим ненормальным?

— А что я теряю?

Мне было скучно. Честное слово, самая неудачная затея — превратить турбазу в дом отдыха, оставив старшего инструктора по пешему туризму в роли культмассовика! «Будем развлекаться, товарищи?» — спрашивал инструктор отдыхающих. «Будем!» — хором отвечали мы. «Тогда предлагаю разобрать лыжи, рюкзак... Виноват, вы же не туристы!» — хватался за голову инструктор.

В первый же день инструктор сводил нас к коуровским знаменитостям: четырехсотлетней лиственнице в три обхвата, красноватым Георгиевским скалам и Новоуткинской пещере. Больше водить было некуда, и мы целыми часами стояли на присыпанных свежим снегом камнях и смотрели на деревню с белой церковью, на поле, изрезанное речкой Уткой, и двухарочный железнодорожный мост. Солнцем покоем веяло от деревни и белых полей, от поредевших зарослей осины и ольхи. Редкий воз с сеном по дороге на ферму лишь подчеркивал белое безмолвие. Нам с отпуском не повезло — какой уж отпуск в декабре! И просиживать его так бессмысленно на турбазе, естественно, никто не хотел. Аркадий довольно просто среди трех

десятков отдыхающих нашел четверых, которые были готовы на любую авантюру, лишь бы развлечься. Он оказался незаурядным организатором. Носился по турбазе со списком туристского снаряжения, получал на складе продукты, спорил с инструктором по маршруту и вообще делал все, чтобы поход не расстроился.

Традиции на турбазе некополебимы и выработаны поколениями. Был прощальный вечер в клубе, и нас чествовали, возможно, чутьчку поскромнее, чем в свое время папанинцев перед отлетом на Северный полюс. Была прощальная песня и теплое напутствие директора турбазы. И, конечно,— торжественная линейка. И рапорт нашего начальника. И хоть весь этот ритуал под аккомпанемент баяна выглядел не столько серьезно, сколько смешно, никто не улыбался. У меня впервые заныло сердце: а за каким чертом мы попремся в этот неведомый Кын по ледяным перекатам и таежным тропам? Я запомнил также, что при словах старшего инструктора: «Счастливого вам пути и мягкого снега!» — Наташа вздохнула.

Рюкзаки у нас оказались довольно легкие, на пути было достаточно поселков с магазинами, и все же через километр я понял, что на десять дней с легкой жизнью придется проститься. В походы я ходил довольно много, но зимой — впервые. Приблизительно в таком же положении были все участники нашей группы, и только Аркадий, кроме значка «Турист СССР», имел еще удостоверение инструктора по туризму. Где он его получил — так и осталось для нас тайной, но именно удостоверение и послужило Аркадию и пропуском, и паспортом, когда он уговаривал директора турбазы отпустить нашу шестерку в дали дальние.

Мы растянулись цепочкой. Впереди с картой и компасом шел Аркадий, за ним Гриша Дынько — увалень и добряк, третьим был Андрей Плетнев, в первые же минуты знакомства перекрещенный в Воробья, за «Воробьем» пыхтела Наташа, потом я, и замыкал цепочку Валентин Санников — хмурый молчаливый инженер лет двадцати трех. На фоне лучезарных физиономий Санников выглядел Гамлетом, обдумывавшим извечную дилемму: «Быть или не быть?» Когда он знакомился с нами, он сказал коротко: «В походы ходил, готов идти хоть на край света».

— Прекрасно! — воскликнул Аркадий.— Мы как раз туда и отправляемся.

Андрюшка Плетнев был самым молодым в нашем отряде. Ему было всего девятнадцать, и он не сводил глаз с Аркадия. А тот подбадривал Андрея: «Выше нос, Андрей-Воробей! Не забывай, что ты у нас представляешь славный революционный рабочий класс». Андрей был по профессии токарем, больше слушал, чем говорил, а если говорил, то с неизменной присказкой «У нас на заводе...»

Остальные пятеро, по выражению нашего начальника, относились к «гнилой интеллигенции»: учительница, техник-связист и трое инженеров.

Самым приметным в группе был Гриша-связист: широкоплечий, какой-то квадратный и до одури безмятежный. На турбазе я его видел дважды и оба раза в клубе за шашками. Других страстей у Гриши мы не обнаружили. Лесом мы вышли к Чусовой, к Камню Часовому, могучему богатырю, прикорнувшему у реки. Была середина декабря, падал редкий снег, и перед нами белой скатертью расстился двухсоткилометровый путь по Чусовой.

2

Запоминается только первое: первая скала, первый привал, первая ночевка. И, пожалуй,— первый бунт. Бунтов за десять дней было немало, но запомнился почему-то первый. Случился он из-за деревни со странным и несколько смешным названием «Трека».

Из Нижнего Села, где у нас была первая ночевка, в Староуткинск утром уходила машина, и шофер любезно предложил нам составить компанию: «Через полтора часа законно будем в Утке. Посмотрите демидовскую домну, подзаправитесь, а там и дальше...» Предложение было тем более заманчивым, что от вчерашнего перехода ныли все суставы. Но Аркадий был неумолим.

— Дачники вы, а не туристы! — шумел он.— Вы так и Чусовой не увидите. Не понимаю: не увидеть Треку, не областить камни...

Мнения разделились. Аркадия поддержал Андрей. Он горячился, размахивал руками и всячески старался уязвить наше самолюбие примерами из заводской жизни.

Гриша-связист до этого отмалчивался, а тут с застенчивой улыбкой изрек:

— Да будет вам. Доедем на попутной до камешков, а там и до Староуткинска останется немного.

— А Трека?

При голосовании голоса разделились: двое за Треку, трое против и один воздержавшийся. Воздержался, конечно, Гриша. Знаменитая Трека была безжалостно вычеркнута из маршрута, а энтузиасты туризма в лице Аркадия и Андрея до самого вечера называли нас «дачниками».

Где-то у Большой Сибирки, упрямой речки, которую не смогли утихомирить даже декабрьские морозы, Аркадий забарабанил в кабину, машина остановилась, и мы расстались с любезным шофером. Над Сибиркой клубился туман, кусты и деревья по берегам напоминали московских бояр — столько на них было инея и снега, что поневоле вспоминались пышные меха. Было тихо, сквозь низкие серые тучи на землю падали желтыми столбами солнечные лучи, а вокруг стояла роскошная тайга. Было что-то колдовское, из сказки о Снегурочке и Берендине, в торжественном молчании богато прибранного снегами леса.

Только с невидимого переката доносился легкий рокот, но он лишь подчеркивал величавую тишину.

Летом здесь, наверно, сумрачно и прохладно. Летом под ногами трещит валежник, полянки расцвечены алой землянкой, влажный воздух звенит от комаров и мух. А зимой снег глушит звуки, как гигантская химчистка, приводит в порядок и чистит грязноватые осины, болота и кочки, еще больше подбеливает березы. Жизнь в лесу зимой кажется заметнее. Множество синиц, чечеток, щуров перелетает с дерева на дерево, наполняя все вокруг беззаботным треньканьем. А если еще день ясный и солнечный, то лес своей веселой пестротой может поднять настроение даже у меланхолика. Только не у нашего Валентина. Валентин идет, не оглядываясь по сторонам, не замечая ни заячьих следов, ни снегирей на ярко-красных гроздьях рябины. Он весь ушел в себя, его не трогает ничто. О чем он все время думает? За два дня Валентин не сказал и двух слов.

— Он все время отмалчивается, — сказала утром Наташа. — Я говорю: «Что у вас, Валя, случилось?» А он пожимает

плечами. И мне даже неловко перед ним. Словно я в чем-то виновата. Ведь, правда же, если человек с тобой не хочет разговаривать, он тебя презирает или ненавидит?

У Наташи было обиженное лицо.

— Ты не знаешь, почему он меня презирает?

Я рассмеялся. Уж больно наивной мне показалась Наташина обида.

— По-моему, если он кого и презирает, так самого себя.

— Ах, ты ничего не понимаешь!

Когда я выбрался из ельника, то увидел Наташу у обрыва.

Ребята стояли уже внизу, у самого устья Сибирки, и подзадоривали Наташу.

— Неповторимый трюк! — кричал Аркадий. — Парный слалом! Собирайте обломки от лыж на растопку!

— Ах, так! — вспыхнула Наташа. — Не будет тебе обломков. Держи! — И бросила вниз лыжи.

— А как же ты? — спросил я рассерженную Наташу.

— А вот так! — сказала Наташа и съехала вниз на чем могла.

Наташин «глиссаж» и напугал нас и рассмешил. А Наташа сказала, отряхиваясь от снега:

— Смеетесь? Думаете, мне было не страшно?

Мы все разом задрали головы, мысленно проделали ее спуск и согласились: «Страшно».

Чусовая казалась великолепной. Пусть это определение ничего и не говорит, но, честное слово, какими бы эпитетами ни награждали уральскую красавицу, все будет бедно и не то. Река, зажатая меж высоких красноватых скал, извивалась в виде буквы «г». На первом повороте у острого, круто падающего гребня она еще не замерзла и клокотала. Гребень казался носом океанского лайнера, вокруг которого пенелись буруны. А дальше река напоминала дикого зверя, вздыбившего на загривке шерсть. Битый лед, торчащие вкривь и вкося льдины создавали такой хаос, что даже за полкилометра брала оторопь: как мы пройдем через это колобродье?

Мы шли, кроша мелкий лед, проламывая палками воздушные пузыри, и многократное эхо, отражаясь от скал, сопровождало нас почти до самого Староуткинска. У Камня Заплотного сделали привал. Заплотный — стометровый забор из каменных плит. Если задрать голову, видны сосны, стоя-

щие на самом краю камня, и сосны, висящие вершинами вниз. В самом центре Заплотного водой промыло ложбину, и в ней образовался необычный «соснопад».

— Странно видеть деревья вершинами вниз,— сказал вдруг Валентин.

— Да, это очень неудобная поза,— тотчас откликнулся Аркадий, но его остроту заметил только неунывающий Воробей.

До старинного села Чусовское мы дошли, а кое-где и доехали с попутчиками по лесной дороге. На реку не спускались — все интересные камни осмотрели с берега. У каждого камня, как у человека, своя биография. Но я запомнил немногие, главным образом, те, что привели в восторг Андрея.

Побывали мы и на Старо-Шайтанском заводе в Чусовском. От завода, собственно, осталась груда кирпичей, а сливная труба, целиком сделанная из лиственницы, уже двести лет сдерживает напор воды, поднятой плотиной на тридцать метров. Над трубой — пар, под трубой — длинные сосульки и тончайшее кружево из льда и инея...

— Двести лет? И все вот под таким напором? — ахала Наташа. Всклокоченный дед — смотритель плотины — поступивал палкой по ржавым барабанам и чугунным валам, сердился:

— Да ить что — вру тебе? Говорят, при Петре-царе строили, — значит, так и есть!

3

В Мартыново — старинное чусовское село, растянувшееся вдоль реки на добрый километр, — мы добрались основательно промерзшие и усталые. За три дня похода мы как-то незаметно притерлись друг к другу, у Аркадия поубавилось прыти, Андрей потихоньку начал отставать, а Наташа со вздохами и ахами так втянулась в походную жизнь, что все время оказывалась в направляющих.

Я все время шел за Наташей и терял ее из виду только тогда, когда прокладывал лыжню. Мне доставляло огромное удовольствие, когда Наташа останавливалась и гово-

рила тихим заговорщицким голосом: «Слышишь? Синицы ссорятся...» Я прислушивался, но ничего не мог понять в шорохах и треске, а у Наташи было такое счастливое лицо, что я ей верил: синицы и в самом деле передрались на верхушке сосны.

На обеденных привалах мы обычно раскладывали костры, и Наташа выполняла роль хозяйки. Где-то между Староуткинском и Чусовским Наташа окончательно смирилась с тем, что десять дней придется мерзнуть на ветру, спать где попало, падать и расшибаться. А смирившись с этой неизбежностью, стала делать все возможное, чтобы скрасить трудности походной жизни. Она органически не могла видеть кого-нибудь из нас расстроенным или недовольным. Она окружила нас опекой, хотя, может быть, ей самой приходилось труднее всех.

Незаметно Наташа все более оказывалась самым необходимым человеком в группе. А с Аркадием случилось обратное: он охладел к отрядным заботам и только фантастические планы выдвигал с прежним энтузиазмом. Может, он и в самом деле ощущал избыток сил и энергии, но скорее всего дело было в другом. В нем оказалось что-то от актера, которому дозарезу необходимы зрители и не столько зрители, сколько поклонники. А когда «зрители» показали спину, Аркадий стал выискивать, на чем бы мог срывать свое дурное настроение.

Мы шли большей частью по реке, а где попадалась дорога — спрямляли речные зигзаги дорогой. Мы шли мимо древних утесов, напоминающих замки, фотографировались на камнях, восхищались их красотой, мерзли, иногда в ветер — обмораживались. По вечерам, если ночевали в школах, — пели песни и высчитывали, сколько километров осталось нам топать до Кына и когда мы увидим знаменный Олений Камень.

4

Из нас шестерых только Аркадий путешествовал раньше по Чусовой. Еще на турбазе он нам рассказывал про Камень Переволочный, который у села Мартыново образует узкий перешеек. У этого камня петля реки почти смы-

кается. Два плеса разделены стометровой скалой, которая на северо-западе обрывается в Чусовую почти вертикально. А напротив Переволочного — вычурная Яга. Древний рыцарский замок с высокими бастионами, осыпающимися башнями, а вокруг седые ели с побуревшими вершинами. Напротив села Волегово, прямо из реки, почти отвесно, поднимаются мощные пласти известняка, рассеченные глубокими складками. Настоящая расческа!

Камни запоминались не по названиям, а по событиям, случившимся подле них. Большинство скал мы забывали на второй день и часто путали. Но ни об одной скале не было столько разговоров и споров, как об Оленьем Камне.

В Кашке мы ночевали. Остановились у седого глуховатого старика Зырянкина. Устроившись, решили прогуляться по деревне.

День угасал, по снегу уже бежали косые фиолетовые тени, но солнце освещало красным светом скалы напротив деревеньки, крыши домов и деревянный обелиск в конце улицы. На обелиске — ни надписей, ни таблички, но под снегом заметен высохший венок. Из мальчишек, увязавшихся за нами, один оказался довольно бойким и рассказал историю могилы:

— Здесь похоронены матросы из Петрограда. Их беляки перестреляли. Напали из-за засады. А один раненый переплыл Чусовую и целый день отстреливался из Голубков, — и мальчишка показал на скалы, залитые последними лучами солнца.

— Пещера его только, жалко, завалилась.

— Так и переплыл? — иронически переспросил Аркадий.

— Не верите? — обиделся мальчишка. — Беляки по нему бах-бах из нагана, а он ныряет и плывет. Выбрался на Голубки, да как жахнет по ним из винтовки — всех перебил. Не верите?

— Верим, верим, мальчик, — сказала Наташа, перебивая Аркадия, у которого с лица не сходила скептическая улыбка.

От Кашки до Пермяково Чусовая протекает по диким и глухим местам, почти без населенных пунктов. По берегам среди густого леса возвышаются величественные скалы. Олений Камень поднимается над Чусовой где-то посредине между этими деревнями, на крутом изгибе реки.

На Камень мы взбирались долго. Цеплялись за кусты, часто срывались и, если бы не веревка, которой обвязались еще внизу, кто-нибудь наверняка скатился бы с семидесятиметровой «горки».

Зато вознаграждены мы были сторицей. На запад до самого горизонта расстилалась по отрогам и увалам черная щетина тайги. Белые, неправильной формы, поляны лишь оттеняли ее угрюмость. Чусовая, скованная льдом, убегала, прихотливо петляя между скал, к горному массиву. Где-то у Пермяково она резала надвое хребтик, пытавшийся задержать ее стремительный бег к Каме. Дали, сумрачные дали, от которых тревожно на душе...

Я вспомнил легенду о скале.

«Ранним утром повстречал охотник в тайге оленя. Выстрелил, да промахнулся. Лишь слегка подранил оленя.

Долго петлял олень по тайге, пытаясь уйти, но силы оставляли его. И тогда выбежал олень на высокую скалу, трубным ревом огласил лес. Не захотел покориться человеку, прыгнул с огромной высоты в омут. С тех пор люди и прозвали камень Оленым...»

Я шагнул ближе к обрыву. У края пропасти прилепилась сосенка. Внизу едва заметным частоколом торчали наши лыжи. От высоты в сердце закрался холодок.

...Беда случилась километрах в трех за деревней Пермяково. Аркадий не утерпел и полез разыскивать на Писаном Камне надпись, сделанную на месте рождения одного из Демидовых. С собой он взял Андрея, а мы остались под скалой готовить обед. Минут через двадцать раздался крик: «Андрей! Андрей!» Аркадий кричал во весь голос, он стоял на карнизе и махал нам руками.

Андрюшку мы нашли почти у подножия, в трещине. Он сорвался со скалы в тот момент, когда пытался очистить надпись от снега.

У Андрюшки было разбито лицо, левая нога подвернута и, когда Наташа попыталась повернуть Андрея на бок и поправить ногу, он побледнел и застонал. Было ясно, что подняться Андрей не сможет и нам придется обзаводиться санями.

— Почему вы не связались веревкой? — спросила Наташа Аркадия, а тот недоуменно развел руками:

— Знать, где упасть — постелить бы соломки...

Два часа ушло на перевязывание Андрея и изготовление саней. С санями возились Гриша с Аркадием. Они прикрепили поперек лыж с десяток коротких жердочек, настелили лапник, и мы уложили на импровизированное ложе Воробья.

Андрюшка уже отошел, даже лубок на ногу снес без стона.

— Оттащим его в Пермяково? — предложил Аркадий.

— Но там ведь нет врача, — сказал Валентин.

— Позвоним, вызовем санитарный вертолет.

— А есть ли в Пермяково телефон?

Этого наверняка никто не знал. Скорее всего, телефона не было.

— Чудаки вы, — уверенно говорил Аркадий. — Мы же в советской стране живем. Вертолет прилетит обязательно. Вызовем из первой встречной деревни. Ну не из деревни, так из Кына. День-два Воробей потерпит. Верно, Воробей?

— Потерплю, — ответил Андрей таким безжизненным голосом, что Гриша без лишних разговоров потянул санки вниз по Чусовой.

— Вы, что, рехнулись? — рассмеялся Аркадий. — До самого Кына тащить по льду этот рыдван?

— Можешь не тащить, — бросил через плечо Валентин и впряжен рядом с Гришей.

Через пятнадцать минут мы поняли, что тащить сани и рюкзаки очень тяжело, и Гриша предложил соорудить еще одни нарты, для рюкзаков.

Особенно доставалось на перекатах. Здесь река застывала слоями, на быстринах торчали настоящие торосы, которые с санями было ни пройти, ни обойти, и приходилось Андрея переносить в таких местах на руках.

У Самаринского Камня мы перешли из Свердловской области в Пермскую. События этого ждали несколько дней, но теперь белый полукруг надписей на скале удостоился только беглого взгляда. В лицо дул холодный ветер, мороз крепчал, и мы спешили засветло добраться до жилья.

Судя по карте где-то перед Столбами должно было находиться лесничество. Но то ли карта врала, то ли мы проглядели лесничество в начинавшейся метели... Мы поняли, это, когда увидели на левом берегу гигантских каменных идолов.

— Столбы,— сказал Аркадий.— Остановимся?

— Нет,— решительно отрезала Наташа.— Скоро стемнеет. Так мы и прошли мимо знаменитых Столбов.

Аркадий на ходу все же сумел сделать несколько снимков. Я видел, как он прицеливался на хищную голову доисторического динозавра, выглядывавшего из-за сосен.

Потом он закричал: «Смотрите!», мы остановились и увидели, что со стометровой высоты сверху на нас смотрел гигантский питекантроп: низкий нависший лоб, короткий нос... Суеверным ужасом веяло от этого каменного идола.

— Дальше жилья нет до Кайгородово,— сверившись с картой, сказал Аркадий.— А до Кайгородово не меньше пятнадцати километров.

Мы растянули палатку в лесу, на небольшой полянке. С трудом вытащили на берег сани с Андреем, разобрали вещи и повалились без сил на снег. Только у Гриши хватило еще пороха возиться с костром. Усталость, растерянность — все куда-то отошло, когда к небу взметнулось рыжее пламя.

Палатка оказалась довольно просторной. Мы натаскали елового лапника, посреди палатки на камнях устроили печурку и после ужина залезли в спальные мешки. Это была наша первая ночевка в палатке, и первый раз перед сном мы не пели и не смеялись над медлительным Гришей.

Если кто нас и выручал сегодня на торосах, так именно Гриша Дынько! Он один свободно приподнимал сани с Андреем, в то время как мы втроем бестолково толкались, не зная, как за них ухватиться.

Ночь прошла тревожно. Мне снился каменный идол с веки застывшей иронической улыбкой. Гудел ветер в камнях, по палатке шуршал снег, сбрасываемый соснами, часто просыпался и стонал Андрей. К утру у него поднялась температура.

До Кайгородово был самый трудный переход. Бесконечные повороты, плесы, перекаты вызывали отчаяние. По наледям мы скользили, и не было никаких сил столкнуть сани с места. Под скалами, с подветренной стороны, нас подстерегали сугробы, покрытые жестким настом, который резал руки. Мы почти не разговаривали: для острот и споров сил уже не было. Каждый жил надеждой: добраться до ближайшей избы.

Самодельные санки часто разъезжались в стороны, и тогда спальный мешок с Андреем приходилось оттаскивать в сторону и все начинать сначала: две лыжи вдоль, палки поперек, а сверху жерди и еловый лапник, чтобы не избить Андрея на торосах. Андрей на остановках выбирался из мешка и тоже вязал узлы. Он держался молодцом и не скрывал своей радости, что мы его не оставили в Пермяково.

Обедали мы во время санных крушений. Отогревались у костра, пили горячий кофе и двигались дальше.

В Кайгородово мы разыскали фельдшера, круглоголовую девушку-медичку. Она установила у Андрея перелом ноги:

— Скорее в Кын! Там есть рентгеновский кабинет, и там смогут наложить гипс.

Легко сказать — в Кын! Но до Кына добрых тридцать километров...

Хозяйка, пустившая нас на ночлег, оказалась добрейшей душой. Она даже баню предложила истопить, но мы ограничились большим чугуном отварной картошки. Картошка источала медовый аромат, веки слипались, а в ушах звенела поземка.

— Глупейшее христолюбие, — слышал я сквозь дремоту голос Аркадия, — таскать на себе больного, когда есть возможность воспользоваться цивилизацией. Но мы — рыцари, мы против рационализма в поступках. Да здравствует Дон-Кихот Ламанчский!

— Утром попытаемся достать лошадь, — говорила Наташа. — Мы сможем в деревне достать лошадь?

— Ой, милые, — отвечала хозяйка, — до воскресенья и не сыщете, все на лесозаготовках.

— Так что же, — иронически тянул Аркадий, — тридцать верст тащить Воробья на себе?

— Аркаша, не надо,— умоляюще сказала Наташа.— Кто же мог предполагать...

— А зачем, спрашивается, впадать в христолюбие? Что случится с Воробьевом, если он день пролежит у хозяйки? Мы тем временем налегке доберемся до Кына и там уж что-нибудь сообразим.

— Что именно? — спросил Валентин.

— Там будет видно.

Спор грозил перейти в ссору. Но слишком все устали, чтобы доказывать свою правоту.

— Конечно, идите без меня,— сказал вдруг Андрей.— И так я вам весь поход испортил.

— Вот именно, Воробей,— улыбнулся Аркадий.— У тебя пролетарская сознательность.

Утром Аркадий стоял на своем — он не хотел тащить больше сани:

— Бурлак из меня не получился.

— Просто ты не выспался,— хмурилась Наташа.— Вот и бузишь.

— С вами, пожалуй, выспишься...

— Пойдемте по дворам. Не будем больше спорить с ним. Может, найдем лошадь...

Когда после бесплодных поисков мы вернулись в избу, Андрей объявил нам, что Аркадий ушел к Кыну один.

«Обещал прислать санитарный вертолет», — добавил он чуть слышно.

Наташа схватилась за голову:

— Ты правду говоришь?

— Он сказал, чтоб вы его не ждали. И меня чтоб с собой не брали. Тяжело ведь будет.

Наташа выскочила на улицу. Я побежал за ней. Я пытался остановить Наташу, но она бежала, не разбирай дороги. У самого берега упала, я помог ей подняться.

— Почему он так сделал? — с горечью спросила она.

Мы стояли на свежей лыжне. След уходил по льду на запад, к Кыну.

— За два года он ни разу ничего не сделал по-моему. Понимаешь, какой эгоист?

Подошли Гриша с Валентином. У обоих был растерянный и удрученный вид.

— Эгоист, гадкий эгоист! — кричала Наташа.— Всю мне жизнь отравляет своим скоморошеством.

И вдруг сменила гнев на мольбу:

— Мы его догоним? Он же без нас пропадет!

Тяжело было видеть, как убивается Наташа. Она прокли-нала Аркадия, но еще больше жалела.

— Я не переживу, если он замерзнет,— говорила она скороговоркой, и в ее серых глазах появлялся ужас.— Хотя он просто дурак...

Хозяйка дала нам легкие санки (на них она с реки возит в бочке воду). Мы накоробили санок лед, уложили палатку, рюкзаки и Андрея в спальном мешке. Вместе с нами пошли трое кайгородских мальчишек. Они должны были привезти санки назад.

С санками мы двигались быстрее. К тому же от Кайго-родово до Киселей по льду была проложена дорога. Да и мальчишки старались вовсю.

Наташа больше не плакала. Она только упрашивала: «Ребята, родненькие, давайте догоним...»

Но догнать Аркадия мы, конечно, не могли. Мы только видели его след: Аркадий шел переменным шагом, на лыжах он ходил хорошо.

— Неужели он раньше нас придет в Кын? — чуть не стонала Наташа, и в эти минуты я просто ненавидел самоуве-ренного идиота — ее мужа. Даже то, что он самым под-лым образом бросил нас с больным Андреем, меня воз-мущало не так, как возмущало его отношение к Наташе. Не было никакого сомнения, что Наташина семейная жизнь — сплошная пытка.

В Киселях мы все-таки раздобыли лошадь и расстались с мальчишками. Накормили их конфетами и отправили с санками домой. Дальше Андрея должен был везти почтарь, покладистый и веселый мужичок, развозивший на своей рыжей кобылке по окрестным селам почту.

В Кын шла довольно хорошая лесная дорога, но Наташа уговорила почтаря ехать по реке.

— Мы должны наказать одного человека, поймите, — уговаривала она.— Вы же не допустите, чтобы он посмеялся над нами?

— А как думают мужики? — спросил почтарь с усмеш-кой.— Догонять будем?

У нас на этот счет не было никаких сомнений. Даже Гриша Дынько пробурчал в ответ: «Таких надо учить покрепче...»

Но догнать Аркадия нам не удалось. Как ни привычна была почтарская лошадка к бездорожью, мчаться рысью по ледовой крошке и снежным застругам она не могла. Да и у нас силенки были на исходе.

Окончательно мы сдались в Кирпичной. В ближней к реке избушке нам сказали, что Аркадий прошел к Кыну час назад. Заходил напиться, преподнес хозяйке комплимент и ушел, насвистывая песенку.

Наташа проревелась как следует и согласилась ехать дальше по дороге. Почтарь усадил ее в сани, она зарылась под палатку и до самого Кына не выбиралась из-под нее. Мне было жаль Наташу. В конце концов всякому существу есть предел. А судя по Аркадию — этого предела для него не существует!

Почтарь привез Андрея прямо в больницу. Наташа соскочила с саней, надела лыжи и умчалась к реке.

— Ждите меня здесь! — крикнула она на бегу. — Я скоро вернусь!

Она вернулась через полчаса, печальная и заплаканная. — Он не пришел в Кын, — сказала она. — Я всех обошла на берегу — его никто не видел. И следов нет.

На такой финал мы не рассчитывали. Сбиться с дороги Аркадий не мог — река нигде не разветвляется. Остается предположить одно: он, спрямляя путь, свернул в лес. А в лесу что ни пень — то перекресток, что ни дерево — то светофор.

— Конечно, сбился с пути, — с отчаянием сказала Наташа. — Он не взял с собой даже топора!

Я пытался представить карту, которую утащил с собой Аркадий: километрах в семи за Кирпичной Чусовая делает широкую петлю. Вполне возможно, что Аркадий решил эту дугу срезать и пошел к Кыну лесом.

Мы взяли с собой самое необходимое: палатку, спальные мешки, печку, топор и аптечку. Идти решили по реке — так легче отыскать следы.

— Самонадеянный мальчишка... У него даже спичек нет, я знаю... Он всегда надеется на «авось»...

К вечеру небо прояснилось и ударил мороз. Пальцы в ва-

режках мерзли немилосердно, от ветра, дувшего в спину, тело сотрясала мелкая дрожь. Но едва я поворачивался к ветру лицом, как от холода начинали слезиться глаза.

Стало совсем темно, и мы вынуждены были включить фонари, чтобы не растерять друг друга. Рассыпавшись по реке цепью, все время шли зигзагами, стараясь не пропустить возможного следа.

— Я знаю, почему он свернул в лес,— сказал Гриша, когда мы сблизились.— Испугался мороза. Боялся, что на ветру обморозится.

— А ты думаешь, в лесу сейчас слаще?

Мороз совсем озверел. Дважды по реке прокатился орудийный залп. Трескался лед. В глазах от резких движений вспыхивали рои разноцветных искр.

Следы Аркадия мы обнаружили там, где предполагали,— у начала речной дуги. Я чувствовал, что через пару шагов упаду от усталости. Насквозь промерзший лес цеплялся за меня каждой веткой, хлестал по лицу и тревожно гудел. До сознания с трудом, словно сквозь стену, доносился умоляющий голос Наташи:

— Ребятки, милые, родные, не падайте, ну, пожалуйста, совсем немножечко...

Сначала Аркадий старался идти по прямой — ломился сквозь подлесок напролом. Потом, видимо, силы начали иссякать, и он стал петлять. Но лес был густой, нехоженый, заваленный колодником и буреломом. Раза два Аркадий пытался вернуться к реке, но в наступающей темноте терял след на открытых местах: мела поземка, а идти по компасу уже не было сил. Он останавливался, отдыхал, и мы видели по следу, что он неуверенно топтался на лыжах. Пришла ночь, тайга плотно обступила Аркадия со всех сторон, и подстегиваемый страхом и отчаяньем, он снова ринулся напролом, по компасу.

Мы нашли Аркадия под вершиной. Сразу за ней начался Кын. Но у Аркадия уже не хватило сил ни обойти вершину, ни взобраться наверх. Да и вряд ли он знал, что почти дошел до Кына. Я не думаю, что он вконец ослабел — его сломил страх. Он привык видеть вокруг себя людей, которые ему служили и «зрительным залом» и опорой... А тут был только холодный мертвый лес. Когда отчаяние сдавило горло, он закрыл глаза и прислонился к

сосне. Он еще надеялся, что самообладание вернется, но на смену страху пришла усталость. Ноги подогнулись сами собой...

Я отчетливо помню, как в луче фонаря появилась странная фигура: человек сидел, засунув руки под мышки и уронив голову на колени. У его ног валялся компас со светящимся циферблатом. И еще я помню отчаянный крик:

— Арка-аша-а!

Полчаса мы приводили его в чувство: отогревали руками и дыханием... У меня от напряжения все кружилось перед глазами. Наташа что-то говорила, плакала, приказывала срывающимся голосом, и я выполнял ее распоряжения почти механически.

Когда Аркадий ожил и смог проглотить немного спирта, была глубокая ночь.

— Просто счастье,— сказал Гриша,— что мы успели его застать.— Через час было бы уже поздно.

— Счастье, что ему досталась такая жена,— со злостью ответил Валентин.— Везет же некоторым болванам!

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Масленников. Зимой по Уралу...	4
В. Жмуро. Впервые через Полярный Урал	11
Л. Кольцов. По крыше Урала	28
М. Владимиров. Манарага	40
В. Жмуро. К северу от Северного Полярного	51
В. Гранин. Сквозь горы и снега	67
А. Потапов. Заповедный уголок	78
Е. Масленников. С горами не шутят!	81
Д. Шляпников. Новый год в лесу	98
Л. Емельянов, В. Щепетов. К уральским пещерам	105
Р. Рубель. Нити дружбы	119
П. Истомин. В Капову пещеру	126
Ю. Яровой. Запах снега	134
П. Бартоломей, В. Карелин. Неоконченный спор	141
Ю. Яровой. Олений Камень	151

ЗИМОЙ ПО УРАЛУ

Художник А. КАЗАНЦЕВ

Редактор Н. КАТКОВА

Художественно-технический

редактор Я. ЧЕРНИХОВ

Корректор Н. РАБИНОВИЧ

Подписано к печати 7/VIII 1965 г.
Уч.-изд. л. 9,45. Бумага 60×84¹/₁₆.
5,38 бум. 10,77 печ. л.
НС 25348 Тираж 11000 Изд. № 512
Заказ 475. Цена 56 коп.

Средне-Уральское Книжное
Издательство Свердловск,
ул. Малышева, 24
Типография изд-ва „Уральский
рабочий“ Свердловск, пр. Ленина, 49

56 коп.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СВЕРДЛОВСК